

С.В. Назин

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН:
реконструкция этнонима,
прародины и древнейших
миграций**

Москва
Грифон
2017

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Н 19

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой её части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

Назин С.В.

Н 19 Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародины и древнейших миграций / С.В. Назин. – М.: Грифон, 2017. – 280 с.

ISBN 978-5-98862-328-1

Загадка происхождения славян состоит в том, что древнейшие славянские предания помещают прародину славян на средний Дунай, к югу от Карпат, а первые достоверно славянские памятники пражской археологической культуры обнаружены в областях к северу от Карпатских гор.

Автор ставит целью доказать, что обе теории дополняют друг друга: в начале 1-го тысячелетия славянские племена жили по обе стороны Карпат. Собственно «славянское» население, известное в источниках под именем паннонцев, а затем склавинов, занимало Подунавье, а родственные им «вятские» племена, называемые венетами и антами, обитали в Восточной Европе.

В книге показано: во-первых, где, когда и при каких условиях возник народ, называющий себя славянами, а во-вторых, указана прародина славян – место, где произошло выделение праславян в качестве отдельного индоевропейского языка. Для решения этих задач в первую очередь привлекались письменные источники. Археологический и лингвистический материал использован лишь в той мере, насколько это было необходимо.

Для читателей, интересующихся историей России и славянских народов в целом.

ISBN 978-5-98862-328-1

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© С.В. Назин, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2003 году автор этих строк защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую происхождению славян. Стечением обстоятельств, после безвременной кончины моего первого научного руководителя Владимира Александровича Сафронова, автора книги «Индоевропейские прародины», научное руководство работой взял на себя академик Олег Николаевич Трубочёв. К сожалению, он тоже умер до защиты диссертации, заканчивать которую пришлось в очень трудных условиях. Мне хотелось бы с благодарностью вспомнить Галину Александровну Богатову, Надежду Александровну Николаеву, Ингу Борисовну Еськову, Аполлона Григорьевича Кузьмина, Михаила Александровича Васильева и Олега Николаевича Кудрявцева, без помощи которых работа вряд ли была доведена до конца. Обстоятельства сложились так, что возможность опубликовать её представилась только сейчас. Первоначальный текст был полностью переработан и расширен, учтены новые исследования, ранее недоступные либо появившиеся за прошедшие годы. Целью работы является обоснование теории дунайского происхождения славян. Будучи историком по образованию, я использовал в первую очередь показания письменных источников. Археологический и лингвистический материал привлекался лишь в той степени, насколько можно было истолковать его с точки зрения истории. Работа не стремится дать всеобъемлющий обзор славянской истории и культуры в духе «Славянских древностей» Павла Йозефа Шафарика или Любора Нидерле. Задачи её состоят только в том, чтобы, во-первых, определить, где, когда и при каких условиях возник народ, называющий себя славянами, а во-вторых – указать прародину славян, то есть место, где произошло выделение праславян в качестве отдельного индоевропейского «языка», безотносительно к тому, называли ли они себя в то время славянами или как-нибудь иначе.

ГЛАВА 1. ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

Загадка происхождения славян состоит в том, что они появляются на страницах истории словно бы из ниоткуда. Самое первое упоминание имени славян в письменных источниках относится к 512 году. Ранее славяне упоминаются только названием венетов. Беда состоит в том, что это племя известно в таких местах и в такое время, где исторических славян быть просто не могло: в Галлии, Пафлагонии и Венеции. Однако никуда не деться от того обстоятельства, что западные соседи славян германцы знали их только под именем вендов. Согласно Тациту, Плинию Старшему и Птолемию, венеты жили где-то к востоку от Вислы, которая в то время разделяла Германию (Свебию) и Сарматия вплоть до побережья Балтийского моря (Сарматского океана). Где бы ни проживали эти венеты, их земли лежали к северу от Карпат. Вместе с тем славянские предания единодушно помещают родину славян к югу от Карпат, на Дунае, в римских областях Паннонии, Иллирике и Норике, где в римское время не известны ни венеты, ни тем более славяне. В довершение всего славяне появляются в VI веке не одни, а в сопровождении народа антов, который не отличался от собственно славян ничем, кроме имени, был многочисленнее и сильнее их и тем не менее бесследно исчез спустя 100 лет в начале VII столетия.

Вплоть до середины XIX века историки в целом придерживались дунайской теории происхождения славян. На уровне современной науки эта теория была изложена в работе Павла Иозефа Шафарика «Славянские древности», опиравшегося прежде всего на письменные источники и славянское историческое предание. Этот взгляд был поколеблен развитием лингвистики. С открытием индоевропейских языков и включением славян в эту языковую семью выяснилась чрезвычайная близость славянского и балтийских (литовского, латышского, прусского) языков. Было обнаружено также, что названия ряда деревьев, произрастающих в Центральной Европе, прежде всего бука, были заимствованы в сла-

Загадка происхождения славян

вянский язык из германского. На основании так называемого «букового аргумента» или «аргумента Ростафиньского», прародина славян была помещена к востоку от области распространения бука. С дунайской прародиной славян было покончено, и дальнейшие поиски велись в основном не на историческом, а на лингвистическом материале. Итог этим поискам подвёл Любор Нидерле в книге, названной подобно работе Шафарика «Славянскими древностями». Согласно Нидерле, прародина славян располагалась между Одрой на западе и Днестром на востоке, к северу от Карпатских гор.

Если во второй половине XIX – начале XX века главным источником знаний о древних славянах была лингвистика, то после Первой мировой войны необыкновенные успехи сделала археология. Славянские древности VIII–X веков давно раскапывали на городищах в Восточной Германии, однако только в 1939 году чешский археолог Борковский выделил в собрании Пражского музея славянскую лепную керамику, более раннюю, чем «городищенские» находки. Эти знаменитые в славянской археологии горшки получили название «пражского типа». Впоследствии они станут самым главным признаком расселения славян, а происхождение этой посуды само превратится в неразрешимую загадку.

Разгром фашистской Германии привел к подъёму славянского духа. Это выразилось прежде всего в работах польских археологов, которые считали Польшу родиной всех славянских народов и приписывали славянам (венедам) польские археологические культуры, начиная с позднего бронзового века (лужицкая) вплоть до эпохи переселения народов (пшеворская). Отечественные археологи, в свою очередь, связывали со славянами (антами) памятники черняховской культуры римского времени на Украине. «Автохтонистские» теории господствовали в историографии вплоть до середины 70-х годов прошлого века, когда они постепенно стали переживать всё большие и большие трудности из-за накопления нового археологического материала и «изменения международной обстановки». События «пражской весны» повернули общественное мнение Польши лицом на Запад; господствовавшее в польской археологии антинемецкое настроение начало слабеть и стало возможным вновь говорить о германских древностях на польских землях. Польский «автохтонизм» захирел, и на смену ему пришла концепция, выразителем

которой стал известный польский археолог Казимир Годловский. По его мнению, славяне пришли в Польшу с востока только в VI веке из Верхнего Поднепровья. Ещё недавно бывшие «славянскими» пшеворская и черняховская археологические культуры стали «германскими».

Рубежом в развитии славянской археологии следует считать работу И.П. Русановой со знаменательным названием «Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа» (1976). Эта работа не была столь всеобъемлющей, как труды Шафарика и Нидерле, но её значение трудно переоценить – впервые были обобщены все археологические материалы с посудой пражского типа, и раннеславянская культура VI–VII веков получила наконец своё археологическое воплощение. Область распространения пражской культуры в целом совпала с границами славянской прародины, очерченной Нидерле. Вопрос о происхождении славян после этого свёлся к проблеме происхождения пражской культуры. Корни последней искали либо на западе, в пшеворской культуре Польши, либо на востоке в зарубинецкой культуре Украины. Во II веке до н. э. – I веке н. э. обе культуры были соседями друг друга. Первое направление связано с именами И.П. Русановой и В.В. Седова (Седов, 1979), второе – с именем П.Н. Третьякова (Третьяков, 1982) и В.Д. Барана (Баран, 1983, 1998).

Западное происхождение славян опиралось на сохраняющее силу и в настоящее время обстоятельство, что прообразом раннеславянской пражской посуды могли послужить только лепные горшки пшеворской культуры. Трудность заключалась в том, что пшеворская культура в целом не могла считаться славянской. И письменные источники, и археологические древности указывали на её германскую принадлежность и позволяли связать её с племенем лугиев или вандалов. Это затруднение пытались обойти путем признания сложного этнического состава пшеворского населения, в котором выделяли собственно германский, кельтский и славянский слои (Русанова, 1985). Чисто славянской при этом считалась предшествовавшая пшеворской культура подклошевых погребений Польши (IV–III века до н. э.), которая в свою очередь сложилась при взаимодействии лужицкой и поморской культур. В силу ряда очевидных причин ни первую, ни вторую из названных культур нельзя было считать славянскими. Выходом из положения послужила гипотеза белорусского лингвиста В.В. Мартынова об образовании славянского

Загадка происхождения славян

языка из западного балтского диалекта, подвергнувшегося сильнейшему воздействию италийских языков (Мартынов, 2004). Применительно к археологическим культурам балтской была объявлена поморская культура, италийской (центральноевропейской) – лужицкая. Эта теория имеет сторонников и в настоящее время (Алексеев, 2015), но в общем остаётся только гипотезой, поскольку зиждется только на сведениях археологии и лингвистики. Полное отсутствие письменных источников не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть её.

Теория восточного происхождения славян из Поднепровья имеет давнюю историю. В своем законченном виде она изложена в книге В.П. Петрова «Етногенез слов'ян» (1972). Согласно ей, культура исторических славян является очередной ступенью в череде предшествующих ей культур: черняховской, зарубинецкой, скифской и т. д. вплоть до трипольской культуры Украины каменного века. С течением времени эти взгляды претерпели значительные изменения. Исследователи отказались от поиска первых славян в отдалённой древности и сосредоточились на культурах исторического времени, которые можно связать с венетами или славянами письменных источников. Главным претендентом на изначальное славянство стала зарубинецкая культура II века до н. э. – II века н. э. (Третьяков, 1982), из которой так или иначе выводятся киевская культура «предславянского» или «готского» времени III–V веков н. э. и вырастающие из последней колочинская и пеньковская культуры «ранеславянского времени» V–VII веков. Гвоздём, который скрепил эту череду, стала пеньковская культура.

Дело в том, что ни зарубинецкая, ни киевская, ни тем более колочинская или пеньковская культура не имеют прямого отношения к классической пражской культуре: ни их посуда, ни жилища даже отдалённо не напоминают образцовые горшки пражского типа и квадратные землянки с печами-каменками, по которым безошибочно определяется присутствие славян. Киевские и колочинские древности было принято связывать с балтами, а пеньковские древности – даже с кочевниками-болгарами. Переломной стала работа В.В. Седова «Происхождение и ранняя история славян» (1979). В ней он разделил раннеславянскую керамику на две большие группы, которые связал соответственно со «славянами» (склавинами) и антами письменных источников VI–VII ве-

ков. В первую группу попали горшки пражского типа с расширением в верхней части тулова, во вторую – пеньковские горшки с расширением в средней части тулова. Несмотря на то что пеньковская керамика не похожа на пражскую, исследователь подчеркнул славянскую принадлежность обеих керамических групп, назвав их пражско-корчакской и пражско-пеньковской. Последнее название по понятным причинам не прижилось, но антская, то есть славянская, принадлежность пеньковской культуры была признана всеми исследователями. Это обстоятельство потянуло за собой признание славянства родственных пеньковской колочинских и киевских культур.

Последнее, впрочем, не приближало к решению главного вопроса славянской археологии – о происхождении классической пражской культуры. Самые ранние её памятники обнаружены в Прикарпатье, в верховьях Прута и Днестра, где были найдены самые первые славянские полуземлянки с печами-каменками (Баран, 1983). Вопрос осложнялся тем, что эта область в позднеримское время (III–V века) была занята памятниками провинциально-римских культур Черняхово и карпатских курганов, которые по своему облику существенно отличались от «бедной» пражской культуры последующего времени. В.В. Седов и В.Д. Баран связывали её возникновение со славянским населением, проживавшим здесь под властью готов. Происхождение этого населения они связывали соответственно либо с пшеворскими, либо с позднезарубинецкими племенами. Но, как уже говорилось, пшеворская культура в целом принадлежала вандалам, а в зарубинецкой отсутствуют прототипы пражских горшков. Кроме этого, происхождение пражской культуры из Прикарпатья никак не помогало выявить общий корень пражской, пеньковской и колочинской древностей.

Накопившиеся затруднения вызвали к жизни концепцию «третьего пути» в поисках древнейших славян. Отдельные положения её давно излагались представителями ленинградской школы отечественной археологии (Лебедев, Мачинский, Щукин, 1989), в законченном виде она была изложена в большой статье М.Б. Щукина «Рождение славян» (Щукин, 1997). Исследователь отказался от поисков славян в отдалённой древности. По его мнению, славяне возникли в эпоху переселения народов, после разгрома гуннами готского государства Германариха

Загадка происхождения славян

и гибели связанной с ним черняховской культуры. Предками исторических славян были венеты – конгломерат лесных балтских племён Верхнего Поднепровья, смешавшихся с бастарнами – германским или кельтским населением разгромленной сарматами в I веке н. э. заруби-нецкой культуры. Имя венетов было занесено на север по Янтарному пути римскими купцами из Аквилеи и стало обозначением новой общности. Появившиеся в конце II века в Северном Причерноморье готы закрыли венетам выход на юг, превратив Верхнее Поднепровье в подобие «парового котла», где «варились» балты, которым в недалёком будущем предстояло превратиться в славян.

Разгром готов гуннами в конце IV века пробил стенку «венетского котла», и его содержимое разлилось по всей Восточной и Центральной Европе. Окончательное превращение венетов из балтов в славян произошло на Дунае, откуда они частью направились на Балканы, частью вернулись на север, где обрушились на оставшееся в «венетском котле» балтское население, которое они вытеснили или ославянили. Что касается пражской культуры, с которой принято связывать исторических славян, М.Б. Щукин предлагал искать её место рождения в «зоне археологической пустоты» или в «белом пятне» в Полесье, на берегах Припяти. И в самом деле, в этом же году И.О. Гавритухин обнаружил пражские горшки на поселениях, датированных им IV веком, то есть ранее появления самой пражской культуры V–VII веков (Гавритухин, 1997). После находок прототипов пражской керамики в Полесье концепция М.Б. Щукина стала едва ли не официальной в отечественной науке, оттеснив теорию В.В. Седова, который подвёл итог своим многолетним исследованиям в обобщающих трудах «Древние славяне» (1994) и «Славяне в раннем Средневековье» (1995).

Несмотря на первоначальный успех, теория М.Б. Щукина содержала в себе слишком много слабостей, чтобы считать её решением загадки происхождения славян. Во-первых, она не даёт ответа на вопрос, каким образом за столь короткий по лингвистическим меркам срок с V по XVI век, когда впервые появились первые записи на балтских языках, славянский язык-«сын» настолько обособился от балтского «отца»? В самом деле, из всех индоевропейских языков славянские и балтские наиболее близки друг другу, но и различия между ними не менее глубоки.

При всей своей близости это самостоятельные индоевропейские языки. Те же славянские языки за тысячелетний срок с X по XX век разошлись гораздо меньше. Во-вторых, даже если допустить, что самая ранняя пражская посуда появилась на Припяти в IV веке, это не снимает вопрос о её происхождении. Вывести её из посуды местных «лесных» культур по-прежнему невозможно, что признают даже горячие сторонники этой концепции (Фурасьев, 2009, с. 33), противники же прямо заявляют, что датировка пражской посуды на памятниках Полесья IV веком дана с нарушениями правил археологического исследования (Рассадин, 2008, с. 218).

Теория М.Б. Щукина уготовила славянам незавидную участь: она не только изгнала их из Европы и «утопила в припятских болотах», но и отказала им в самобытном происхождении, превратив из самостоятельного индоевропейского народа в «филиал» балтов, уклонившийся со столбового пути развития балтской цивилизации, а затем едва не уничтоживший последнюю. Западные исследователи зашли в этом отношении ещё дальше. В 2003 году появилась книга американского исследователя румынского происхождения Флорина Курты «Изготовление славян» (The Making of the Slavs), которая в одночасье сделала своего автора негласным корифеем зарубежного славяноведения. Отечественные сторонники теории «венедского котла» всё-таки признавали некоторую самобытность балтоязычных венедов, явившихся в VI веке на Дунай, где им предстояло окончательно превратиться в славян. Флорин Курта вообще отрицал какое-либо участие славян в своем «изготовлении». По его представлениям, этим именем были названы осколки племён самого разного происхождения, обретавшихся на северном берегу Дуная. Объединяясь вокруг своих вождей, которые по аналогии с предводителями новогвинейских аборигенов названы у Курты «бигмэнами», они составили конгломерат, получивший от византийцев наименование «славян». По мнению румынско-американского учёного, вовсе не очевидно, что первоначальные «славяне» века вообще говорили на славянском языке. Последний появился только с приходом авар, которые во второй половине VI века подчинили своей власти разноязычных «славян» Подунавья. Славянский сложился как гибридный язык межнационального общения (*lingua Franca*) аварской державы и по мере распространения

Загадка происхождения славян

аварской власти был усвоен местными племенами к северу от Карпат. Окончательное превращение имени «славян» в самоназвание было связано с переводческой деятельностью Кирилла и Мефодия, назвавших «славянским» язык своих переводов Священного Писания. С распространением христианства и грамотности представление о своём языке как о «славянском» было усвоено и массой его носителей, которые только тогда осознали себя славянами (Curta, 2001).

Несмотря на то что отечественное славяноведение охотно заимствует зарубежные концепции, – теория Шукина была развитием мыслей Иоахима Вернера и Казимира Годловского, – взгляды Курты вызвали возражения даже у тех российских исследователей, которые сомневаются в славянстве Тацитовых венедов и не считают возможным говорить о славянах ранее 512 года (Иванов, 1991). Всё же какими дикими ни казались бы рассуждения Курты, он не получил бы такого успеха, если бы в них не содержалось зерно истины. Истина же состоит в том, что румыно-американский учёный скандальным образом привлек внимание к мысли, что переселения славян, известные в письменных источниках, никак не отразились в археологических находках.

Даже если мы ответим на вопрос о происхождении раннеславянской пражской культуры, это ни на шаг не приблизит нас к решению загадки происхождения славян. Дело в том, что памятники, которые принято связывать с историческими славянами в Подунавье и на Балканах в VI–VII веках, не имеют к этой культуре никакого отношения, а сами пражские памятники, в первую очередь классические горшки, здесь совершенно неизвестны. Пражская культура является археологическим воплощением славян только в славянских областях к северу от Карпат: от Днепра на востоке, до Эльбы на западе, но совершенно отсутствует там, где помещают славян самые ранние письменные известия, – в «Славинии» на Левобережье Нижнего Дуная. Местная археологическая культура принадлежит туземному населению, а поскольку ни один современный исследователь за исключением О.Н. Трубочёва не согласен с теорией дунайской прародины славян, приходится выбирать одно из двух. Либо говорить о грандиозных переселениях славян, занявших в VI веке Балканы и Подунавье и не оставивших при этом никаких следов своей первоначальной пражской культуры, либо рассказывать об «изго-

товлении славян» прямо на месте из подручного автохтонного элемента, превратившегося в славян под руководством удалых «бигмэнов».

Действительным, а не мнимым «третьим путем» в поиске древнейших славян будет разыскание прародины славян на Дунае, откуда выводят славян их собственные исторические сказания. В конце XIX века дунайская теория была похоронена как ненаучная, и к ней не возвращались почти 100 лет. Первой попыткой возродить её была научно-популярная книга Вениамина Павловича Кобычева «В поисках прародины славян» (1973). Но по-настоящему вернул её к жизни выдающийся русский лингвист Олег Николаевич Трубочёв. Обратиться к ней его заставили исследования славянской ремесленной терминологии, которая обнаруживает параллели прежде всего в западных языках: латинском, кельтском и германском – и имеет мало общего с балтийской (Трубочёв, 1966). Свои изыскания он подытожил в 1991 году в фундаментальной работе «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование» (Трубочёв, 1991, 2003).

Основные выводы этой работы сводятся к следующему. Славянский язык как самостоятельный индоевропейский диалект появился в Среднем Подунавье в бронзовом веке. Соседями праславян были предки будущих италиков, о чем свидетельствуют древнейшие схождения славянского и латыни. С Дуная славяне переселялись на северо-восток, где они вступили в тесное, но вторичное взаимодействие с балтами, которое началось не ранее эпохи эпохи железа. Лингвистический центр славянского мира, откуда языковые инновации распространялись на окраины славянского мира, располагался на среднем Дунае, восточнославянский же ареал располагался на периферии. Имя славян происходит от глагола «*слути» и означает «говорящие на понятном языке».

Выводы О.Н. Трубочёва встретили прохладное отношение археологов, поскольку их нельзя было «непосредственно» приложить к имевшемуся в распоряжении материалу. «Славянских» древностей в таком виде, как они представлялись и до сих пор представляются большинству исследователей, в Среднем Подунавье римского времени действительно не было. Хотя поразительное сходство, если не сказать тождество, славянской «городищенской» керамики VIII–X веков и провинциальной римской посуды по Дунаю было известно ещё Л. Нидерле

Загадка происхождения славян

(Нидерле, с. 483), в славянской археологии ему не придавали никакого значения. Автору самому пришлось убедиться в этом в 2002 году, когда представилась счастливая и, к сожалению, единственная возможность лично спросить мнение В.В. Седова по данному вопросу. Трудоёмкое углубление в античный археологический материал, в общем чуждую славянской археологии область, не сулило быстрой отдачи, сам же О.Н. Трубачёв, будучи лингвистом, не мог предъявить в доказательство своих взглядов каких-либо «древностей».

Лингвистические свидетельства древнего пребывания славян на Дунае, собранные О.Н. Трубачёвым, были, впрочем, так основательны, что запросто отмахнуться от них не представилось никакой возможности. Давление идей великого лингвиста оказалось настолько сильным, что, даже отрицая его построения, современное славяноведение парадоксальным образом усвоило их суть. Утверждение, что Дунай является родиной славянства, стало альфой и омегой современной науки. Мысль эта, правда, приняла очень замысловатый, если не сказать извращённый облик в теориях Щукина и Курты, согласно которым именно на берегах Дуная изначально неславянское – то ли балтское, то ли вообще непонятно какое – население чудесным образом «преобразилось» в славян.

По убеждению автора этой книги, дунайское происхождение славян можно доказать не прибегая к сверхъестественному. Вопреки ходячему мнению, теория О.Н. Трубачёва находит подтверждение в археологическом материале, не говоря уже о свидетельствах истории. Наивным было бы ожидать, что расселение славян с Дуная происходило буквально так, как описано в «Повести временных лет», – действительность оказалась значительно сложнее. Во всяком случае имеющиеся сведения позволяют не только доказать дунайское происхождение славян, но даже очертить точные, как бы забавно это ни звучало, границы славянской прародины и объяснить, когда и при каких обстоятельствах возникло имя славян.

ГЛАВА 2. РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЁН

Современные славяне образуют четырнадцать отдельных государств, а один славянский народ – лужицкие сербы – живёт в Германии. Тысячу лет назад, во времена образования Руси, славяне тоже делились на отдельные народы. Их состав, особенно до начала X века, сильно отличался от современного. Нынешние исследователи называют древние славянские народы «племенами», греческие источники, особенно Константин Багрянородный, – «славиниями». Перечни славянских племенных названий являются перворазрядным источником знаний. Опираясь на них, можно восстановить картину древних переселений, о которых не осталось никаких упоминаний в памятниках письменности.

Главными нашими источниками по племенному делению славянства следует считать русскую «Повесть временных лет», Орозий короля Альфреда, книгу византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», «Историю» Адама Бременского и связанную с ней «Славянскую историю» Гельмольда, «Великопольскую хронику», летопись попа Дуклянина, «Баварского географа» и ряд других источников, преимущественно восточных. В этих памятниках даны исчерпывающие с точки зрения их авторов перечни славянских племен. Некоторые племена, отсутствующие в перечисленных сочинениях, содержатся в других источниках, о которых будет упомянуто особо.

Славянские племена в «Повести временных лет» и у Константина Багрянородного

Наиболее полные сведения о происхождении и расселении славян дает «Повесть временных лет». Она описывает их следующим образом:
«От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣне по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, где сѣдше на которомъ мѣсте. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровати бѣлии и сѣрбъ и хорутане. Волохомъ бо пришедшемъ на словѣне на дунайския, и сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша по Висле, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсахъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дрѣговичи; инии сѣдоша по Двинѣ и нарекошася полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прзвашася своимъ имянемъ, и сѣдѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Суле и нарекошася сѣверъ. И тако розидеся словѣнскій языкъ, тѣмъ же и грамота прозвася словѣнская» (ПВЛ, с. 11).

«И по сихъ братѣи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣне свое в Новгороде, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже сѣдятъ по верхъ Волги, и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленск, тудѣ бо сѣдятъ кривичи. Таже сѣверъ от нихъ...» (Там же, с. 13).

«Поляномъ же живущемъ особе, яко же рекохомъ, сущимъ от рода словѣнска, и нарекошася поляне, а древляне от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣхъ, – Радимъ, а другий Вятко, – и пришедъша сѣдоста Радимъ по Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от его же прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и сѣверъ и радимичи, вятичи и хрвате. Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне, а улучи и тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, и суть грады их и до сего дня, да то ся зваху от Грекъ Великая Скуфь» (Там же, с. 14).

По мнению исследователей, «Повесть временных лет» была записана в начале XII века (...). Её сведения о славянских племенах полностью

подтверждаются известиями византийского императора Константина Багрянородного (945–959). Его сочинение «Об управлении империей» называет те же самые племена. В главе 9 «О росах, отправляющейся с моноксилами из Росии в Константинополь» говорится, что «славяне же, пактиоты ея, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих “горах” моноксилы...» (Константин, с. 45); «Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их князья выходят со всей русью из Киева и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами руси» (Там же, с. 31). В главе 37 «О народе пачинакитов» сообщается, что печенежская «фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатёжными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами» (Там же, с. 157).

Перечисляя подчинённые русскому князю «славинии», Константин Багрянородный упоминает знакомых нам древлян, ляхов, дреговичей, кривичей, северян и уличей, однако в черед «подплатёжных руси» племён отсутствуют поляне, славяне с Ильменя, радимичи, вятичи, волыняне, хорваты и тиверцы. Отсутствие этих имён можно объяснить.

Город Киев первоначально принадлежал полянам и, прежде чем стать «матерью городов русских», был «польским» городом и оставался таковым много позже. Летописец начала XII века пишет: «Полеми же жившемъ особѣ... бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, отъ них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне» (ПВЛ, с. 12–13). В «Повести временных лет» поляне изображены «культурным» народом, в отличие от живущих «звериньским обычаем» соседних славянских племён. Они не только «смысленны и мудры», но и могущественны. Явившиеся за данью хазары получают от них мечи, и хазарские старцы, сравнив обоюдоострое оружие с однолезвийной хазарской саблей, с горестью предсказывают, что хазарам самим придётся платить дань этому племени. Что и сбылось: летописец самодовольно замечает, что хазары дают дань «русскийи князи и до днешнего дне», не отделяя таким образом полян от руси (Там же, с. 17). Нет в летописи и указания, что поляне платили дань русскому князю. Из этого следует, что поляне едва ли были «подплатёж-

ным» и вообще каким-либо образом угнетённым «росами» племенем. Напротив, надо полагать, что они были главной опорой русского князя в подчинении других племён. Судьба князя Игоря, убитого древлянами, показывает, что с одной дружиной невозможно было справиться с целым племенем. Соппротивление древлян было сломлено, вероятно, при деятельной поддержке «польского» ополчения.

Судя по всему, государственный строй Руси в IX–X веках мало отличался от устройства североафриканских государств того же времени, где арабские по происхождению династии объединяли под своей властью местные берберские племена. При этом речь шла не о завоевании, а скорее о «призвании князей». Арабский династ правил окружённый своим родом и дружиной (джундом), но главной опорой его власти было какое-либо местное племя, называвшееся в позднейшие времена «махзенским» (от араб. махзен – «склад, магазин»). Это племя, а вернее его племенная знать, имело право на долю дани (хараджа), которую «дружина», зачастую состоявшая из христиан-рenegатов, выколачивала из других племён, которые сверх этого должны были участвовать в военных походах. «Мудрые» поляне, вероятно, были таким доморощенным «махзенским» племенем. Область их, скорее всего, и носит у Константина Багрянородного название Росии. Это бывшая «польская земля», получившая своё название от имени русского князя в противоположность окружающим её «славиниям»-пактиотам. Известно, что вплоть до татарского нашествия область городов Киева, Чернигова и Переяславля именовалась Русской землёй в собственном смысле этого слова, владеть «честью», то есть владением, в которой считал своим долгом любой уважающий себя князь, вне зависимости от того, на какой земле он княжил.

Касательно прочих племён, о которых умолчал, описывая полянды, царь Константин, можно сказать следующее. Славяне на Ильмене опущены потому, что к ним русские «архонты» (вероятно, воспитатель Святослава Свенельд) из Киева просто не доходили – в Новгороде, по свидетельству источника, сидел сын Игоря Святослав. Как известно, когда князь Олег захватил Киев и перенёс сюда из Новгорода свой стол, он наложил на новгородцев дань. В начале XI века новгородский князь Ярослав посылал отцу в Киев 2 тысячи гривен, а тысячу «Новѣгородѣ

гридемъ раздаваху» (ПВЛ, с. 88–89). Новгородцы едва ли платили эти гривны сами. Основное население Новгорода, по свидетельству летописи, составляли «словѣне», но не славяне вообще, подобно своим соседям кривичам, а собственно племя «славян», которые «седоша около озера Илмеря и прозвашася своим именем».

Судя по тому, что рассказывает летопись об их взаимоотношениях со своими князьями Владимиром и Ярославом, это племя мало напоминает «подплатёжную славинию». Силой удерживают своих князей от бегства за море (Там же, с. 97), избивают княжескую дружину, когда та начинает «насилие творити на мужатых женахъ» (с. 95), за участие в походе на Киев новгородские смерды получают плату (Новгородская I летопись, с. 15). Новгородцы не церемонились даже с таким свирепым князем, как Святослав Игоревич, которого они угрозами «отложения» вынудили прислать к ним на княжение прижитого от рабыни сына Владимира (с. 49–50). Такая «вольность» показывает, что в лице племени «словѣнъ» с озера Ильмень мы имеем дело с таким же «махзенским» племенем, как и полянами на Днестре.

Похоже, что на севере было своё полюдьё, выходявшее из Новгорода, только собранные во время «кружения» товары сбывались не столько в Константинополе, куда каждое лето направлялась киевская «русь», а в земле волжских болгар. Примерно в то же время, когда писал царь Константин, там побывал посол багдадского халифа Ибн Фадлан. Он в подробностях описал русских купцов, которые прибыли туда на кораблях для продажи своего главного товара – рабов (Ковалевский, 1956). «Повесть временных лет» перечисляет живущие в «полунощных» странах «инии языци, иже дань дают руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь» (ПВЛ, с. 13). Список составлен в начале XII века, и мы не знаем, платили ли все эти племена дань во времена Игоря. Достоверно известно только, что во времена князя Владимира, то есть в конце X века, дань платила чудь. В «Саге об Олаве Трюгвассоне» описано, как будущего крестителя Норвегии, попавшего в плен к эстонцам, выкупили из рабства Сигурд Эйриксон, который «приехал в Эйтланд по поручению Вальдемара, конунга Хольмгарда и должен был собрать там в стране подати для конунга» (Древняя Русь, V, с. 97).

Скорее всего, «внешняя Росия» Константина Багрянородного представляла собой такое же определённое место, как и «Росия» вокруг Киева. Русской земли «вообще» для него не существовало: владения русских князей представляются в его сочинении как совокупность «славиний», подчинённых «Росии». Сама «Росия» является, в сущности, явлением одного порядка со «славинией»: Константин Багрянородный называет её соседкой отдельной печенежской фемы Харавои, а не Пачинакии в целом, в то время как другие печенежские фемы граничат с отдельными «славиниями». Иными словами, «Росия» есть отдельная область, а не вся «держава Рюриковичей». Поэтому «внешнюю Росию» ни в коем случае нельзя считать обозначением «владений» русских князей на севере. Это просто ещё одна «Росия», земля «словѣнь» со столицей в Новгороде, одна из трёх «родов» (араб. «джинс» из лат. gens) руси восточных источников, первый из которых назывался Куяба (Киев), другой – Славия (не славяне вообще, а именно племя «славян» на Ильмене), третий – Арса (местоположение не выяснено).

Если поляне и «славяне» скрыты в сочинении Константина Багрянородного за именами «Росии» и «Внешней Росии», то вятичи, радимичи и тиверцы отсутствуют в списке «пактиотов» (данников) «росов», скорее всего, потому, что таковыми они в то время не являлись. Вятичей Святослав смог покорить только после того, как сел в Киеве, а радимичей только в 984 году разбил воевода Владимира Святославича Волчий Хвост (варяг Вульфстан?). То же можно сказать и о тиверцах, которые вместе с уличами «седаху бо по Днестру оли до моря» (ПВЛ, с. 14). Если уличи были покорены воеводой князя Игоря Свенельдом, то какие-либо свидетельства о подчинении тиверцев русским князьям в «Повести временных лет» отсутствуют. И позднее они не имели твёрдой власти над местным населением Поднепровья, именовавшегося берладниками и бродниками. Скорее всего, основу берладников составляли потомки тиверцев. И те и другие участвовали в походах русских князей, и этим, по всей видимости, исчерпывались их обязанности по отношению к последним.

Сложнее обстоит дело с волынянами. Вместо них в списке Багрянородного стоят «лендзанины». Это не что иное, как название племени ляхов, расширенное при помощи суффикса «-яне». Имя ляхов обычно происходит от слова «лядо» или «лядина», то есть расчищенное место

в лесу, точно так же, как имя полян от поля (Этимологический, XV, с. 57–59). В «Повести временных лет» ляхи и волыняне – разные племена, притом ляхи живут на Висле, западнее сидевших по Бугу волынян. Попасть к собственно ляхам, минуя волынян, полюдьё не могло. Приходится признать, что, прежде чем стать данниками русских князей, волыняне тянули к своим западным соседям и вместе с полянами (западными), мазовшанами, поморянами и лютичами входили в состав племен, которые в летописи считаются потомками ляхов с Вислы. Да и само имя волынян и Волини перекликается с названием знаменитого в то время города поморян Волина.

Вполне возможно, что под именем «лендзанинов» скрываются не только волыняне, но и белые хорваты, заселявшие Верхнее Поднестровье или современную украинскую Галитчину (Седов, 1982, с. 125). Главным городом её первоначально был Перемышль, что значит «город Перемысла», подобно тому как Ярославль был городом Ярослава. Имя Перемышль является не чем иным, как русской огласовкой имени основателя чешского княжеского рода Пржемысловцев. Власть чешских князей некогда простиралась до Волини. Козьма Пражский в своей «Хронике» указывает, что восточные пределы Пражского епископства лежали близ верховьев Буга и Стыря (Козьма, II, 37; с. 158). Чешским князьям вплоть до конца X века подчинялся и Краков в верховьях Вислы, где поселились пришедшие от дунайских славян летописные ляхи. Позднее за эти земли вступили в борьбу Польша и Русь, пока князь Ярослав Мудрый окончательно не отбил их в 1031 году. Спустя три с половиной столетия поляки снова завоевали Галицкую и Волинскую земли, и по сию пору западные украинцы, потомки волынян и белых хорватов, бывших «ляхов» Константина Багрянородного, остаются яркими противниками «Росии», столицей которой, правда, является уже не Киев, а Москва.

Славянские племена в «Великопольской хронике»

Ранняя история Польши известна нам из трёх последовательных хроник. Галл Аноним довёл своё сочинение до 1113 года, Винцентий Кадлубек – до 1202 года, автор «Великой или долгой хроники поляхов

или ляхов» (лат. *Chronica magna seu longa polonorum seu lechitarum*) – до 1273 года (Великая хроника, с. 8). Последнее сочинение можно назвать младшим братом «Повести временных лет» в том смысле, что только эти два памятника рассказывают о происхождении и расселении славян. В согласии с русской летописью польская хроника выводит славян с Дуная.

«В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов» (Там же, с. 52).

«Итак, от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами» (Там же, с. 52).

«У славян существует большое разнообразие в языках, и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне» (Там же, с. 52).

Исходя из вышесказанного, можно назвать четыре государства славян, а именно паннонцев, лехитов, русских и чехов или богемцев. И так как впоследствии «появилось много других государств и королевств славянского народа (*Slavonice nacionis*), достойным является сообщить их имена и объяснить их. Королевство болгар ведёт своё название от реки Булга (*Vulga*). Таким же образом королевство Расция идёт от “рац” (*Racz*), что означает след многих коней, собранных в одно войско. Ведь отсюда славяне множество всадников называют “раци”. Королевство же Далмация называется так потому, что королева паннонцев даровала своему сыну эту приморскую часть и повелела короновать его королём. Полагают, что эта королева по имени Саба была с юга и пришла для того, чтобы послушать мудрость Соломона. Да и река паннонцев называется Саба, и, как говорят, она получила своё название от неё. Также говорят, что королевство Далмация “*dala macz*”, так сказать, дала мать. Также рани или рана называются так потому, что при столкновении с врагами они обычно кричали “рани, рани”, то есть “раны, раны”. Также и сорабы получили своё название от “сорбан”, что можно истолковать двояко: ведь галлы называют эту страну Сервия (*Serviam*),

желая сказать, что, побеждённые Нимродом, они [сорабы] были [поселены там] как его рабы. Это, по-видимому, лишено основания, так как не только эта небольшая часть славянского корня, но, вернее, весь народ славянский считался зависимым от него. Правильнее полагают, что сорабы – от Сарба, который также получил и имя Сарбан, подобно тому как иудеи называются от Иуды, лехиты – от Леха и прочие [народы]. Есть славянский народ с названием кашубы, и так их назвали из-за ширины и длины одежды, которую они должны были собирать в складки вследствие её ширины и длины. Ведь по-славянски морщина или складка на одежде называется “хуба” (huba), отсюда и “кашубы” (Casshubii), то есть “складывай складки”. Большая [часть] их живёт вокруг Северного моря. Существуют также и другие славяне, которые называются древняне, а тевтонцы называют их голзатами (Halczste). Их главные крепости следующие: Буковец, который теперь называется Любек, также Гам, то есть Гамбург и Бремен, который был их столицей и местом жительства. Там же находятся княжеская крепость Шлезвиг и город Чешнина. Во главе их стоят комиты, которых назначил император Генрих, как говорят, после того, как подчинил императорской власти эти края славян. Этот народ получил своё название из-за гущи лесов и деревьев. Ведь древнянами (Drewnanye) они именуется от “деревьев” (lignis). Называются они также травнянами от какой-то реки, которая зовётся Травна» (Там же, с. 53–54).

Итак, славянский мир, согласно этому памятнику, состоит из паннонцев, лехитов, русских, чехов, болгар, рацеев, далматинцев, раны, сорабов, кашубов и древнян.

Сделаем несколько пояснений. Под паннонцами следует подразумевать население Венгрии, состоявшее из собственно венгров-мадьяр и славян-тотов, называвшихся в латинских источниках *Sclavi Hungarici* и *Sclavi nostri*. Венгерское имя происходит из тюркского слова «таты», обозначавшего подвластное кочевникам оседлое население, откуда поговорка: татсыз тюрк болмаз, башсыз борк болмаз – «нет турка без тата, нет шапки без головы» (Люшкевич, 1971). Поэтому, в силу смешанного населения страны, и другие источники включали венгров в число славянских племён. В «Славянской хронике» Гельмольда говорится: «А если прибавить к Славянии, как этого хотят некоторые, угров, так

как они не отличаются от них (славян) ни по внешнему виду, ни по языку, то пределы земли, занимаемой славянским народом, так расширятся, что почти невозможно будет её описать» (Гельмольд, I, 1; с. 153).

Можно сказать, что паннонцы «Великопольской хроники» суть не кто иные, как «словѣне дунайския» «Повести временных лет», которых впоследствии завоевали («их же прияше») венгры. На самом деле венгры называют «тотами» только тех славян, которые, по выражению летописи, «прозвашася своим именем»: словаков, словенцев и жителей Хорватии, говорящих на кайкавском наречии (средневековых славонцев). Соседние славянские народы, не называющие себя славянами, а именно: русских, болгар, сербов, хорватов и чехов, венгры именуют их собственными названиями и никогда – тотами (Виноградова, Мыльников, Шушарин, 1989, с. 236; Шушарин, 1997, с. 230). Нельзя сказать, что тотами называлось всё славянское население Венгрии: словенцы никогда не подчинялись венграм, поскольку были завоёваны немцами и их земли вошли в состав Германии еще в середине VIII века, за полтора столетия до прихода венгров. Вернее даже будет сказать, что единый народ паннонских «славян» был разделён надвое германо-венгерской границей на словаков и «кайкавцев».

Известно, что современные хорваты говорят на трёх наречиях: штокавском, кайкавском и чакавском, при этом штокавское наречие признано государственным языком. Говоры эти в прошлом представляли собой самостоятельные языки, на которых говорили в Сербии, Славонии и Хорватии. Хорватией раньше называлась только приморская часть страны к югу от хребта Капеллы, или «Гвоздя» (значение слова *gozd* в южнославянских языках шире, чем в русском). В собственно Хорватии разговаривали на чакавском диалекте, который единственный среди славян использовал в письменности «письмо св. Иеронима» – азбуку глаголицу. Лежащая к северу «за Гвоздём» страна, где расположилась нынешняя столица Хорватии город Загреб, ещё в XV веке называлась Славонией (Словинье). Капелла служила также границей между двумя наречиями: чакавским – на юге и кайкавским – на севере. В XVI столетии под натиском турок на север хлынули волны переселенцев из Сербии – сербы и влахи, говорившие на штокавском наречии. Хорваты, в свою очередь, стали переселяться из Приморья в

Славонию. В ходе этих перемещений исконно хорватский чакавский диалект сохранился только на островах и в некоторых частях адриатического побережья и в австрийском Бургенланде. Кайкавское наречие оказалось оттеснено к западу и сохранилось только в Загребе и прилегающих местах, господствующим же стал изначально сербский штокавский диалект. Несмотря на то что область распространения хорватского чакавского наречия сократилась больше всего, имя хорватов, напротив, перевалило Гозд и включило в себя область Загреба. Название Славония здесь исчезло и сохранилось лишь в своей восточной части в междуречье Савы и Дравы, хотя там исчез уже сам «славонский» язык – кайкавщина, вытесненный штокавскими говорами южных переселенцев (Акимова, 1989; Толстой, 1989).

Такое смешение племенных названий и языков привело к тому, что старое деление на славян (кайкавцев), хорватов (чакавцев) и сербов (штокавцев) потеряло всякий смысл, и впоследствии, к XIX столетию, главным признаком принадлежности человека стало вероисповедание. Быть православным означало быть сербом, католиком – хорватом. Современные сербский и хорватский литературные языки складываются на основе штокавского наречия и отличаются только тем, что используют кириллицу и латиницу и соблюдают разные произносительные нормы: экавскую и екавскую. При этом коренные жители хорватской столицы говорят дома на кайкавском наречии, которое мало отличается от государственного языка соседней Словении и не слишком понятно хорватам из провинции.

Вернемся к списку народов «Великопольской хроники»: паннонцы, лехиты, русские, чехи, болгары, рацы, далматинцы, сорабы, кашубы и древняне. Паннонцы (за вычетом венгров-мадьяр) – летописные «словѣне дунайские», прародители прочих славян, лехиты – летописные ляхи, рацы – венгерское название балканских сербов, восходящее к названию города Раса (совр. Новы Пазар) и области Рашка (Расская земля) или летописная «сербь». Далмация – это Хорватия, летописные «хрвати бѣли», раны – славянское племя с острова Рюген, сорабы – лужицкие сербы, упоминание которых отсутствует в «Повести временных лет», кашубы, потомки которых до сих пор живут около Гданьска, – летописные поморяне. На древнянах следует остановиться подробнее.

Имя «древане» совпадает с именем летописных древлян, но в случае «Великопольской хроники» речь идёт о другой части этого славянского племени, очутившейся на крайнем западе славянского мира. При этом славянские древане смешаны с немецкими гользатами, или голштинцами, которые вместе со стурмарами и дитмаршенами входили в состав нордальбингов – части саксов, живших на правом (северном) берегу Эльбы. Название гользаты на самом деле происходит от немецкого слова Holz «дерево, лес» (в современном языке осталось значение «лес строевой, древесина»). Трудно сказать, случайно ли совпали названия германского и славянского племени, но славянские древане жили несколько южнее, в области, называемой ганноверским Вендландом (Славянской землёй). Имя древлян до сих пор присутствует на картах этих мест в виде немецкого Drawehn, хотя славянская речь перестала звучать там ещё в XVIII веке. Мы можем судить об их языке из нескольких словников и небольших отрывков.

Поскольку в числе их городов, помимо Гамбурга, Бремена, Шлезвига и «Чешнины» (Штеттина), «Великопольская хроника» упоминает построенный на землях ободритов Любек, можно предположить, что за именем древан в данном случае скрываются племена, входившие в состав ободритского союза, состоявшего из собственно ободритов, варнов, вагров, полабов и других более мелких «колен». Странно, что известное «Повести временных лет» имя лютичей неизвестно нашему памятнику. Вполне возможно, название раны также употреблено в расширительном значении и, помимо собственно племени ран с острова Рюген, включает себя и родственных лютичей, тем более что ранские князья в XIII веке помимо острова имели владения на прилегающем материке, в северной части лютицких земель.

Славянские племена в Орозии короля Альфреда

«Повесть временных лет» даёт прекрасное описание славянского мира IX–X веков глядя на него с востока. Вид с запада мы находим в английском переводе географической части «Истории против язычников» Павла Орозия, выполненном по приказу короля Альфреда

Великого (871–901). Перевод дополнен сведениями о географии Средней и Северной Европы, отсутствующими в оригинальном сочинении (Орозий, I, 1, 11–12). Земли, лежащие между Рейном и Доном, названы Орозием Германией, а населяющие её народы перечислены в следующем порядке. К югу от восточных франков – свевы (швабы), к югу и востоку от швабов – бавары, прямо на восток от них – чехи (beme), к северо-востоку – тюринги, к северу – старые (то есть материковые) саксы и к северо-западу – фризы. На запад от старых саксов – устье Эльбы и фризы, отсюда к северо-западу – земля англов (Ангельн в Шлезвиге), Зеландия и часть Дании. К северу – ободриты (afdrede), к северо-востоку – вильцы (wylte), которых зовут гаволянами (haefeldan). К востоку от них – страна славян (weonodland), которых называют суслами (sysele), и на юго-восток на некотором расстоянии – мораване. Мораване имеют на западе тюрингов, чехов и часть бавар. К югу, на другой стороне Дуная – страну карантан (carendre) к югу от гор (Альп)... К востоку от земли карантан, по ту сторону пустыни – страна болгар, а на восток от тех – страна греков. На восток от Моравии – земля вислян (wisleland), на восток от тех – даки, которые прежде были готами. К северо-востоку от мораван – далеминцы (dalamensae), на восток от далеминцев – хорваты (horithi), на восток от далеминцев – сербы (surpe), на запад от них – суслы (sysele). К северу от хорватов – страна женщин (maegthaland), к северу от страны женщин – сарматы (sermendae) до Рифейских гор.

К востоку от южных данов – лежащий вокруг Британии рукав океана. К северу от них – северные даны, живущие на материке и островах. На восток от них – ободриты, к югу от них – устье Эльбы с некоторой частью старых саксов. Северные даны имеют на восток от них рукав того же моря, называемого Белым. На восток от них – эстии (Aestii) и ободриты – к югу. Эстии имеют на север от них тот же рукав моря, славян (вендов) и бургундов (остров Борнхолм), а к югу – гаволян. Бургунды имеют тот же самый рукав моря к западу и шведов – к северу, на восток от них – сарматы, а на юг – сербы. Шведы имеют к югу эстийский рукав моря, на восток – сарматов, на север, через пустыни – Белое море (Quen sea), к северо-западу – скридефеннов, к западу – норвежцев.

Истолкование сведений Орозия вызывает ряд затруднений. Нетрудно заметить, что названия восточных славянских племён неизвестны английскому источнику. Земли южных славян он описывает точно, но «широкими мазками», поскольку не упоминает ни сербов, ни хорватов, ни прочие племена, упомянутые у Константина Багрянородного и в «Повести временных лет». Очевидно, что он отдавал болгарам не только его восточную, «фракийскую» часть, но Балканский полуостров целиком, о чем свидетельствует выражение «иллирийцы, которых мы называем болгары» (Орозий, III, 7, 2). Карпатская котловина в соответствии с природным делением страны на Задунавье (Дунантуль), Алфёльд («Низкая земля») и Трансильванию занята карантанцами, пустыней и «даками». Пустыня Орозия – это «пустыня паннонцев и авар» других источников, «даки» – ободриты, которые в 822 и 824 годах упомянуты в «Больших лоршских анналах» как обитатели Дакии, прилегающей к Дунаю по соседству с болгарами: «*Abotritae qui vulgo praedenecenti vocantur et contermini Bulgaris Daciam Danubio adjacentem incolunt*» (Развитие, 1982, с. 83).

Неясности источника возникают по отношению к землям, лежащим к северу от Карпат, Судет (Крконоше) и Рудных гор. Исторически это пространство делится на восемь областей, которые отвечают природным и, вероятно, племенным границам предшествующего времени. Речь идёт об Мекленбурге (ободриты), Бранденбурге (вильцы-лютичи), Верхней Саксонии (сербы) в Германии и Поморье, Силезии, Мазовии, Великой и Малой Польше. Все польские области, за исключением Силезии, соответствуют летописным племенам (поморяне, мазовшане, поляне, ляхи – ПВЛ, с. 11). У Орозия на этих самых землях перечислены ободриты, вильцы-гаволяне, суслы, далеминцы, сербы, висляне, хорваты и «женщины».

Последние суть не кто иные, как летописные мазовшане, – название Мазовии навевало воспоминание об амазонках. Кроме Мазовии страну амазонок помещали также в Северной Финляндии, где проживало племя квеннов. Русские называли её Каянской землей, а скандинавы Квеннландом. Имя квеннов похоже на германское слово, от которого происходит английское *queen* «королева», обозначавшее сначала просто женщину. Посетивший около 965 года Прагу испанский еврей

Ибрагим ибн Якуб писал, что страна женщин находится к востоку от владений «царя севера» – польского князя Мешко, который не владел ещё всей страной, – Краков, по свидетельству Ибрагима ибн Якуба, принадлежал тогда чешскому князю, – а княжил только в Великой Польше. К востоку же от Великой Польши лежит Мазовия (Развитие, 1982, с. 147).

Легко указать и местоположение южных соседей «земли женщин» – хорватов. Они могли занимать Повисленье между Мазовией и верховьями реки, где находилась земля вислян (Wisleland), с главным городом Краковом. Таким образом, хорваты жили в восточной половине Малой Польши – в Сандомирской земле. Висляне же помимо Орозия упомянуты у «Баварского географа» (Vuislane) и в «Житии Мефодия», где упоминается о языческом (поганьском) князе, который сидел «в вислѣхъ» и противился моравскому князю (Там же, с. 147).

Самые большие сложности возникают с размещением на карте суслов, сербов и далеминцев. Если понимать сообщения Орозия как они есть, то далеминцев придётся разместить в Силезии (на северо-восток от Моравии), сербов – в земле летописных полян Великой Польше и Поморье (к востоку от далеминцев и на юг от бургундов с Борнхольма), а суслов – на восток от реки Заале (между саксами на западе и далеминцами). Это противоречит сообщениям других источников, согласно которым эти три племени жили в позднейшей Верхней Саксонии, причём суслы были всего лишь округом к югу от впадения Спревы (Шпрее) в Лабу, а не племенем, которое можно было поставить в один ряд с ободритами и лютичами. В частности, Титмар Мерзебургский упоминает «лес, лежащий между реками Заале и Мульдой и округами Сиусли и Плейсснерланд» (Титмар, VIII, 20). Сербов и далеминцев источники также помещают западнее, на берега Заале, где проходил при Карле Великом «сербский рубеж» (limes Sorabicus). Согласно Титмару Мерзебургскому (I, 3, 4), «земля, которую мы, тевтонцы, называем далеминцы – славяне же зовут её гломачи... и вся эта область от Эльбы до р. Хемниц берёт своё название от этого источника» ([Г]ломач).

У нас нет оснований считать, что Орозий короля Альфреда что-то напутал или был плохо осведомлён, – положение прочих упомянутых им племён, славянских и неславянских, описано достаточно точно. Скорее

всего, причина неувязок лежит в сложном составе «славиний», которые состояли из множества более мелких «колен», сильнейшее из которых давало название всему племени. Например, ободриты состояли из собственно ободритов, вагров, варнов и полабов (Развитие, 1982, с. 206). Их соседи велеты или лютичи представляли собой союз кессинов (хижан), цирципанов (черезпенян), толлензов (доленьцев) и редариев (ратарей), к которому примыкали также гаволяне или стодоране на юге и укры на востоке (Там же, с. 201). Кто из них носил имя велетов или вильцев в собственном смысле этого слова – сказать трудно. Орозий вообще называет велетские племена гаволянами. Жившие южнее велетов племена сербов включали в свой состав по меньшей мере знакомых по Орозию далеминцев и суслов, а также колодичей, мильчан и лужичан (Там же, с. 198), причём этот список нельзя считать исчерпывающим. В Чехии, помимо собственно чехов, упоминаются ещё около десятка таких же малых племён, в том числе известные в разных частях славянского мира дулебы и хорваты.

Ни в Орозии, ни в «Баварском географе» не упомянуты поляне, ставшие главной опорой династии Пястов в создании государства. Поэтому можно предположить, что это летописное племя, или совокупность малых племён будущей Великой Польши и Силезии, входило в состав сербского объединения. «Баварский географ» называет среди силезских племён собственно шленцан (Sleenzane) и дадошешан (Dadosesani) (Херрманн, с. 163; Баварский географ, с. 30). Козьма Пражский в документе о границах Пражской епископии 1086 года, чьи сведения относятся к X веку, называет вместе с ними бобрян и требовян (Развитие, 1982, с. 145), которые жили по реке Бебже и на Тшебницкой гряде к северу от Вроцлава (Польша, 1994). Требовяне известны на Балканах, среди окружающих Далмацию «славиний», таких как «хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и аренданы, именуемые также паганами» (Константин Багрянородный, с. 113). Вероятно, что это малое племя пришло на Балканы вместе с собственно сербами из современной Западной Польши. Для Константина Багрянородного вообще вся совокупность западных славянских племён ограничивается белыми хорватами и белыми сербами. Под первыми принято понимать владения чешских князей от Праги до

Кракова. Белая Сербия, вероятно, обнимала земли, располагавшиеся дальше к северу, которые вряд ли разумно сводить к междуречью Залы, Эльбы и Шпрее, обычно отводимому «сербо-лужицким племенам». Скорее всего, эта та же самая область между чехами и моравой на юге, мазовшанами и вислянами на востоке и велетами на севере, которую Орозий отвёл сербам, далеминцам и сулам. Можно предположить, что речь идёт о трёх главных во второй половине IX века племенах сербского объединения.

Племенные названия и потоки славянских переселений

Хорошо известно, что «славянские этнонимы – свидетели миграций славян». По этому поводу были опубликованы ряд работ, в том числе и одноимённая статья О.Н. Трубочёва (Трубочёв, 1974; Хабургаев, 1979). Поскольку этим вопросом занимались лингвисты, они больше интересовались происхождением славянских племенных названий, нежели переселениями славян как таковыми. Постараемся восполнить этот пробел. Перечислим крупные славянские племена, чьи имена встречаются в противоположных концах славянского мира.

Поляне

«Повесть временных лет» знает два племени полян. Первые – это «поляне, яже ныне зовомыя русь» (ПВЛ), вторые – одно из племён «от ляхов». Их племенные области позднее были известны соответственно под именами «Руси» или «русской земли» в узком смысле этого слова с одной стороны и собственно «Польши» (Polonia), которая с XIII века получила название «Великой Польши» – с другой. Имена Poloni «поляне» и Lechitae «ляхи» впервые употребляются как синонимы в польской хронике Винцентия Кадлубека (Нидерле, с. 168). Первым упоминанием племени полян следует считать известия о Новой истории Зосима о «боранах», которые участвовали вместе с готами в морских набегах на Малую Азию во времена Скифских войн III века (Зосим, I, 27, 31; Латы-

шев, с. 276; Ременников). Возможно, что это же самое племя упомянуто Птолемеем как «буланы» (Трубачёв, 2003, с. 41).

Древляне

«Повесть временных лет» знает древлян только как соседей днепровских полян (ПВЛ, с. 10, 13 и др.). Другая часть этого племени упоминается в «Великопольской хронике», которая, с одной стороны, путает их с германским племенем гользатов, буквально «лесных, древесных», с другой – подразумевает под древлянами ободритов. Это вытекает из того, что принадлежащими древлянам в ней объявлены немецкие города Бремен и Гамбург, а также основанный на бывших ободритских землях Любек (Великая хроника, с. 54). Впрочем, западные древляне представляли собой самостоятельное племя, остатки которого ещё в XVIII веке жили на левом берегу Эльбы, в ганноверской «Славянской земле» (Вендланде). Наиболее правдоподобной этимологией имени древлян, по-моему, является название готского племени тервингов, или «лесных». Вероятно, так называло себя праславянское население, жившее в северной, лесной части готской державы III–IV веков. Древним литовским названием русского человека было *gũdas*, то есть «гот» (Трубачёв, 1997, с. 106–107). Это название восходит к тем временам, когда южные соседи балтов – славяне жили под властью готских царей к югу от Припяти.

Волыняне

Согласно «Повести временных лет», вельняне жили по Западному Бугу, где находился их город Волынь, ныне городище Замчиско в Грудке Надбужском (Седов, 1982, с. 94). Одноимённый город находился на западе, в устье Одры. Скандинавы звали его под именем Йомсбурга, Адам Бременский – Юлина или Волина (Адам Бременский, II, 22, 19; с. 41). Жители этого города упоминаются «Баварским географом» под именем *Velunzane* – «волыняне». Народа с похожим названием в античных источниках нет.

Хорваты

«Хорваты» упоминаются «Повестью временных лет» среди славянских племён на Руси. Считается, что их племенная область стала впоследствии Галицкой землёй. Современных балканских хорватов летопись знает как «хорватов белых». Константин Багрянородный зовёт летописных «хорватов белых» просто «хорватами». «Белой или некрещёной Хорватией» он называет область «за Туркией» (Венгрией), откуда хорваты прибыли на Балканский полуостров. Считается, что Константин Багрянородный называл так владения чешских (пражских) князей. В середине X века они тянулись от Праги на западе до Кракова на востоке.

Летопись попа Дуклянина делит далматинское побережье на «белую» (alba) и «красную» (rubra) Хорватии (Летопись попа Дуклянина, IX; с. 54). Красной Хорватией он называет земли, где жили упомянутые Константином Багрянородным как сербы племена нарентан (паганов), канавличей, тербуничей и дукличей. Хорваты упомянуты среди племён, населявших Чехию. Орозий короля Альфреда помещает хорватов между «страной женщин» (Магдаландом) на севере и вислянами на юге, то есть к югу от Мазовии, которую в Средние века из-за созвучия считали страной амазонок. Вероятно, «чешских» и «польских» хорватов упоминает при описании границ Пражской епископии Козьма Пражский под названием «хорватов» и «других хорватов». Хорватов на Заале около Мерзебурга упоминает и грамота немецкого короля Генриха IV от 1108 года (Седов, 1979, с. 131). Помимо множества гадательных этимологий имени хорватов существует только одна, которая может удовлетворить историка. По мнению О.Н. Трубочёва, славянское *xъrvatŭ «хорваты» есть не что иное, как передача имени сарматов (Этимологический, т. 8, с. 149). Первым надёжным упоминанием хорватов можно считать надпись Venedi-Sarmatae «славяне-сарматы» на Певтингеровой карте (Свод, 1994, с. 68–69). Возможно, что так называли себя славяне, жившие под властью сарматов, в Европейской Сарматии. В 334 году сарматы-рабы, или лимиганты, разбили и прогнали в римские пределы сарматов-господ, или аргарагантов (Нидерле, с. 60). Если servi Sarmatorum не предки сербов, то вполне вероятно восстание славянских хорватов против собственно

сарматов-кочевников. Имя лимигантов можно сопоставить с галицийскими лемками.

Сербы

Сербы впервые упомянуты в «Хронике» Фредегара как союзники славянского царя Само. В данном случае речь идет о полабских сербах. Русская летопись знает «сербь» только на Балканах. Константин Багрянородный рассказал о приходе балканских сербов с севера, из «Великой или некрещёной Сербии» во времена царя Ираклия. Поход сербов, как и хорватов, которые названы Константином Багрянородным врагами авар, мог состояться только во второй четверти VII века, в эпоху существования державы Само. Если имя хорватов связано с историческими сарматами, то имя сербов можно вывести только от одного действительно существовавшего народа. Речь идёт о племени сяньби, которое жило в степной Маньчжурии. В середине II века н. э. сяньбийский вождь Таншихай окончательно разгромил гуннов и создал степную империю, распавшуюся после 235 года. Считается, что самоназванием этого племени было *särbi, sirbi, sirvi (Pelliot, с. 35; Гумилёв, 1994, с. 4). В «Естественной истории» Плиния Старшего говорится: «Начиная от Киммерия, [у Меотийского озера] живут меотики, галы [и] серны, серреи, скизы, гниссы» (Плиний Старший, Естественная история, VI, 19; Древняя Русь, I, с. 247). Птолемей помещает сербов, или сирбов, еще дальше на востоке, между Кавказскими горами и Волгой: «Сарматию занимают... между Керавнскими горами (Кавказ) и рекою Ра (Волга) – ориinei, уалы и сербы» (Птолемей. География, V, 9, 21; Древняя Русь, I, с. 195).

Впоследствии сяньбийцы стали известны на западе под именем савиров, от этого же племени происходит и название Сибирь. Поскольку сербы и хорваты постоянно упоминаются как соседи, можно предположить, что европейские сяньби вошли в состав сарматских племён. Каким образом их имя было усвоено славянами, сказать трудно. Возможно, что *servi Sarmatorum* было не обозначением покорённого сарматами земледельческого славянского населения, а просто переосмыслением их самоназвания.

Северяне

«Повесть временных лет» упоминает «север» на Левобережье Днепра, где до сих пор об этом племени напоминают названия Северский Донец и Новгород-Северский. Другая часть северов проживала в восточной части Балканского полуострова. Пришедшие в Мисию в конце VII века болгары выселили это племя с занимаемых им мест на границу с аварами, которая проходила по дунайским Железным Воротам. Позднее здесь, на месте разрушенной римской Дробеты, была возведена венгерская крепость Сёренвар (Szögényvár), то есть «город северян». Прилегающие к Железным Воротам земли в 1226 году были поручены охране наместника-бана и стали известны под названием Szörénység (Сёреншег) – буквально «Северянщина» или Banatus Zewriniensis, «Северинский банат».

После разгрома венгров в Мохачской битве 1526 года восточная часть баната до реки Олт отошла под власть валашских воевод из Мунтении и получила имя Олтении или Малой Валахии. Западная часть выше Железных Ворот составила историческую область Банат со столицей в Темешваре. Другая часть балканских северов жила на границе Болгарии и Византии. В VIII веке их князь Славун вёл себя почти как самостоятельный правитель (Свод, 1995, с. 285). Трудно сказать, связано ли с переселением северов название польского города Севеж в Силезии, принадлежавшего краковскому архиепископу, который являлся одновременно «князем северским».

Имя северов часто пытаются связать с названием гуннского племени савиров, от которого происходит также имя чувашей. Нам представляется маловероятным, чтобы название одного и того же народа «сяньби» (савиров) было заимствовано славянами дважды: как сербы и как север, но ни доказать, ни опровергнуть указанную этимологию пока нельзя.

Дреговичи

Летописное племя дреговичей жило на Руси к северу от Припяти. Другая часть этого племени переселилась в Македонии, где они впервые упомянуты в «Чудесах святого Димитрия Солунского» как участники

Расселение славянских племён

первой осады Фессалоники под предводительством Хакона в конце VI века (Свод, 1995, с. 125, 133). Спустя 100 лет, когда к городу подошли болгары и жители дунайской области Срем (Сирмий) «сирмисиане» под предводительством Кувера и Малха, они застали дреговичей в окрестностях города (Свод, 1995, с. 171–173). О.Н. Трубачёв выводит их имя от белорусского названия болота «дрягва», которое в свою очередь происходит от глагола *dъrgati «трястись» (Этимологический, V, с. 138–139). По моему мнению, более правдоподобным будет связать название дреговичей со словом *dъrgati «дёргать, корчевать» из области подсечно-огневого земледелия (Куркина, 2011, с. 35, 125–126), откуда их имя будет значить что-то вроде «корчеватели леса».

Кривичи

Летописные кривичи жили в верховьях Днепра, Двины и Волги. Какая-то часть этого племени добралась до Пелопоннеса. Их имя упомянуто в «Морейской хронике» XIV века. На карте, напечатанной на форзаце книги С.П. Карпова «Латинская Романия» (2000), рядом с хорошо известными по сочинению Константина Багрянородного славянскими племенами милингов и эзеритов на Пелопоннесе помещены также племена кривичей и скортинов. Вопреки мнению О.Н. Трубачёва, имя кривичей вряд ли связано со словом «кривой» (Трубачёв, 1974). Скорее всего, мы имеем дело с переосмыслением названия племени «карвонов», названного Птолемеем среди племён Европейской Сарматии. Латыши до сих пор используют имя кривичей как название России и русских.

Стороране

Полабское племя стороран или гаволян, на землях которого позднее образовалась Бранденбургская марка, вероятно, участвовало вместе с сербами и хорватами в переселении на Балканы. В Австрии их имя до сих пор хранит название Стодорталь «Сторорская долина» в верховьях Энса (Kurnatowska, Rys. 1).

Суслы

Полабское племя «суслов» упомянуто в Орозии короля Альфреда IX века как крупный славянский народ, стоящий в одном ряду с ободритами, сербами, далеминцами, чехами, моравой и хорватами. Часть «суслов» ушла на юг, их имя упоминается в верховьях реки Муры (Kurnatowska, Rys. 1). Трудно сказать, что значит это имя. Возможно, оно связано со скандинавским словом *sysla* «военный отряд, округ». Такое название, в частности, носил у скандинавов остров Саарема. В 1060 году новгородцы бились с чудским племенем сосолов около города «Медвежья голова» (Отепя). В Полабье суслы жили несколько южнее устья реки Спревы (Шпрее).

Мильчане

Одна часть славянского племени мильчан жила на Лабее, другая – переселилась на Пелопоннес. Константин Багрянородный упоминает их там под названием милингов вместе с другим славянским племенем езеритов (Константин Багрянородный, с. 221, 223). Имя это имеет суффикс германского происхождения, подобный русскому «-язь» в словах князь, витязь, ферьязь – «плащ», пенязи – «деньги, пфенниги». В Польской Силезии сохранилось название *Mładz*, производное от имени милингов (Трубачёв, 2003, с. 255). Сюда же относится и литовское слово *milžinas* – «великан, богатырь» (Лемхенас, 1949, с. 38).

Смоляне

Смоляне не входят в число летописных племён, а Смоленск считается столицей летописных кривичей. Смолян нельзя считать просто жителями Смоленска. По мнению О.Н. Трубачёва, первичным было именно название «смолян» – то есть город получил название от племени, а не наоборот (Трубачёв, 1997, с. 136). Смоляне упоминаются «Баварским географом» под именем *Smeldington* где-то в Полабье. Они жили также на Балканском полуострове в Родопских горах, где до сих пор стоит болгарский город Смолян, где в конце XII века Никита Хониат упоми-

нает «фему смолян» (Там же, с. 132). Имя смолян происходит от глагола *smoliti «смолить», первоначальным значением которого было «жечь на медленном огне», от чего образованы существительные «смола» и «смалец» (топлёное сало). Имя смолян не имеет никакого отношения к смолению судов и связано, подобно имени дреговичей, с подсечно-огневым земледелием (Там же, с. 137, 144–146). Возможно, смоляне были одним из малых племён в составе кривичей. Собственно кривичам мог принадлежать лежащий несколько севернее Смоленска Торопец, известный под именем Кривитеска.

Радимичи

Летописные радимичи жили по реке Сожу на левом берегу Днепра. «Повесть временных лет» сообщает, что вместе с вятичами они происходят от ляхов. Татищев полагал, что радимичи переселились из окрестностей польского города Радома. На верхнем Днестре было обнаружено скопление речных названий, совпадающее с названиями рек в Посожье (Соловьёва, 352–356). В этом отношении можно было бы сопоставить имя радимичей с упомянутым у «Баварского географа» племенем Hertaradici. Несмотря на сомнения исследователей (Свод, 1995, с. 315), это имя представляет не что иное, как название «семи родов» славян, покорённых болгарами в конце VII века на нижнем Дунае.

Возможно, имя «семь родов», или Hertaradici, представляет собой переосмысление посредством греческого языка названия гепидов. Это племя жило в Дакии в V–VI веках, где после разгрома гуннов в битве на реке Недао в 456 году создало своё королевство. В VI веке гепиды поддерживали со славянами хорошие отношения. Известен случай, когда они переправили возвращавшихся из набега на Византию славян на свой берег, чем спасли их от истребления византийским войском (Прокопий, VIII, 25; Свод, 1994, с. 201). Беглый лангобардский царевич Ильдигиз жил попеременно то у гепидов, то у славян (Прокопий, VII, 35; Свод, 1994, с. 189–191). Во время похода византийцев в Славинию на левом берегу нижнего Дуная был захвачен гепид, который провёл римлян к стану славянского предводителя «Мусокия» (Феофилакт Симокатта, 9; Свод, 1995, с. 23, 25). Можно предположить, что после разгрома своего

царства аварами в 568 году гепиды слились со славянским племенем радимичей, откуда и произошло название *Heptaradici*, понятое греками как «семь родов». Возможно, что название Трансильвании Семиградье тоже связано с этим племенем.

Уличи

Ещё Карамзин высказал мнение, что летописные уличи на Днестре и знаменитое полабское племя велетов-вильцев, названное в «Повести временных лет» лутичами, представляли собой две части одного и того же народа (Рабинович, 1997). В самом деле, слово «уличи», записанное латиницей как *Vulici, *Vuliti, мало отличается от встречающихся в источниках названий «вильцев» или «велетов», таких как *Vuilzi*, *Wilti*, *Vuilci*, *Uuilcii* (Свод, 1995, с. 583).

Кроме того, летописным вариантам наподобие «улутичи» соответствует название славянского племени, упомянутого в еврейском переводе сочинения Иосифа Флавия, так называемой книге Иосифон, написанной в середине X века в Южной Италии. Речь идёт о «Таблице народов», или списке потомков библейского Яфета, каждому из которых соответствует современный автору народ. О славянах говорится следующее: «И Моравы, и Харваты, и Сорбин, и Лучанин, и Ляхин, и Кракар, и Боймин считаются происходящими от сыновей Доданим, живут же они на берегу моря, от границы болгар до Венетикки (Венеции) на море; а оттуда простираются до границы Саксонии, до великого моря; они-то и называются Склави (славяне), а иные говорят, что они от сыновей Ханаана, но они возводят свою родословную к сыновьям Доданим» (Древняя Русь, III, с. 173).

Комментаторы текста справедливо полагают, что «Лучанин» Иосифона суть не кто иные, как лучане. Согласно Козьме Пражскому, это племя в числе других мелких племён обитало в Чехии и враждовало с собственно чехами. Совпадение имён не вызывает сомнений, но мелкий народец из чешской котловины неуместно смотрится в ряду крупнейших славянских племён того времени. Кроме того, все чешские племена объединены в источнике под общим именем Боймин (богемцы). Коль скоро в Иосифоне говорится о Балтике (до границ Саксонии, до Вели-

кого моря), в лучанинах скорее можно увидеть живших на его берегах вильцев-лютичей. Очень вероятно, что чешские лучане могли быть ветвью этого великого племени. В нашем случае неважно происхождение самого племенного названия, которое в «Баварском географе» вообще передаётся в труднообъяснимой форме Unlizi с носовым гласным. Важно то, что существует несомненная связь между именами балтийских вильцев, велетов и лютичей, с одной стороны, и разными вариантами имени днестровских уличей – с другой. Таким образом, велеты, вильцы, уличи, лютичи, лучане суть названия одного и того же племени, распавшегося в ходе славянских переселений.

Ободриты

«Повесть временных лет» была написана на северо-восточном краю славянского мира, на Руси, и, наверное, поэтому в ней нет упоминаний о целом ряде племён на западе и юге. В первую очередь это племена полабских славян: бодричей и сербов. Имя бодричи взято в кавычки потому, что мы не знаем, как достоверно звучало их имя по-славянски. В латинских хрониках их называют ободритами, и они были западными соседями летописных лютичей. Последнее название и навеяло мысль о том, что имя ободритов происходит от славянского слова «бодрый» (Нидерле, с. 146). Едва ли так было на самом деле, поскольку необъяснимым остаётся начальное «о», а имя «ободричи» звучит уже как-то не по-славянски. Предполагали также, что ободриты назывались так, потому что жили обе стороны реки Одры, но история застаёт их западнее – на берегах Эльбы или Лабы, как называют эту реку славяне. Скорее всего, имя ободритов образовано от глагола «ободрать», в смысле – ограбить, по тому же образцу, что и слово «наймит» (Трубачёв, 2003, с. 142).

Полабские ободриты составляли только половину этого народа. Другая часть жила на юге, в бывшей римской провинции Дакии. В рукописи IX века, озаглавленной «Описание городов и земель на северном берегу Дуная», известной также как «Баварский географ», обе части ободритского племени называются соответственно Nortabtrezi и Osterabtrezi, то есть северные и восточные ободриты (Херрманн, с. 163). Последние из-

вестны во франкских анналах за 824 год под названием «преденеценты» (*Abotritae qui vulgo praedenecenti vocantur*), что означает «предающиеся грабежам» (от лат. *praedones* «грабители»). Скорее всего, это не кто иные, как летописные «бродники», который упоминают русские и венгерские памятники XII–XIII веков.

Любопытно, что первое упоминание о бродниках связано с первым упоминанием о Москве. В середине XII столетия волынский князь Изяслав Мстиславич боролся со своим дядей Юрием Долгоруким за Киев. Союзником последнего был князь Новгорода-Северского Святослав Ольгович. Ипатьевская летопись пишет, что в 1147 году князья встретились в Москве, где дали «обед силен». В это же самое время в принадлежавшую князю Святославу землю вятичей вторгся Изяслав Мстиславич, с которым пришло много бродников и половцев. Под 1190 годом византиец Никита Акоминат утверждает, что воинственные «вордоны» были ветвью тавроскифов, то есть русских. В 1216 году бродники участвуют в междоусобной войне сыновей Всеволода Большое Гнездо в войске отца Александра Невского Ярослава Всеволодовича, которого в Липецкой битве разбил знаменитый князь Мстислав Удалой. Потерпев поражение на Руси, бродники с успехом пытаются счастья в Болгарии. В следующем, 1217 году болгарский царь Иван Асень вернул себе власть над страной с помощью набранного из них войска. Спустя ещё несколько лет, в 1223 году, русское войско во главе с Мстиславом Удалым и половцы вышли навстречу татарам. На этот раз бродники, с воеводой своим Пlosкыней, целовали Мстиславу крест, но во время битвы на Калке изменили и перешли к татарам.

Последние известия о бродниках сохранились только в западных источниках. В 1227 году папа Григорий IX назначил епископа в «землю половцев и бродников» (*Cumania et Brodnic terra...*). В 1250 году венгерский король Бела IV сообщал папе римскому, что татары завоевали восточных соседей Венгрии, в том числе и бродников. В письме венгерского короля Бела IV к папе Иннокентию, написанном в 1254 году, говорится: «Когда государство Венгрия от вторжения татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню, и, как овчарня изгородью, было окружено различными племенами неверных, именно:

русскими, бродниками с Востока, булгарами и босняками еретиками с Юга... татары заставили платить дань особенно страны, которые с Востока граничат с нашим царством, именно: Русь, Куманию, Бродников, Булгарию...» (Шушарин, 1978). Отсюда видно, что бродники жили в современной Молдавии, по соседству с Венгерской Трансильванией – бывшей Дакией.

Кто такие бродники? Имя их предводителя Плоскыни и свидетельство Никиты Акомината о бродниках как ветви русских говорят, что это были славяне. В это же самое время в Молдавии жили берладники. Их названные происходит либо от реки Берлад, либо от стоящего на ней одноимённого города, либо от возвышенности того же имени. Берладники являются нам в русских летописях такими же наёмниками русских князей, как и бродники. Есть смысл предполагать, что бродники и берладники суть названия одного и того же народа, наподобие волынян и бужан или славян и новгородцев. На карте венгерского Исторического атласа бродники и *praedenecenti* отождествляются – надпись BRODNIKOK нанесена там, где франкские анналы помещают преденецентов, то есть около Железных Ворот на Дунае (Történelmi, с. 6, карта V). Иными словами, бродники-берладники не кто иные, как потомки восточных ободритов IX столетия. Венгерское нашествие вытеснило ободритов из Дакии-Трансильвании на восточный склон Карпат, в Молдавию, хотя некоторая часть дакийских славян могла остаться на родине. Их потомками, вероятно, являются банатские сербы-крашеване, которые говорят на очень своеобразном наречии, отличающемся от остального сербского языка сильными «восточно-славянскими» особенностями.

Скорее всего, отсутствующие в «Повести временных лет» ободриты-бродники выступают под именем «тиверци, яже суть толковины», то есть толмачи (ПВЛ, с. 23). «Повесть временных лет» говорит, что греки называют тиверцев и уличей «великая скуфь» (Там же, с. 14), то есть скифами, именем, которым византийцы обозначали кочевников. Бродники постоянно упоминаются вместе с половцами. Итак, бродники-берладники являются потомками восточных ободритов-преденецентов франкских хроник IX века и тиверцев «Повести временных лет». В отличие от прочих восточнославянских племён они не вошли в

состав Руси и ещё в начале XIII века оставались язычниками (погаными толковинами).

Две группы славянских племён

Если внимательно присмотреться к карте распространения славянских племенных названий, то увидим некую закономерность в их размещении. Можно выделить две главные племенные группы. В первую из них входят летописные поляне, древляне, волыняне, уличи-лутичи и хорваты. Эти названия кучно располагаются соответственно на Правобережной Украине, с одной стороны, и на западе Польши и на востоке Германии – с другой. Очевидно, что такое их расположение является следствием славянской переселенческой волны, двигавшейся с востока на запад вдоль Карпат. В дальнейшем часть этого славянского потока, словно натолкнувшись на препятствие в лице западных германских племён, поворачивает на юг, в Восточные Альпы и на Балканы. Судя по сохранившимся местным названиям, из Полабья и Чехии помимо сербов и хорватов, составивших ядро переселенцев, на юг двинулись поляне, стодоране, суслы и мильчане.

Вторая группа славянских племён, состоящая в первую очередь из дреговичей, северян, а также кривичей, смолян и, вероятно, радимичей, двинулась не в западном, а в южном направлении. Часть этих славянских племён переселялась в восточную часть Балканского полуострова: в Болгарию и Македонию. Надо полагать, что разделение южнославянских языков на сербо-хорвато-словенскую и болгаро-македонскую ветвь связано с двумя потоками славянского заселения Балкан. В отличие от первой группы племён, занимавших первоначально Днепровское правобережье, вторая группа летописных племён обитала в Левобережье и в Верхнем Поднепровье.

Любопытно, что названия славянских племён первой группы, живших к северу от Карпат, преимущественно оканчиваются на «-яне»: поляне, древляне, волыняне, бужане, висляне, ляжане (lendzaninói Константина Багрянородного), мазовшане, поморяне. Во второй группе племён, которая расселялась за Днепром и Припятью, преобладают названия на «-ичи»: кривичи, дреговичи, вятичи, радимичи. Несколько

Расселение славянских племён

забегая вперёд, отметим, что двойное деление летописных славянских племён связано с двумя разновидностями славянских древностей. Племена на «-яне» следует сопоставить с пражской археологической культурой V–VII веков, а племена на «-ичи» с киевской культурой III–V веков и образовавшимися на её основе культурами последующего времени.

Помимо перечисленных нами племён существует еще одно, чьё имя встречается в разных концах славянского мира, – это дулебы. Как будет показано далее, племя дулебов не относится ни к одной из двух выявленных выше племенных групп. В действительности дулебы представляют собой совершенно особый случай. Подробнее об этом будет рассказано в следующей главе «Собственно “славяне”».

ГЛАВА 3. СОБСТВЕННО «СЛАВЯНЕ»

Среди прочих славянских племенных названий особняком стоит имя славян. Общепринятым является представление, что оно представляет собой общеславянское самоназвание и использовалось в качестве племенного имени только на окраинах славянского расселения, где славяне соприкасались с иноязычными племенами и таким образом утратили свои племенные названия в пользу родового (Петрухин, Раевский, 1998, с. 163). Положение это по меньшей мере спорно. С самого первого своего появления на страницах византийских историй именем славян называлась только половина племён, говоривших, по словам Прокопия, на одном и том же «совершенно варварском» языке. Сильнейшими (*fortissimi*) и, вероятно, более многочисленными соплеменниками собственно «славян» (*eorum*) были племена, именовавшиеся греками «антами» (Иордан, 35; Свод, 1994, с. 108–109). О том, кто такие анты и как звучало их имя по-славянски, мы скажем в своё время. Надо лишь заметить, что древние писатели в качестве общего имени для славян и антов использовали названия, не имеющие ничего общего со словом «славяне». Готский историк Иордан считал оба племени частью племени венетов (Иордан, 35; Свод, 1994, с. 106–107), а византиец Прокопий (VII, 13, 29) говорит, что в древности оба племени назывались «спорами» (Свод, 1994, с. 185).

Достаточно беглого взгляда на карту расселения славянских племён, чтобы усомниться в состоятельности прописной истины о сохранении имени славян в качестве племенного названия по окраинам славянского расселения. Древляне (нем. Drawehn) в Ганноверском Вендланде сохранили своё самоназвание, хотя долгое время жили в немецком окружении на крайнем западе славянского мира и должны были, казалось, утратить своё племенное наименование в пользу общеславянского. Большая часть славянских племён граничила с иноплеменниками и при этом сохраняла свои особые племенные названия. Летописные вятичи или

северяне жили на таком же рубеже славянского мира, как и «словѣне» с озера Ильмень. При этом последние «назвашася своим именем» (то есть славянами), а вятичи и север – нет. «Повесть временных лет» была написана в начале XII века, но её сведения о существовании особого племени «славян» на Ильмене подтверждаются еврейско-хазарской перепиской X века. Хазарский царь Иосиф пишет, что на севере, по берегам реки Итиль (Волги), ему служат и платят дань народы Бур-тас, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн (Древняя Русь, III, с. 204).

Речь здесь идёт о «буртасах» (в данном случае, вероятно, мордва-мокша), волжских болгар, чувашах-суварах, «рязани» (мордва-эрзя), черемисах (летописная мера). Три последних племени в списке Иосифа суть не кто иные, как славянские вятичи, северяне и собственно «славяне» с озера Ильмень, будущие новгородцы. Видно, что хазарскому царю имя «славяне» известно только в узком племенном значении. Считать, что под «славянами» Иосиф подразумевает прочие подчинённые хазаром славянские племена, нельзя. Чуть ниже по тексту его письма мы встретимся с длиннейшим, в семнадцать имён, списком подвластных народов Кавказа и далее с перечислением тринадцати городов на южном побережье Крыма. Ясно, что во всех случаях царь давал исчерпывающие перечни, и поэтому приписывать ему манеру в стиле «и прочая и прочая» у нас нет никаких оснований. Имя «славян» в его письме – племенное, а не общеславянское.

Лужицкие сербы с X века живут под властью и в окружении немцев. Казалось бы, по логике отказа от племенных названий в условиях иноязычного окружения сербы давно должны были утратить своё имя и перейти на «общеславянское». Между тем и себя, и свой язык они называют только сербами и сербским. И так было уже в VII веке. «Хроника Фредегара», в которой рассказывается о восстании Само против авар, именуется его людей *Sclavi*, *coinomento Winedi* «славяне, называемые «славянами» (Фредегар, IV, 48; Свод, 1995, с. 367). После побед Само над аварами и франками его власть признал *Dervanus dux gente Surbiorum ex genere Sclavinorum* «Дерван, князь народа сербов, которые были рода славян» (Фредегар, IV, 68; Свод, 1995, с. 371).

Фредегар прекрасно осведомлён, что оба народа являются *Sclavi* «славянами», но одних славян он именуется племенным именем «сер-

бов», а других ему приходится называть немецким названием славян «венды», что говорит об отсутствии у славян Само, в отличие от сербов Девана, особого племенного имени, отличного от имени «славян». О том, что самоназванием восставших славян было именно «славяне», свидетельствует сам оборот «X coinomento Y». Само повёл «*Sclavos coinomento Winedeos... contra Avaris coinomento Chunis*» – «Славян, именуемых винадами... против авар именуемых гуннами» (Фредегар, IV, 48). Ясно, что славяне не могли называть себя немецким словом «венды» и двойное употребление синонимов *Scavi* и *Winedi* возникло из отсутствия у восставших славян особого племенного имени. Не засвидетельствовано у них такого имени и позднее, когда Фредегар говорил о *Wallucum, ducem Winedorum* «Валлуке, князе славян» (Там же, 72). Совершенно ясно, что у «винидов» Само и Валлука, как и у ильменских «словѣнь», не было другого племенного названия, кроме как просто «славяне», в противном случае Фредегар назвал бы его. Однако вместо этого ему пришлось использовать латинско-германскую тавтологию: *Scavi – Winedi*.

Из изложенного выше вытекает важный вывод. Имя «славян» изначально было таким же «племенным» названием, как и любой иной славянский этноним. Можно предположить, что славянские племена и народы, использующие имя «славяне» в качестве единственного самоназвания, представляют собой части особого племени, которое следует называть «славянами» в собственном смысле этого слова. Ниже перечислены славянские народы, которые, в отличие от своих соседей, именуется «славянским» именем.

Словаки

Этноним «словаки» появился по историческим меркам относительно недавно, в XV столетии, и связан с широким распространением на землях будущей Словакии чешского языка. Чешский язык, обладавший развитой письменной традицией и переживавший расцвет в годы Гуситских войн, превратился в литературный язык словаков (Смирнов, 1989, с. 252). Именно из чешской речи и было заимствовано слово *Slovaci*

(ед. ч. Slovák). Во всяком случае в чешских источниках он появляется ранее, чем на землях Венгерского королевства (Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 243).

С конца XIV века в чешской языковой среде распространяется тенденция к расширенному употреблению суффикса -ák (*-акъ), в ущерб другим флексиям. Следствием этого процесса стало возникновение таких форм, как Polák (при изначальном «полянин»), Pražák «пражанин», Moravák «мораванин», Slezák «силезец», и тому подобных этнонимов. Позднее это явление распространилось в польский, а из последнего – в русский язык, где в XVII столетии появились слова «русак», «пермяк», «сибиряк». В одном ряду с этими названиями стоит и этноним Slovák, возникший из первоначального Slovanin (Kucerová, S. 211).

Необходимо заметить, что изначальным значением слова Slovák было именно «славянин». Польские авторы XVI века называли словаками (Sławak, Słowak) южных славян и нижнелужицких сербов (Kucerová, S. 211). Из польского это словоупотребление проникло в западнорусские источники. В летописной компиляции конца XVI века из Перемышля русский автор, рассказывая о происхождении «руснаков», выводит их от южных славян (болгар): «Болгария великая, с которой мы идемо, словаци» (Щапов, Лимонов, 1976, с. 200). «Словаками» были славяне и для польского хрониста М. Стрыйковского (XVI век) (Мыльников, 1996, с. 34).

С другой стороны, сами словаки всегда называли себя только славянами. В современном словацком языке Словакия продолжает называться Slovensko (zeme), словацкий язык – slovensky, а слово «словачка» по-словацки будет slovenka. Поскольку словаки используют слово «славяне» в качестве самоназвания, для обозначения «славян вообще» им приходится пользоваться чешским заимствованием Slovani, которое в словацкой речи звучит так же «казённо», как и слова «российский» и «россиянин» в русском языке.

Того же самого словоупотребления по отношению к словакам придерживались и их славянские соседи. Так, Ян Гус, осуждая своих соотечественников-чехов за употребление немецкого «л» (l), ставил им в пример словаков, которые произносили этот звук по-славянски:

«E contrario Slawani non habent ł sel l». В статуте Пражского университета от 1400 года словаки упоминаются под именем *Sclavi* – «славян» в качестве одной из четырёх «наций» наряду с чехами, мораванами, венграми и чехами: «In Universitate sunt coniuncti quattuor nationes, ut de facto sunt se (...) Bohemorum, cui nationi coniuncti sunt Moravi, Ungari atque Sclavi» (KucEROVÁ, S. 212). «Латинско-чешский словарь из Братиславы» (*Vocabularium latino-bohemicum Posoniense*) конца XIV века содержит перечень народов: *Czeh – Bohemus, Rutenus – rusyenyn, Ungarus – Uher, Slovyenyn – Sclavus, Moraveczech – Moravus*, из которого следует, что чешское слово «славянин» означало словака (Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 243).

Венгры тоже отличали словаков в качестве «славян» от других своих славянских соседей. Венгерский Аноним начала XIII века, рассказывая о завоевании Нитранского княжества на реке Нитра в Словакии, называет его обитателей просто «славянами». Когда «лазутчики» быстро дошли до речки Тормош, где она впадает в речку Нитру, они увидели, что жители этой области, славяне и чехи (*Sclavi et Voemi*), им сопротивляются с помощью князя чехов, так как... землю, расположенную между Вагом и Гроном от Дуная до р. Моравы, князь чехов (*dux Boemorum*) захватил для себя и создал одно герцогство, и в это время по милости князя чехов нитранским князем (*dux Nitriensis*) был поставлен Зубур. Когда же лазутчики увидели, что славяне и чехи не способны им сопротивляться, они три раза послали в них стрелы и некоторых из них этими стрелами убили... наконец на четвертый день чехи и все нитранские славяне (*Voemi et omnes Nytrienses Sclavi*), увидев храбрость мадьяр, обратились в бегство и ради защиты жизни заперлись в крепость Нитры» (*Anonimi Belae regis notarii Gesta Hungaronm*, 33–37; Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 241). Ясно, что чехи и «славяне», под которыми здесь подразумеваются предки словаков, были в глазах венгров такими же разными «племенами», как «славяне» и сербы для Фредегара.

Таким образом, словаки являются такими же «славянами» в собственном смысле этого слова, как и новгородские «слоѣне», и в этом состоит их отличие от соседних славян, обладающих особыми племенными именами: чехов, русских, поляков.

Словенцы и хорваты кайкавского наречия

«Собственно» славянами, как и следует из их названия, являются словенцы. В языковом отношении к словенцам тесно примыкают хорваты, говорящие на кайкавском наречии. Кайкавщина и словенский представляются некогда единым языком, разделённым на две части венгерско-немецкой границей. Окончательный распад словенско-кайкавской общности вызван усвоением кайкавцами хорватского имени и сильнейшим воздействием со стороны штокавского диалекта (Ивић, 1986, с. 35, 37; Толстой, 1989, с. 154–155).

Известно, что современные хорваты говорят на трёх «наречиях». В зависимости от того или иного произношения праславянского местоимения *što «что»: *što*, *ča* и *kaj* – они именуются «штокавским», «чакавским» и «кайкавским». Они отличаются друг от друга гораздо больше, чем русский, украинский и белорусский языки (Толстой, 1989, с. 155). Собственно хорватским является чакавский диалект, который сохранился только на островах и на побережье Кварнерского залива. Это единственный славянский язык, который использовал в письменности славянскую азбуку «глаголицу».

Государственным языком Хорватии является штокавский диалект, который отличается от сербского языка только латинским алфавитом. Это наречие пришло в XVI век с огромной волной сербских и влашских переселенцев из внутренних областей Балканского полуострова, искавших спасение от турок. В эпоху хорватского национального возрождения штокавский диалект, как самый распространённый, был положен в основу хорватского литературного языка, что вызвало возмущение сербов, которые считали, что хорваты его у них «украли». Последнее не совсем верно, поскольку основным признаком национальной принадлежности славян в западной части Балканского полуострова был и остаётся не язык, а вера.

Что касается кайкавского наречия, то на нём говорят на северо-западе современной Хорватии, в том числе и в столице Загребе, где оно используется в обиходе коренных горожан (Ивић, 1986, с. 35–36). В доосманское время кайкавская речь была распространена по всему между-речью Савы и Дравы, но в восточной его части она полностью исчезла,

уступив место штокавским говорам. До XVI века население, говорившее на кайкавском наречии, не считало себя хорватами. В средневековых венгерских памятниках его называют именем «славян» (латинское *Sclavi*, немецкое *Wenden*, венгерское *Tótok*). Область расселения «кайкавцев» называлась Славонией (Акимова, 1989, с. 147).

До начала турецких завоеваний, перекроивших этнические и диалектные границы на Балканском полуострове, граница между Хорватией и Славонией проходила по хребту Капелла или Попова гора, называемому также «Гвоздём» (*Gozd*), что означает «железные (горы)». Жители Славонии отличали себя от хорватов, употребляя обозначения *Croatus*, *de Croatia*, *Hrvatin*, *Hrvatica* для пришельцев из далматинской Хорватии, лежавшей к югу от Гвозда. В договоре славонского рода Бабоничей с хорватским городом Сенем свидетели с обеих сторон названы «нобиями из Хорватии» и «нобиями из-за Железных Альп (*ultra Gozd*)» (Акимова, 1989, с. 147). Самоназванием жителей Славонии был этноним *slovinci* «словенцы», свою речь они называли *slovenski jezik*, а свою область *Slovenski orsag* (из венг. *ország* – «земля»), *Slovenska zemlja*, *Sloveni* (Акимова, 1995, с. 145).

Это разделение отмечено в «Хождении» русского посольства на Флорентийский собор. На обратном пути послы пересекли Хорватию и Славонию. Неизвестный суздалец писал: «От Сени до града Брыни 15 миль, а путь лесам на горы: и в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латыньская... От града Копрыници до реки Даравы милья. Та убо река у рубежа Словеньской земли с Угорской землею» (Хождение, с. 149). Ясно, что понятие «славянский» используется русским путешественником в смысле «славонский»: в противном случае он не употребил бы выражения «язык с Руси», а назвал бы язык хорватов славянским. Иными словами, «Словеньская земля» в «Хождении» означает Славонию, в отличие от страны «хавратян».

Вообще, в доосманскую эпоху Славония в большей степени тянула к Подунавью, нежели к Балканам. Славония считалась частью Венгрии, на неё распространялось действие Золотой буллы 1222 года и общевенгерское деление на комитаты, с 1442 года славонский «сабор» (*Congregatio regni Sclavoniae*) посылал послов в Государственное собрание Венгрии (Фрейдзон, 2001, с. 18–20). Собственно Хорватия (*regnum Dalmatiae et*

Croatie) до османского завоевания представляла собой полунезависимый союз двенадцати знатных родов, слабо связанный с остальными владениями венгерского короля, включая Славонию.

Положение резко изменилось в начале XVI века, когда Хорватия и Славония начали подвергаться опустошительным набегам турок. Спасаясь от турецкого нашествия, из глубин Балканского полуострова в Далмацию хлынули волны беженцев («ускоков»), в массе своей состоявшие из православных «влахов» – скотоводов, говоривших на сербском (штокавском) наречии. Во многих областях местное, довлашское население почти полностью исчезло, будучи перебито или изгнано.

Для защиты от турецких вторжений Габсбурги создали пояс крепостей на границе с османскими владениями в Венгрии. Под их защиту в Славонию из собственно Хорватии переселилось множество хорватов, говоривших на чакавском наречии, которое до сих пор распространено в австрийской области Бургенланд (Gradište по-хорватски). Канцелярию Хорватии и Далмации перевели в Загреб и с 1567 года объединили с канцелярией славонского бана (Фрейдзон, 2001, с. 281). В середине XVI века «вендские» и «хорватские» капитании еще различались между собой, хотя граница между ними пролегла уже по Саве, гораздо севернее старой хорватско-славонской границы по Гозду (Történelmi, с. 116, карта IV).

Однако уже в следующем столетии бывшая Славония (загребская, вараждинская и крижевацкая жупании) стала называться Хорватией. Имя хорватов распространилось здесь вместе с населением, переселившимся из Далмации на протяжении XVI века (Ивић, 1986, с. 75), которое перешло на местный кайкавский говор. Имя Славонии было перенесено на восточную часть междуречья Савы и Дравы (вировитицкая, вуковарская и сремская жупании), но в отличие от Западной Славонии кайкавский диалект здесь исчез, сменившись штокавским наречием, на котором говорили католические переселенцы из Турецкой Боснии, называемые «шокцами» или «бошнянцами».

Таким, образом, ещё одной частью собственно «славян» следует считать славонцев и хорватов кайкавского диалекта, жителей средневековой Славонии, до сих пор говорящих в сущности на одном языке, для которого характерно местоимение kaj «что».

Собственно «славяне» в Венгрии («тоты»)

Венгерским соответствием названия «славяне» будет слово «тоты» (tót, tótok). В настоящее время оно используется только в разговорном венгерском языке для обозначения словаков. До Второй мировой войны это слово использовалось официально. Марионеточное фашистское «Независимое государство Словакия» (1939–1945) называлось в хортистской Венгрии Tótország «Страна тотов». Этим же самым именем Tótország венгры называли историческую область Славонию в междуречье Савы и Дравы (Титов, с. 12; Шушарин, 1997, с. 249). Первое письменное упоминание этого имени относится к XIII веку. Villa Sclavorum – «Славянское село», названное так в документе от 1221 года, затем упоминается под венгерским названием Thothfalu (совр. Pinktótfa) (Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 236; Шушарин, 1997, с. 230).

Нужно отметить две важные вещи. Во-первых, имя «тоты» никогда не использовалось для обозначения славян вообще, как совокупности родственных народов. Крупнейший специалист по раннесредневековой Венгрии В.П. Шушарин нарочно подчёркивает, что значение венгерского понятия Sclavi/tótok «не позволяет при переводе... идентифицировать этникон Sclavi латиноязычных памятников раннесредневекового королевства Венгрия русским родовым понятием “славяне”, обозначавшим всю совокупность народов славянской языковой общности» (Шушарин, 1997, с. 230). «Изучение материала топонимии и лексикографии показало, что этниконом “тот” мадьяры обозначали ряд славянских этнических общностей, чьи самоназвания начинались сочетанием “слав-”. Это словаки, словенцы и хорваты кайкавского диалекта сербохорватского языка» (Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 236).

Эти венгерские Sclavi – «славяне» в описаниях завоевания страны венграми названы Венгерским Анонимом начала XIII века как отдельный народ наряду с римлянами, болгарами, влахами и, самое главное, чехами (Romani, Bulgarii, Blasii – Blaci, Voemi) (Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 241). «Повесть временных лет» описывает венгерское нашествие следующим образом: «И почаша воевати на живущая ту волохи и словѣне. Съдяща бо ту преже словѣни, и волохове прияша землю словеньску. Посемъ же угры прогнаша вольхи и съдоша съ слѣвены,

покоривше я под ся, и отголе прозвася земля Угорьска» (Повесть, с. 14). Современное венгерское *olász* (из славянского *volxъ «волох») означает итальянца, но первоначально оно соответствовало понятию «франк», на что указывает название села *Nagyolász* – «великие влахи» в Среме (сейчас сербское село Манделос), которое в латинских грамотах называлось *Francavilla* (Шушарин, 1997, с. 185). Из этого вытекает, что «Повесть временных лет» предельно точно описала завоевание подвластных франкам славянских земель на среднем Дунае, окончившееся в 904 году разгромом венграми баварского войска.

«Повесть временных лет» выделяет этих завоёванных венграми паннонских славян как особое племя: «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ: словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви, их же приаша угри, и морава, и чеси и ляхове, и поляне, яже ныне зовомыя Русь» (ПВЛ, с. 21). Как уже говорилось, этих «славян», которые «сидели по Дунаю», нельзя считать просто предками словаков: в венгерских латиноязычных источниках словом *Slavi* обозначались также словенцы и население Славонии, говорившее на кайкавском наречии (Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989, с. 236). Это те же самые народы называются по-венгерски «тотами».

Венгерское слово *tót* лингвисты уверенно связывают с индоевропейским *teut – «племя, народ», оно родственно таким этнонимам, как *teuthoni*, *deutsch* «немцы», и русскому чудь «эстонцы». О.Н. Трубочёв полагает, что венгры заимствовали это слово уже в Среднем Подунавье у остатков местного кельтского населения (Трубочёв, 2003, с. 46). Андраш Золтан считает, что венгры заимствовали его у балтов во время своего пребывания в Причерноморье (Золтан, 2008). Историком трудно согласиться с обоими лингвистами. Наличие кельтского населения в Паннонии X века невероятно. Непонятно, где и как могли венгры встретиться с балтами в IX столетии и каким образом заимствованное у балтов слово стало обозначением именно «славян», а не, к примеру, немцев – тевтонов.

С точки зрения истории этимологии венгерского слова *tót* следует считать заурядное обозначение подчинённого земледельческого населения в тюркских языках «таты», каковым и являлись дунайские славяне по отношению к венграм (Шушарин, 1997, с. 262). Византийцы называли венгров «турками» (Константин Багрянородный). Махмуд Кашгарский (XI век) приводит пословицу «Турок без тата как шапка

без головы». Татами до сих пор называют горских евреев в Дагестане и персов-суннитов в Иране (Люшкевич, 1971). По свидетельству немецкого путешественника Шильдбергера, в начале XV века татары называли татами население горного Крыма, которое само себя называло свой язык готским¹ (Encyclopaedia, 1987, VIII, p. 697–700). Слово это, судя по всему, было заимствовано в тюркский язык из индоевропейского (тохарского?). От него происходят такие этнонимы, как татары и татабы, известные в Монголии и Маньчжурии по меньшей мере с VI века. Первый каган жужаней в начале V века носил имя Татар (кит. Датань), а сами жужане именовались в южнокитайских хрониках татарами (датань, тантань). Большая часть исследователей согласна, что жужане V–VI веков были предками европейских авар, чье имя в свою очередь восходит к названию племени ухуань в Маньчжурии (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 55–57). Очень вероятно, что словом «тат(ар)» центральноазиатские турки первоначально называли своих восточных соседей – монголов.

Не исключено, что сами венгры позаимствовали это слово у своих предшественников – авар. Если бы словом «тот» обозначалось только славянское население, входившее в состав Венгерского королевства, то есть словаки и славонцы-кайкавцы, оказалось бы совершенно неясно, почему этим же именем венгры называли словенцев, которые венграм никогда не подчинялись. Скорее всего, имя «татов» присвоили славянам авары, чья власть простиралась не только на дунайских, но и на альпийских славян.

В работах ряда авторов высказана мысль, что славянский язык был *lingua franca* в Аварском каганате, особенно на последней ступени его существования (Curta, 2004). Очевидно, что это был тот самый язык, из которого венгры, сменившие авар спустя 100 лет после разгрома последних франками (летописными «волохами»), заимствовали множество славянских слов. По мнению Е.А. Хелимского, в венгерском языке насчитывается от 300–400 до 600–650 ранних славянских заимствований, касающихся важнейших сторон жизни, в том числе христианская, социально-политическая и земледельческая терминология (Хелимский, с. 404–435). Исследователь называет источник этих заимствований

¹ Die siebent sprach haisst Kuthia sprach und die heiden haissent That.

панноно-славянским языком. Язык этот, не соотносимый напрямую ни с одним из современных славянских языков (Там же, с. 408), по совокупности фонетических черт во многом близок южнославянским языкам: словенскому и кайкавскому, а также среднесловацкому диалекту (Там же, с. 429), то есть именно тем славянским наречиям, носители которых называют себя «славянами» в узком смысле этого слова.

В источниках не сохранилось каких-либо племенных названий дунайских славян, наподобие таких «сербов», «хорватов», «чехов»: в современных источниках, описывавших деятельность Кирилла и Мефодия в Паннонии, местное население именуется только «словѣне» и *sclavi* либо «моравские славяне» (Dogul'a, S. 181–182; Krajčovič, S. 184). Франкские анналы также называют местных жителей «славянами» или «моравскими славянами», при этом соседние славянские племена именуются племенными названиями сербов, ободритов, при этом полностью отсутствуют названия «сербские» или «ободритские» славяне (Развитие, 1982, с. 88–89). Из этого следует, что венгерское слово *tótok* изначально служило не обозначением славян вообще, а особого славянского племени, которое «Повесть временных лет» называет «словѣне, иже съдяху по Дунаеву» и считает родоначальниками остальных славянских народов.

Дулебы

В свете происхождения венгерского названия славян *tótok* от тюркского названия подчинённых кочевникам земледельцев «таты» можно по-новому взглянуть на происхождение этнонима «дулебы». «Повесть временных лет» пишет по поводу дулебов следующее: «Словѣньску же языку, яко же рекохомъ, живущу на Дунаи, придоша от скуфь, рекше от хозаръ, рекомии болгаре и седоша по Дунаеве и насельници словѣномъ быша. Посемъ придоша угри бѣлии и наследиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цари, еже находиша на Хоздроя, царя перьского. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенѣхъ, и примучиша дулѣбы, сущая словѣне, и насилие творяху женам дулѣбским: аще поѣхати будяше обьрешу, не дадеше въпряги коня ни вола, но веляше

въпряги Зли, 4ли, 5ли женъ в телъгу и повести обърена и тако мучаху дулѣбы» (Повесть, с. 14).

Эта картина находит полное соответствие в «Хронике Фредегара» (Fred. Chron., IV, 48): «В год 40-й царствования Лотаря человек по имени Само, по рождению франк из округа Сансского (*natione Francos de pago Senonago*) увлѣк с собой многих купцов (и) отправился торговать к славянам, называемым винидами. Славяне тогда начали восставать против авар, называемых гуннами и царя их кагана. Виниды издревле были “бефульками” (*befulci*) гуннов, так что когда гунны выступали войной против какого-либо народа, гунны скрывали своё войско в укрепленном лагере. Виниды же сражались: если побеждали, гунны выступали забирать добычу, если же виниды терпели поражение, гунны приходили на помощь. Поэтому они назывались от гуннов “бефульками”, что в бою они образовывали перед гуннами двойную боевую линию. Гунны всякий год приходили зимовать к славянам, брали жѣн славян и дочерей их себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань» (Свод, 1995, с. 366–367).

Из этого следует, что «примученные» обрами летописные дулебы суть не кто иные, как «виниды» из «Хроники Фредегара» (Корольюк, 1963). Дунайские дулебы жили между озером Балатоном и рекой Мурой. В грамоте 891 года упоминается земля *in comitatu Dudleira* «в дулебском графстве» (Fokt, S. 272). В «Обращении баваров и хорутан» среди построенных князем Прибиной церковью упомянут храм в *Dudlepin* «дулебин» (Нидерле, 2013, с. 91; Müller, 1997, S. 75; Szymański, Dąbrowska, 1979, S. 561). Названия, связанные с именем дулебов, известны также в верховьях Дравы (Fokt, S. 287, сноска 103) и в Южной Чехии (Козьма Пражский, I, 27; с. 77). Дулебами называет чехов арабский географ Масуди. Это следует из того, что их правителем назван Ван.дж Слаф, то есть чешский князь Вацлав, 921–929 годы (Мишин, с. 63). «Повесть временных лет» сообщает, что «дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне» (ПВЛ, с. 14). Кроме Волыни образованные от имени дулебов местные названия известны в украинском и польском Прикарпатье. Долобское озеро под Киевом, где князь Ярослав с новгородцами разбил своего брата Святополка Окаянного, в некоторых списках летописи именуется Дулебским (...). Другие дулебские названия рек и населённых

мест известны в верхнем течении Западного Буга, верховьях Днестра, в Припятском правобережье и по реке Уж – на Украине. Сюда же можно отнести деревни Дулебно и Дулебы в бывших Бобруйском и Червенских уездах и реки Дулеба и Дулебка в низовьях Свислочи – в Белоруссии (Седов, 1982, с. 93) По нашему мнению, «дулебами» называлось первоначально собственно «славянское» население под властью авар. Появление этого племенного названия за пределами Среднего Подунавья: в Чехии, на Волыни и в Прикарпатье – следует связать с распространением дулебского населения (или аварского влияния).

Существует две этимологии имени дулебов. Согласно первой из них имя дулебы происходит от германского *dudl-eib* «земля волынок», откуда происходит название Волынь (Хабургаев, с. 145). О.Н. Трубочёв выводит его из германское *dud-laiba* «наследство умершего, вымороченое имущество», от которого происходит, между прочим, имя русского генерала Тотлебена, руководившего строительством укреплений Севастополя в годы Крымской войны. Имя «дулебов» славяне получили якобы потому, что заняли земли, оставленные германскими племенами (Трубочёв, 1974). По нашему мнению, обе этимологии неудовлетворительны с исторической точки зрения. Волынская земля и город Волин в устье Одры едва ли были населены только любителями игры на волынках, а имя дулебов неизвестно в Польше и Восточной Германии, которые славяне действительно отбили у германцев.

Скорее всего, славянское слово *dudlěbъ – «дулеб», а вернее, его первую часть следует выводить из того же источника, что и венгерское *tót*. Вероятно, оно образовано из сложения двух тюркских корней «тат» и «оба». Последнее слово родственно китайскому «бу» – «часть», «племя» и неоднократно встречается в наших летописях в названиях половецких племён, таких как тортобичи (четыре рода), етебичи (семь родов), токсобичи (от названия тюркского племени «тухси»). В китайских источниках неоднократно упоминается жившее в Маньчжурии племя (кумо)хи/(кумо)си, которое в тюркских надписях называется татабами, что следует понимать как «чужое, татское племя». Прообразом славянского «дулѣбы» могло быть тюркское словосочетание, которое в современном турецком произношении звучало бы как *tatlı oba / татлы оба – «татское племя». Конечно, у предложенной этимологии есть ряд

трудностей, поскольку по-турецки это понятие звучало бы скорее как *tat obası*, однако с точки зрения историка этимология имени «дулебов» как «татов» (зависимых земледельцев) кажется мне более привлекательной по сравнению с «наследством мертвеца» или «волынщиками».

Собственно «славяне» на Балканском полуострове

Народным названием болгар в румынском и албанском языках были слова *Şchei* (рум.) и *Shqe* (алб.), восходящие к самоназванию славян (Ilyés, p. 320–324). Сразу же следует отметить, что, как и венгерское *tótok*, они не имеют никакого отношения к «славянам вообще». Для обозначения последних используются книжные слова *Slavii* (рум.), *Sllav-* (алб.) и *Slavok* (венг.), появившиеся в XIX столетии. По свидетельству Любора Нидерле, албанцы называли «сербских и македонских болгар» не иначе как *škja, škjeji*, то есть «славянами», из чего следует, что на сербов это название не распространилось (Нидерле, с. 41). Из этого можно заключить, что «славянами» называли себя предки болгар и македонцев, а не сербов и хорватов.

Утрата болгарскими славянами своего славянского имени произошла достаточно рано. Осевшие в Подунавье в начале X века венгры называли словом *bolgárok* – «болгары» уже славяноязычное население. Об этом свидетельствует название села *Bolgárszeg* в Трансильвании, которое по-румынски называлось *Şchei* (Ilyés, p. 320). Собственно болгары-кочевники были известны венграми как *nándorok*. Это слово происходит от племенного названия «оногундуры» или «оногуры». Например, Белград в Средние века носил у венгров название Нандорфехервара («Болгарского белого города»), в отличие от венгерского Секешфехервара («Стольного белого города») или хорватского Биограда-на-море. Любопытно, что славянское название венгров «Жгры, угры» происходит от того же тюркского племенного названия «десять племён» (оногур), что и венгерское *nándor*.

Македонцы и болгары говорят, в сущности, на одном и том же языке и отличаются только самосознанием, хотя в Болгарии принято считать македонцев частью болгар. Следует заметить, что славянское население

Македонии усвоило имя македонцев в качестве самоназвания только в XX веке, а до этого именовало себя просто «славянами». Об этом свидетельствует наименование этой области как «Славинии» в противоположность «Болгарии» в византийских и восточных источниках (Литаврин, с. 522). Константин Багрянородный рассказывает о нападении на Пелопоннес в первой половине X века неких «слависианов», то есть воинов из «Слависия» (Константин Багрянородный, с. 222–223). Этим именем, подобным названию византийской фемы Фракисий, могла называться фема, созданная на захваченных греками в конце VII века землях македонских славян.

Македония попала под власть болгар только в IX столетии и была отвоевана греками в начале XI века. Впоследствии она только временами входила в состав Болгарского государства, и поэтому славянское самосознание не было окончательно вытеснено болгарским. Французский путешественник Белон сообщает (1554), что на Сидерокавских рудниках на Халкидике жило смешанное население, говорившее на славянском, болгарском, греческом, турецком и албанском языках: «Ceux, qui habitent aux minoeres de Siderocapsa sont gens ramassüs, et usent de langage different, comme Esclavon, Bulgare, Grec, Turc, Albanois» (Наследкова, 1956, с. 96). Очевидно, что Белон перечисляет представителей разных народов в соответствии с их собственными самоназваниями. Поскольку «славяне» с рудников могли быть только предками македонцев, – присутствие здесь словенцев или словаков просто невероятно, – мы можем заключить, что в отличие от бывших подданных Болгарского царства они продолжали носить своё исконное славянское имя.

Похожее свидетельство имеется у болгарского писателя XV века Константина Костенечского, который говорит о святых Кирилле и Мефодии следующее: «Когда эти добрые и удивительные мужи поразмыслили, они выбрали как самый тонкий и самый прекрасный русский язык и к нему в помощь прибавлен был болгарский, сербский, боснийский и славянский, отчасти также чешский и хорватский языки, чтобы им охватить божественное писание... Поэтому знатоки книг не называют этот язык ни болгарским, ни сербским, а славянским, что означает язык всех этих народов» (Magnae Moraviae, III, S. 443–444). Очевидно, что писатель перечислил все известные ему славянские народы и стоящий

рядом с боснийским «славянский» язык есть тот самый language Esclavon Белона, или язык собственно «славян» в Македонии.

Чудеса святого Димитрия Солунского называют славянские племена, осаждавшие Фессалонику в конце VI – VII веке. В чуде первом говорится о другувитах (дреговичах), сагудатах, велегезитах, ваюнитах, берзитах и «других народах» под предводительством Хацона (Свод, 1994, с. 125). В чуде четвёртом речь идёт о нападении на город «целого народа славян, а именно обеих его частей – то есть славян с Ринхина и со Стримона» вместе с сагудатами и дреговичами. Мы видим, что вместе с другими племенами в осаде принимают участие собственно «славяне». В отличие от своих сородичей, имеющих особые племенные названия, – в первую очередь дреговичей, – они именуются по местным рекам Струме и «Ринхину» (не опознана). Поскольку славяне со Стримона усвоили название местной реки, известное с глубокой древности, нужно предположить, что при их появлении в Македонии они не имели другого племенного названия, кроме имени «славян». Если бы таковое имелось, источник назвал бы его, как назвал племенные имена дреговичей, велегезитов и «прочих народов».

Вполне возможно, что к собственно «славянам» на Балканах следует причислить и средневековых «бошнян», тоже названных по местной реке Босне. Боснию отличал от Сербии уже Константин Багрянородный: «[Знай], что в крещёной Сербии имеются населённые крепости: Дестиник... а в местности Босона – Катера и Десник» (глава 32, с. 149). Иоанн Киннам, описывая события середины XII века, замечал, что во главе «далматской (то есть сербской) земли Боснии стоял самостоятельный правитель бан Борич, что река Дрина отделяет Боснию от остальной Сербии». По его словам, сама «Босния не подчинена архижупану сербов и её народ (ethnos) имеет особый образ жизни и управления» (Наумов, 1989, с. 97). В речи Михаила Анхильского упомянуты сербы (даки), боснийцы и хорваты (Там же) упомянуты как самостоятельные народы. Следует признать, что корень этнической обособленности босняков от сербов лежит не в их богомилстве или позднейшем мусульманстве, а в том, что они принадлежали к племени «славян» в собственном смысле этого слова. Бошняне отличались от сербов точно так же, как «виниды» Само отличались от сербов Дервана в «Хронике Фредегара».

Нижнелужицкие сербы

Современные лужицкие сербы, живущие в Германии, несмотря на свою малочисленность (порядка 100 тысяч), говорят на двух самостоятельных языках: верхнелужицком и нижнелужицком. По утверждению серболужицкого лингвиста Гейнца Шустер-Шевца, эти языки имеют разное происхождение. Он связывает это с делением праславянского языка на две крупные диалектные зоны: «архаическую» западнославянскую (лехитскую) и «инновационную» южно- и восточнославянскую (Schuster-Šewc, 1998, S. 32–33). При этом нижнелужицкий диалект окажется более близким к инновационному юго-восточному праславянскому, а верхнелужицкий – к архаическому северо-западному праславянскому. Лингвистические материалы позволяют утверждать, что носители обоих диалектов переселились в будущие серболужицкие земли с разных направлений. «Инновационные» юго-восточные славяне пришли с юга, из Чехии, спустившись вниз по течению реки Эльбы (Лабы). «Архаические» северо-западные славяне явились с востока из глубины Польши (Schuster-Šewc, 1998, S. 50, Karte 2). Немецкое завоевание и внутренние перемещения славянского населения привели к тому, что современный верхнелужицкий, изначально родственный лехитскому (польскому), вторично сблизился с соседним чешским языком. Современный же нижнелужицкий, наоборот, оказался под сильным влиянием польского.

Для нас важно то, что носители этих двух языков первоначально носили разные самоназвания. Если имя «сербов» (немецкое Sorben) прикладывается и к верхне- и к нижнелужицким сербам, то именем «славян» (немецкое Wenden) обозначается только нижнелужицкое славянское население (Schuster-Šewc, 1998, S. 49). Польские авторы XVI века называли «славянами» (Słowak, Słowak) южных славян и нижнелужицких сербов (Kucerová, 1990, S. 212), в то время как верхнелужицких сербов называли словом Sarb – «серб». Очевидно, что и немцы и поляки просто отразили разницу в самоназваниях, бытовавшую среди самих лужичан. Таким образом, на серболужицком материале мы видим ту же самую картину, что и в «Хронике Фредегара»: сербы и «славяне» представляют собой два разных «племени».

Поморские словинцы

Собственно «славянское» племя обитало некогда и на Поморье. По мнению польского историка, название «поморяне» последние получили от своих южных соседей поляков (Лециевич, 1989, с. 134). Поморье делилось на две части: западную и восточную, с разной исторической судьбой. Восточное Поморье именовалось также Гданьским или Малым Поморьем (Помереллией). Если судить по титулу прусских королей, которые именовались «герцогами славян и кашубов», Поморье было заселено двумя разными славянскими племенами: собственно «славянами» на западе, и кашубами – на востоке. Александр Гильфердинг в своём известном труде «Остатки славян на Балтийском море» ясно свидетельствует о том, что кашубы и словинцы жили отдельно и отличали себя друг от друга: «Когда я спрашивал у померанских кашубов о том, где живут словинцы, мне часто отвечали *za błotą* (за болотом)» (Гильфердинг, 1862, с. 9).

Происхождение слова «кашубы» неясно, однако с давних пор его объясняли от названия одежды. «Есть славянский народ с названием кашубы, и так их назвали из-за ширины и длины одежды, которую они должны были собирать в складки вследствие ее ширины и длины. Ведь по-славянски морщина или складка на одежде называется “хуба” (*huba*), отсюда и “кашубы” (*Casshubii*), то есть “складывай складки”» (Великая хроника, с. 54).

Имеется ряд указаний на то, что кашубы являются частью сербского племени. В Ермолаевском списке Ипатьевской летописи содержится рассказ об убийстве в 1296 году только что венчанного польским королём Пжемыслава Великопольского. «Сих времен прежде Перемышлява король Полского оубили самы Ляхи пьяного въ месте Рогозном, а забили бояре Лядский, Налец и Заремба. Бог сотворил отмщение ему, понеже онъ прежде женоу свою именем Лукерью оудави ради другое, которая просися оу него, да в единой ризце пустить ю в дом: она бо бе рода князей Сербскихъ зъ Кашубъ, от Поморья Варязскаго, от Стараго града за Кгданьском» (ПСРЛ, т. II, 81).

В «Орозии короля Альфреда», в описании племён Центральной Европы сербы упоминаются дважды: сначала как западные соседи

племени далеминцев (Dalamensae), а затем – как южные соседи бургундов, то есть жителей острова Борнхольм (Бургундхольм). Ясно, что бургунды не могут граничить с полабскими сербами, которых отделяли от моря земли лютичей, названных в источнике Wylte – «велеты» или Hæfeldan – «гаволяне». Это значит, что речь идёт о сербах Ипатьевской летописи – кашубах с побережья Варяжского (Балтийского) моря. До сих пор к западу от Гданьска на карте рядом с более крупным и известным Лебским озером лежит озеро Sarb – «серб», Гильфердинг во второй половине XIX века упоминает одноимённое село в списке кашубских (не словинских!) населённых мест (Гильфердинг, 1862, с. 3, 6–7).

Кашубские сербы, скорее всего, пришли сюда из Полабья, где их соседями было племя далеминцев, или гломачей. В списке «Баварского географа» IX века Surbi и Talaminci стоят рядом (Херрманн, с. 163). Во франкских анналах это племя называется «далматами» (Dalmatae под 856 и Dalmatii под 880 годом). В «Хронике Титмара Мерзебургского» (Титмар, I, 3; с. 6) названа provinciam quam nos Daleminci vocamus, Slavi autem Glomaci vocant – «провинция, которую мы называем далеминцы, а славяне – гломачи». Имя гломачей до сих пор сохранилось в названии города Lommatzsch около Мейсена.

Любор Нидерле считал загадочной перемену названия с далеминцев на гломачей (Нидерле, с. 149). Скорее всего, как и в случае с вильцами-лютичами, речь должна идти о разном произношении одного и того же племенного названия в местных славянских говорах. Чередование гломачи – далеминцы сильно напоминает нижнелужицкое преобразование славянского сочетания *dl/*tl > gl, kl (Шустер-Шевц, 1998, с. 8). Поскольку немцы и поляки называли «вендами» и «словаками» только нижнелужицкое население, в отличие от верхнелужицких «сербов», мы должны считать гломачей собственно «славянами», предками поморян-словинцев.

Мы уже упоминали о том, что переход *dl/*tl > gl, kl объединяет нижнелужицких вендов со среднесловацким диалектом. Словацкие учёные согласны, что среднесловацкий диалект отражает вторую волну славянского заселения Словакии, пришедшую с юга, из Среднего Подунавья. Новые славянские поселенцы принесли сюда серую обточенную керамику подунайского типа. Волна дунайских славян наложилась на

местное славянское население с лепной керамикой пражского типа, пришедшее в Словакию и Моравию с северо-востока, из Южной Польши. Две ветви славян различались не только материальной культурой (серая обточенная посуда и трупоположения у «дунайских» славян, красная лепная керамика и трупосождения у «пражских»), но и говорили на совершенно разных наречиях.

Словацкий лингвист Габовштяк выяснил, что первоначально словацкий язык делился не на три наречия (западно-, средне- и восточно-словацкое), а на два, резко отличавшиеся друг от друга по словарному составу. Носители одного диалекта употребляли слова: рожь, боровица, слепка, сближающие их с южными славянами. Носители другого, наоборот, использовали слова «северного» (западно- и восточнославянского) облика: жито, сосна, кура (Габовштяк, 1981).

Продвижение серой дунайской керамики прослеживается и в Полабье, где она известна под названием лейпцигской или рюсенской. Археологи связывают её с лужицкими сербами (Седов, 1995, с. 144). Поскольку слово «сербы» употребляется ими расширительно, как синоним слова «лужичане», хотелось бы обратить внимание, что эта посуда не может принадлежать собственно «сербам». Движение этого народа из Полабья шло в направлении прямо противоположном распространению дунайской серой посуды: сербы переселялись на юг, на Балканы. Таким образом, серую керамику мы можем связать только с гломачами, которые говорили на будущем нижнелужицком наречии, родственном среднесловацкому.

Как мы упоминали выше, немцы и поляки называли «славянами» (Wend, Słowak) только нижнелужицких сербов. То есть население с серой обточенной керамикой должно было бы называться просто «славянами», а не особым племенным именем далеминцев-гломачей. Выход из этого положения подсказывает этимология. Имя далеминцев, конечно, не имеет никакого отношения к адриатической Далмации, куда славяне переселялись с севера. На мой взгляд, имя далеминцев нужно рассматривать только как искажённое название «дулебы», через промежуточную ступень *дулеѢбиньци, с дальнейшим смещением «б» и «м» по типу «басурман» – «мусульманин» и переходом начального «дл-» в «гл-» на среднесловацко-нижнелужицкий лад: дулебы > дулебин > ду-

лебинец > далеминец > дломач > гломач. Поскольку мы выяснили, что слово «дулебы» является иноязычным прозвищем дунайских «славян» под властью авар, собственно «славянское» происхождение гломачей можно считать доказанным.

В Полабье сербы и гломачи были соседями. В Поморье сербы заселили его восточную часть – Кашубию. Надо полагать, что гломачи обитали в Западном Поморье, князей которого в источниках именуют «герцогами славян». Имя «славяне» отразилось здесь в виде названия города Schlawe (нем.), ныне Sławno (польск.), то есть того же имени «Славно», которым назывался «Славенский» конец средневекового Новгорода. Имя гломачей следует связать с названием городка Kołbasz (немецкий Kolbatz, до 1910 Colbatz) в 22 километрах к югу от Щецина. Город вырос вокруг цистерцианского монастыря, основанного в 1173 году в «колбацкой земле» (terra Colbacensis). Последнее название тоже возвращает нас на берега Ильменя, в Новгород.

После победы над своим братом Святополком князь Ярослав Мудрый дал новгородцам судебник, известный под названием «Русской Правды», с наказом: «По се грамотѣ ходите, якоже списах вамъ, такоже держите» (ПСРЛ, т. III, 176). В 9-й и 10-й статьях краткой редакции «Русской Правды» упоминаются варяги и колбяги: «Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе, любо к собѣ 3 гривнѣ, а видока два выведет; аще будет Варягъ любо Колбягъ, то на роту. Или челядинъ съкрыеться любо у Варяга любо у Колбяга, а его за три дни не выведут, а познаеть и въ третии день, то изимати ему свои челядинъ, а три гривнѣ за обиду» (Там же, т. III, 176).

Вопрос, кто такие колбяги, до сих пор не решён удовлетворительно. Судя по облику слова, а именно по суффиксу «-ягъ», оно было заимствовано из германских языков. Имя колбягов хорошо известно в скандинавских источниках в виде древнеисландского *Kylfingar*. Последнее выводится из древнескандинавского *kylfa* «дубинка, бита», родственного таким словам, как английское *club* – «дубинка» и *golf* – «игра в гольф» (из голланд. *kolf*). Беда этой «прозрачной» на первый взгляд этимологии заключается в том, что это слово в скандинавских источниках обозначает исключительно чужой и враждебный скандинавам народ.

В «Саге об Эгиле Скалагримссоне» рассказывается, как владыка (лендрманн) самой северной норвежской области Халоголанда Торольв, современник короля Харальда Прекрасноволосого (IX век), «разъезжал по всему Финнмарку, а когда он был в горах на востоке, он услышал, что сюда пришли с востока колбяги и занимались торговлей с лопарями, а кое-где – грабежами. Торольв поручил лопарям разведать, куда направились колбяги, а сам двинулся вслед. В одном селении он застал три десятка колбягов и убил их всех, так что ни один из них не спасся. Позже он встретил еще человек пятнадцать или двадцать. Всего они убили около ста человек и взяли уйму добра. Весной они вернулись обратно» (Древняя Русь, V, с. 205).

В скандинавских географических сочинениях «землём колбягов» именуют Русь, а точнее – Новгородскую землю (Гардарики): «Terra kylvingorum, quam vocamus regnum Gardorum; Kylfingaland, þath kyllum ver Gardariki» – «Кюльфингаланд, его мы называем Гардарики» (Мельникова, 1986, с. 134). Ясно, что колбяги были не скандинавами (варягами), а жителями Новгорода. Скандинавское слово *kylfa* – «дубинка» имеет к «кюльфингам» такое же отношение, как латинское *caput* – «голова» к слову *capitaneus* – «капитан». Последнее представляет собой заимствование из греческого *κατέλανω* «верховный (правитель)», сделанное в Южной Италии, подтверждением чему служит название провинций Базиликата и Капитаната, то есть областей, доход с которых шёл соответственно византийскому императору (базилевсу) и катепану Калабрии (Властные институты, 2011, с. 261). Греческое слово было «подправлено» по образцу родного латинского слова. То же самое нужно говорить и о «кюльфингах». Это название чужого этнонима, переделанное на скандинавский лад. Подобным образом в русском языке название Стокгольма превратилось в «Стекольну», а буряты в «братских людей».

В.Н. Татищев считал, что имя колбягов происходит от названия города Колобжега. Трудно сказать, имеет ли это слово отношение к колбягам. Во всяком случае, в таком виде (*salsa Cholbergiensis*) название города упоминает уже Титмар Мерзебургский. Скорее имя колбягов следует связать с уже названной *terra Colbacensis* «колбацкой землей». Встречающееся в немецком переводе «Саги о Хрольве (Hroðulf) Жердинке» название *Kalbakssida* (*Kalbacium*) «Колбяжский берег», которым

Собственно «славяне»

он владел вместе с холодной Швецией, Бьярмией и Курляндией (Hroe beherrschte das kalte Schweden, Biarmaland, Kurland und Kalbakssida) (К истории), скорее всего было скандинавским обозначением Западного Поморья. Трудно сказать точно, почему колбяги «Русской Правды» названы именем, заимствованным из скандинавских языков, если оно изначально было скандинавским названием поморян. Возможно, что этим именем называли себя знаменитые «Йомсвикинги» из поморского города Волина (Йомсборга).

Вероятно, словом «кюльфинги» скандинавы передавали местный славянский этноним Colbaci «колбачи», родственной имени Glomaci «гломачи» Титмара Мерзебургского. Связь между племенным названием славянского племени гломачей-далеминцев с колбягами-кюльфингами, с одной стороны, и нижнелужицкими «вендами» и словаками – с другой, позволяет объяснить, почему скандинавы считали «Гардарики» (Русь) землёй колбягов. Это не что иное, как тёмное воспоминание о переселении с южного берега Балтики в Приильменье племени «словѣн».

Ильменские «словѣне»

Заселение будущей Новгородской земли славянами происходило в два приёма. Сначала здесь появилось население, оставившее так называемые псковские длинные курганы V–VII веков, которые в археологии принято связывать с кривичами. Носители этих древностей пришли сюда из Поднепровья, и их культура вместе с тушемлинско-банцеровской, колочинской, пеньковской и именьковской входит в культурный круг, чьи корни лежат в киевской культуре III–V веков и предшествующих «постзарубинецких древностях» I–II веков. В главе 2 «Расселение славянских племён» этой работы было предложено связать эти археологические группы с летописными славянскими племенами, чьи названия оканчиваются на «-ичи»: дреговичами, радимичами, уличами и вятичами.

В VIII веке в области псковских длинных курганов появляются новые памятники – новгородские сопки, которые связывают с ильменскими «славянами». По мнению исследователей, длинные курганы и сопки были оставлены разным населением, которое отличалось характером

расселения и хозяйства. В отличие от кривичей, селившихся на лёгких почвах и обрабатывающих землю сохой, словене селились на более плодородных (и тяжёлых) почвах, которые они пахали плугом (Исланова, 2004, с. 80–81; Конецкий, 1998, с. 225–228).

Вопрос, откуда «славяне» пришли в Приильменье, стал предметом ожесточённых споров. Одни исследователи полагают, что они переселились сюда с запада, с южного побережья Балтийского моря, другие настаивают на местном происхождении культуры сопок. Обычно в этих спорах используются доводы антропологического и генетического свойства, поскольку археологический материал не даёт прямого ответа на вопрос (Восточные славяне, 2002, с. 168–169). Постараемся взглянуть на него с другой точки зрения.

Как говорилось в главе 2, славянские племена к северу от Карпат делятся на две большие группы: названия первой из них оканчиваются на «-яне», второй – на «-ич». При этом первые в основном расселились на Правобережной Украине и Польше, вторые – на Левобережной Украине и Верхнем Поднепровье. Имя ильменских «славян» оказывается изолированным на крайнем севере ареала племён с именами на «-ичи». Поэтому мне кажется сомнительным приход новгородских «славян» с юга, типология их имени предлагает искать их происхождение на западе, среди собственно «славян» Центральной Европы.

Самым близким местом, где проживало племя с одноимённым названием «славяне», было польское Поморье, жители которого в средневековых источниках, латинских и скандинавских, в отличие от поляков именуется «славянами». Словинцы проживали в Поморье вплоть до 1945 года, пока не были изгнаны вместе с немцами за исповедание лютеранства. В итоге из поморских славян остались только католики-кашубы. Естественно, что переселение «славян» с Поморья в Приильменье могло осуществляться только по морю, поскольку прямой путь преграждала обширная область расселения балтских племён.

Это движение хорошо прослеживается по данным этнонимии и топонимии. Нужно отметить, что область расселения летописных «словѣн» не исчерпывается Приильменьем. В «Повести временных лет» сказано: «И по сихъ братъи держати почаша родъ их княженье в поляхъ, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словѣне свое в Новгороде, а другое

на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже съдять по верхъ Волги, и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленск, тудѣ бо съдять кривичи. Таже съверъ от нихъ» (ПВЛ, с. 13). Из этого отрывка следует, что у «словѣн» было два княжения: в Новгороде и в Полоцке. Трудно сказать, как это известие соотносится с наименованием полоцких князей «кривьскими» или «кривитьскими» в летописной статье 1129 года, описывающей их изгнание в Византию. Можно предположить, что из «славян» состояло городское население, а сельская местность была преимущественно населена кривичами – потомками населения культуры полоцких и смоленских длинных курганов.

Другим «славянским» городом можно считать Витебск. В третьем издании Большой советской энциклопедии написано буквально следующее: «Витебское княжество, **Славянское княжество**, занимало территорию в бассейне среднего течения Западной Двины (по административному делению 19 в. – Витебский, Городокский, Суражский уезды). В 1101 было выделено из Полоцкого княжества в удел Роману, сыну Всеслава Полоцкого. В начале 13 в. зависело от Смоленска, а во 2-й трети 13 в. было завоёвано Литвой. В конце 13 в. в. к. управляли наместники смоленского князя. В начале 14 в. принадлежало князю Ярославу Васильевичу, в 1320 перешло к его зятю литовскому князю Ольгерду. Окончательно ликвидировано в 1441 (Лит.: *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии IX—XIII вв.). М., 1966).

Из текста энциклопедической статьи следует, что «Славянское» было вторым названием. Витебское княжество было «славянским», то есть принадлежало летописным «словѣнам». К сожалению, в указанной книге мне не удалось обнаружить источник, из которого Леонид Васильевич Алексеев почерпнул это известие. Остаётся довериться слову признанного специалиста. Во всяком случае, «славянская» принадлежность Витебска кажется вероятной, поскольку вместе с Усвятом город был уступлен в 1021 году новгородским князем Ярославом Мудрым своему племяннику Брючиславу Изяславичу Полоцкому. Наличие двух крупных «славянских» городов на Западной Двине указывает на то, что «славяне» пришли в Приильменье по Двине. Известно, что в XIII веке, во времена немецкого вторжения в Прибалтику, ниже по

реке располагались ещё два русских города: Герцике и Кукейнос, чьи имена по-славянски, вероятно, звучали «Ярьск» и «Куконос» (Клейнберг, 1972, с. 127).

Из немецких источников известно, что в устье Двины, а также в ряде других мест в XIII веке проживали «славяне», названные немецкими авторами «вендами». Генрих Латвийский сообщает, что первоначально «венды» (Vindi) жили в устье реки Венты, откуда были изгнаны куршами. После этого они переселились в устье Двины, а оттуда под натиском ливов ушли на реку Гаюю (Седов, 1995, с. 175–177). Венды были союзниками крестоносцев, и заложенный в их земле замок Венден (Цесис, Кесь) позднее стал столицей великих магистров Ливонского ордена.

Нет никаких сомнений, что венды были славянами. Слово Wenden – «славяне» в немецком языке является «маркированным», что делает невозможным его перенос на иное население с похожим самоназванием (как невозможно назвать ненцев «немцами» в русском языке). Поскольку слово «wenden» употреблялось немцами (и скандинавами) преимущественно по отношению к славянскому населению южного берега Балтики, которое именовало себя «славянами» (поляков никогда так не называли), мы должны сделать вывод, что в лице прибалтийских вендов мы видим остатки собственно «славянских» переселенцев, осевших на пути из Поморья в Приильменье. По мнению В.В. Седова, это переселение отмечено появлением песчаных курганов с трупосожжением, чуждых местной погребальной обрядности (Там же, с. 179).

Вполне возможно, что переселение «словѣн» в глубь страны шло не только по Двине, но и в сторону Чудского озера по рекам Гае и Ёмайги (эст. Emaļõgi; нем. Embach; рус. Омѡвжа; латыш. Mētra), на водоразделе которых стоит город Валга. Единственная удовлетворительная этимология этого названия – славянское «волок». Использование волоков было неизвестно финскому и балтскому населению (полное отсутствие соответствующих местных названий при обилии таковых у славян: Волоколамск, Вышний Волочѡк и пр.) (Трубачѡв, 1997, с. 161). Поэтому мы должны считать этот топоним указанием на путь славянского переселения из Прибалтики в Приильменье.

«Славянские» наречия на общеславянском фоне

Все языки и наречия, на которых говорят или говорили славянские народы и племена, называвшие себя «славянами», объединяет одна характерная черта: они являются своего рода «белыми воронами» в своих языковых группах.

Особенности языка новгородских берестяных грамот вызвали к жизни теорию западнославянского происхождения древненовгородского диалекта, который лишь впоследствии, после потери Новгородом независимости, вошёл в состав восточнославянской группы (русский, украинский и белорусский языки) (критика у В.Б. Крысько, 1998).

Многочисленные схождения среднесловацкого диалекта с южнославянскими языками (отсутствующие в западнословацких и восточнословацких) дали жизнь теории южнославянского происхождения словацкого языка и об относительно позднем его вхождении в состав западнославянской группы (Смирнов, 1989, с. 248).

Словенский язык образует тесные связи с западнославянской группой, в первую очередь со словацким (Иванов, Ронин, 1989, с. 178). Исследователи, в частности И. Попович, утверждали, что словенский язык некогда являлся западнославянским языком, втянувшимся в сферу южнославянского влияния (Куркина, 1993, с. 38).

На основании сплошного исследования лексики О.Н. Трубачёв сделал вывод о «вторичной окцидентализации лужицких языков» (Трубачёв, 1963, с. 391–392). С точки зрения современной славянской лингвистической географии лужицкие языки (очень рано делившиеся на два сильно между собой отличающихся диалекта) можно рассматривать как периферийную группу, лишь постепенно, благодаря вхождению в языковой союз с полабским и другими лехитскими диалектами, втянувшуюся в западнославянскую языковую общность и усвоившую черты, объединяющие её с лехитскими языками (Иванов, Ронин, 1989, с. 314).

Как видим, среди всех славянских языков «проблемными» в смысле принадлежности к своей языковой группе являются исключительно те, чьи носители использовали в качестве «племенного» названия имя славян.

Теории западнославянского происхождения новгородцев (восточнославянская группа), южнославянского происхождения словаков (западнославянская группа), западнославянского происхождения словенцев (южнославянская группа) подверглись справедливой критике. Из этого следует, что характерные черты перечисленных языков нужно объяснять как-то иначе. На мой взгляд, эти особенности следует в некоторой степени считать наследием «племенного» диалекта собственно «славян», на котором они говорили накануне распада своего «племени» на отдельные части.

Не будучи лингвистом и отдавая себе отчёт, что полноценную оценку здесь может дать только специалист, отмечу ряд черт связывающих между собой языки собственно «славян».

Во-первых, речь идёт о «диссимилиативном рефлексе» праславянских групп согласных $*dl/*tl > gl, kl$, альтернативно – в виде рефлекса l (известно в новгородском, нижнелужицком и среднесловацком диалектах) (Шустер-Шевц, 1998, с. 8).

Во-вторых, исследования А.А. Зализняка выявили в новгородском диалекте ряд особенностей, сближающих его с западнославянскими языками (особенно с северолехитскими [словинский язык. – С.Н.] и словенским (Зализняк, 1984, с. 151). В частности, можно назвать такие словенско-новгородские схождения, как глагол «рути, рубеть» (откуда «рубез») – словенское *rúbiti* «описывать имущество, накладывать арест», славянское заимствование ($*rub-$) из германского, нем. *rauben* «грабить» (Там же, с. 110).

Из фонетических схождений сюда относятся наличие двух типов звука «о»: закрытого и открытого, окончание $*-oga$ в род. пад. ед. ч., местоимения $*tebě, *sebě$ с огласовкой на $-e-$, притяжательные местоимения на $-ии-$ от основ на $-к-, -г-, -х-$ с устранением первой палатализации по типу Настькин-, Лукин-, Михин- и пр. (Зализняк, 1988, с. 169, 174; Куркина, 1992, с. 39). Две последние изоглоссы объединяют со словенским и «новгородским» также словацкий язык.

В-третьих, наблюдения над материалом славянской акцентологии. Выделено три группы славянских диалектов, каждая из которых характеризуется специфическим набором акцентных инноваций (поздне) праславянского времени, генетический (а не типологический) характер

которых может считаться доказанным. III «словенская» группа объединяет в числе прочих словенские, кайкавские, словинско-поморские, словацкие и ильменско-словенские говоры, причём внутри этой группы прослеживаются особые связи между частью словенских и кайкавских говоров с лехитскими поморскими (словинскими) говорами (Дыбо, Замятина, Николаев, 1990, с. 65–66, 74–75, 87, 156–159).

В-четвёртых, лексико-этнографический материал. Хорватский исследователь М. Гавацци (Gavazzi, 1960) говорит об особом «западнопаннонском поясе», охватывающем северо-западную часть южных славян (словенцы, хорваты-кайкавцы) и южную часть западных славян (чехи, мораване, словаки). У перечисленных народов есть целый ряд общих лексем – апеллативов и топонимов, общих обычаев и элементов материальной культуры, которые, как правило, противопоставлены центральному штокавскому ареалу на Балканах (Толстой, III, с. 26–27). Речь идёт о списке из 15 лексем, среди которых топонимы Pleso, Ples, Plesmo, Turovorolje, Turopolje; игра «мост», обычай бросать венки в воду на Ивана Купалу, прыгать, чтобы рос лён, и т. п. Любопытно, что почти все характерные западнопаннонские черты хорошо известны на Руси. Сюда относятся лексемы «перелог», «сметана», «кичка», «онучи», «рубашка», «ссать (мочиться)», «дуда» (не волынка с мехом, а дудка, свирель), топонимы Плёс, Турово (поле), игра в «ворота», соответствующая западнопаннонскому «мосту», обычай прыгать и т. п. (Толстой, I, с. 269).

В-пятых, особые связи древненовгородского диалекта с «западнославянскими (особенно севернолехитскими) и/или южнославянскими (особенно со словенским)» языками (Развитие, 1982, с. 226; Зализняк, 1986, с. 217–218).

В целом можно говорить о панноно-славянской общности как первичной (словенский и среднесловацкий) и её северном ответвлении (нижнелужицкий, словинско-кашубский, новгородский) как вторичной. Кроме того, «некоторые данные говорят о том, что в древней Паннонии намечается формирование диалектных различий, в историческое время связываемых с противопоставлением западных и южных славян» (Куркина, 1992, с. 38).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. «Славянами» изначально называлось отдельное славянское «племя», говорившее на

особом славянском наречии. Местом его первоначального проживания было Среднее Подунавье, откуда его отдельные ветви распространились в Полабье, Поморье и Приильменье на севере и в Боснию, Македонию и Болгарию на юге. Лишь с течением времени самоназвание этого «собственно славянского» народа было усвоено другими славянскими племенами, говорящими на славянском языке, но имевшими свои собственные племенные имена в качестве самоназвания. Иными словами, имя славяне возникло и распространилось позже, чем сам славянский язык.

ГЛАВА 4. АНТЫ, ВЯТИЧИ, ВЕНЕТЫ

Славяне и анты

В предыдущей главе сделан вывод, что имя славян изначально было «племенным» названием и лишь позднее усвоено в качестве самоназвания другими племенами, говорившими на одном и том же со «славянами» языке. Скорее всего, понятие «славянский» прежде всего распространилось именно на общий язык. «Повесть временных лет» прямо говорит по этому поводу: «Аще и поляне звахуся, но словенская рѣчь бѣ. Полями же прозваны быше, зане в поле сѣдяху, а языкъ словенски единъ» (ПВЛ, с. 22). При этом собственно племенное самосознание сохранялось: полянин, например, на вопрос – славянин ли он? – скорее всего, ответил бы отрицательно. «Славянами» для него были «славѣне» с озера Ильмень – другое племя, такое же, как вятичи и древляне, несмотря на общий для всех язык.

Впрочем, ещё во времена Прокопия Кесарийского понятие «славянский» ещё не распространялось ни на всех людей, говорящих на этом языке, ни на сам язык. Другими словами эту мысль выразил М.А. Васильев, который наиболее глубоко из всех исследователей проник в сущность этого вопроса. По его мнению, «славяноязычный мир, по крайней мере, до начала VII века включительно не образовывал единой метаэтнической общности с самоназванием *slověne и соответствующей самоидентификацией» (Васильев, 2000, с. 428–429). Пояснить это можно, сравнив между собой описания Прокопием Кесарийским славян и восточных германцев, сделанные на один лад.

«В прежние времена готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды. В прежние времена, правда, они назывались савроматами и метанхленами. Некоторые народы называли эти племена гетами. Все они белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид... Все

они ариане и говорят на одном языке, так называемом готском; и как мне кажется, в древности они были одного племени, но впоследствии стали называться по-разному» (Proc., III, 1, 20; Прокопий, 1993, с. 178).

О «славянах» и антах он сообщает, что «есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильные, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые... Да и имя встарь у славян и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища» (Proc., VII, 14, 26–29; Свод 1, с. 185).

В первом Прокопий прямо говорит о «готских племенах», а их общий язык называет готским. В случае со «славянами» и антами он утверждает, напротив, что общее имя у них было только «встарь», а их общий безымянный язык называет ни «славянским», ни антским, а просто варварским. Если бы последний уже в то время именовался «языкъ словѣньскъ», Прокопий отметил бы это обстоятельство, как это было сделано с «готским языком».

Представление о том, что имя славян сразу возникло как самоназвание всех, кто говорил на славянском языке, довлеет над исследователями, что сильнейшим образом сказывается на решении вопроса о взаимном отношении собственно славян и племени, которое греки называли антами. Писатели VI–VII веков считали славян и антов двумя ветвями одного народа, который в древности назывался спорами или венетами (Иордан, 35; Прокопий, IV, 29). Поскольку анты при этом отличались источниками от собственно «славян», исследователи находят объяснение этому в неславянском происхождении либо самих антов, либо их имени. По этому вопросу существует безбрежная историография, последняя дискуссия по этому поводу состоялась совсем недавно (Грацианский, 2012; Аникин, Иванов, 2014). Все разнообразие мнений можно свести к двум утверждениям: во-первых, славяне никогда не называли себя антами и получили это название от своих соседей; во-вторых, имя анты имеет значение «живущие на украине, пограничные жители».

Согласно последнему утверждению, имя антов возводится к иранскому (или индоарийскому) корню *anta-, обозначающему «конец, край,

внешняя сторона». Поскольку анты по Иордану жили между Днестром и Днепром, предполагают, что от их названия происходит название Украины (Трубачёв, 1999, с. 54–55).

Название этой страны не может иметь к антам никакого отношения: в противном случае мы вынуждены будем расселить их не только на шевченковской «Украине милой», но и по всем многочисленным «украинам» Московского государства XV–XVII веков, в том числе и «во Сибирской во украине, во Даурской стороне» (Древние российские стихотворенья собранные Киршою Даниловым). Кроме этого, можно определённо утверждать, что хорошо известный в индоевропейских языках корень «ант» (латинское *ante*, английское *end*) никогда не использовался в качестве обозначения пограничной области или «украины».

Для этого был другой корень – «марг», от которого происходят латинское *margo* «межа, граница», старинные немецкие и английские названия границы *die Mark* и *the March*, иранское *Марга* (область города Мерва на реке Мургаб в современной Туркмении, античная Маргиана), немецкие и персидские титулы *Markgraf* и *марзабан* «страж границы». Именно этот корень соответствует славянскому понятию «(у)крайна», как, например, в случае области Крайны (Словения) – бывшей *Windische Mark* – «славянской марки» или польской Краины на границе Поморья и Великой Польши – бывшей *Neumark* – «Бранденбургской новой марки».

Сторонники «украинного» происхождения имени антов не предъявили ни одного исторически засвидетельствованного названия «границы», образованного от корня «ант». Эта этимология имени антов была бы безупречной, если бы область на границе Англии и Уэльса называлась *the Ends*, а пограничная река на востоке Ирана Антабом. В действительности же существуют только *the Marches* и Мургаб.

Таким образом, любые попытки объяснить имя антов от слов, входящих к индоевропейскому корню «ант», следует отвергнуть в силу исторических соображений, которые перевешивают все лингвистические доводы. По этой же причине нельзя принять связь имени антов с тюркским *ант* – «присяга» или монгольским *анда* – «побратим, друг», согласно которой так назывались славянские союзники или подданные гуннов, поскольку сторонники этой этимологии не представили ни одного исторического примера использования этого имени в качестве

племенного названия. Созвучное название народа ханты не имеет к указанным тюркским и монгольским корням никакого отношения и значит по-угорски «войско, толпа мужей» (венг. had) (Попов, с. 148).

Не более обоснованно и утверждение, что славяне никогда не использовали имя антов в качестве самоназвания (Трубачёв, 2003, с. 98). Дело в том, что, будучи несомненными славянами по языку, анты должны были каким-то образом себя от «славян» в живой речи. Согласно Прокопию Кесарийскому, молодой ант, которого приняли за погибшего стратига Фракии Хильвудия, отрицал это «в правдивой речи, что родом де он сам ант, и, сражаясь (вместе) с соплеменниками против славян, тогда бывших им врагами, попал в плен» (Свод, 1994, с. 181). Лжехильвудий, естественно, говорил эти слова не по-гречески или по-латыни, а на славянском языке. Он просто не смог бы выразить свою мысль, если бы в славянском языке VI века не существовало двух разных славянских этнонимов: один, соответствующий греческому «склавины», и другой – греческому «анты». Первый из них, конечно, есть имя славян, что же касается второго, то его нужно искать среди славянских племенных названий.

В VI – начале VII века половина тогдашнего славянства являлась антами по своей народной принадлежности, Прокопий называет их «бесчисленными племенами» (Прокопий, VIII, 4, 9; Свод, 1994, с. 201), и было бы странно, если их славянское самоназвание, какого бы происхождения оно ни было, бесследно исчезло из славянского языка. Последний раз анты упомянуты Феофилактом Симокаттой под 602 годом, первые перечни восточных славянских племён относятся к IX–X векам («Баварский географ», Константин Багрянородный, хазарский царь Иосиф) – срок по историческим меркам небольшой для полного забвения имени огромного народа.

В самом деле, имена народов живут очень долго, часто переживая своих собственных носителей. Хрестоматийный пример – имя римлян, которое перешло с латинского народа на византийских греков, а с тех – даже на османских турок, которых на мусульманском Востоке в XVI–XVII веках звали не иначе как «римлянами» (рум). Племя кривичей последний раз упоминается в русской летописи в XII веке, но для латышской Россия до сих пор является «страной кривичей» (Krivija). Готы ушли из Восточной Европы в конце IV века, но предки литовцев перенесли

это имя на своих юго-восточных соседей-славян, и вплоть до недавнего времени народным названием русских в литовском языке было слово *gudai* – «готы». Созвучные слову «анты» (греч. Ἄνται) имена известны как среди славянских племенных названий, так и среди обозначений, которые давали славянам их соседи. Речь идёт о летописных вятичах и о германском названии славян «венды» (нем. *Wenden, windische*).

Анты и венеты

Германское название славян восходит к древнему племенному названию, известному ещё Геродоту и разбросанному по разным частям Европы от Бретани на западе до малоазийской Пафлагонии на востоке, от Адриатики на юге и до Восточной Европы, где их помещают Плиний, Тацит и Птолемей, – на севере. Каким образом оно было перенесено на славян – отдельный вопрос, но то, что исторические славяне были прямыми потомками восточноевропейских венетов начала эры, свидетельствует Иордан. «У левого их [«скалистых Альп», то есть Карпат] склона, спускающегося к северу, от места рождения реки Вислы (*Vistula*) на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются славянами и антами» (Иордан, 34–37; Иордан, 1997, с. 107).

Вопрос о взаимном соотношении этих трёх имён сильно запутало замысловатое высказывание того же автора: «Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – а именно при перечислении племен, – происходят из одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, славян. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха» (Свод). Буквальный перевод латинского *tria hunc nomina ediderunt id est Venethi Antes Sclaveni* «исторгли (испустили, издали, произвели) три имени, то есть венеты, анты, славяне» требует толкования.

Поскольку современное славянство делятся на три ветви: южных, западных и восточных, многие исследователи соблазняются возможностью возводить такое деление и уже к VI веку переводят *tria hunc nomina ediderunt* как «породили три народа» (Свод, 1994, с. 111). Вопрос о том,

какой перевод является правильным, нельзя решить средствами одной словесности, это позволяют сделать только доступные нам исторические источники. Дело заключается в том, что все они делят славян только на два племени: антов и собственно «славян» – никакой третьей ветви славян не знают.

С этим согласны и свидетельства языкознания, согласно которым деление славян на три ветви – достаточно позднее явление и первоначальным было деление славян на две ветви (Хабургаев, с. 103), которое хорошо прослеживается на примерах словацкого (Габовштяк, 1981) и сербо-лужицкого языка (Schuster-Šewc, 1998).

Скорее всего, единственное в своём роде замечание Иордана о трёх именах (*tria... nomina*) славян связано с племенным происхождением готского историка. Будучи германцем по языку, он, несомненно, знал германское обозначение славян «венды», совершенно неведомое другим византийским писателям, которым славяне были известны только под двумя именами «славян» и антов.

В правление готского короля Германариха венеты были разбиты (Иордан, 119) и подчинились готской державе, которая рухнула в конце IV столетия под натиском гуннов. Правда, новый готский король Винитарий, «понемногу освобождаясь» из-под власти гуннов, «двинул свое войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побеждён, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля Боза (*regemque eorum Boz*) с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами (*primatibus*)» (Иордан, 248; Иордан, 1997, с. 113–115).

Память об этой победе сохранялась у крымских готов ещё в XII веке. После поражения русского войска «снесся хула на хвалу... Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово» (Салмина, с. 242–245).

По мнению лингвистов, слово *Boz* восходит к праславянскому *vodjъ «вождь» (Иордан, 1997, с. 159–160). С другой стороны, имя Винитарий (*Vinithario*) – не личное имя, а прозвище, полученное за победу над антами. Обычно в нём видят двукоренное слово *vinīþ-arija, «победитель» или даже «потрошитель вендов» (Там же, с. 146–147; Трубачёв, 2003, с. 98). На самом деле оно объясняется проще – это обычное германское племенное имя с суффиксом «-(w)ari», подобное имени *Waioarii* – «бавары»

(Житие святого Колумбана), Beheimare – «чехи» и Marharii – «мораване» («Баварский географ»), Vidivarii «прусы» (Иордан, 96; с. 80, 138), Ruzari – «русские» и Tenimarkari – «датчане», Romari – «римлянин, der Romer» (Назаренко, с. 15) и означающее собственно «славянин». В современном немецком языке прозвище Винитария выглядело бы как der Wender.

Оно имеет тот же смысл, что и русское слово «кавказец» – русский солдат XIX столетия, сражавшийся с кавказскими горцами, или выражение «воин-афганец» конца прошлого века, иными словами готский король получил прозвище по имени своих противников. Сын самого Винитария носил имя Вандилиария-Вандалария, то есть «вандала» (Иордан, 79–80; с. 76). Это был дед знаменитого Теодориха Великого.

Известно, что вплоть до недавнего времени немецкое слово Wenden или Winden соответствовало славянскому «славяне». Между тем своё прозвище Винитарий получил за победу не над «славянами», а над антами, которые вплоть до начала VII века представляли собой отдельный от собственно «славян» (склавинов) народ. Составленная около середины VII века «Франкская космография» всё ещё смотрит на «славян» и винидов как на два разных племени (Свод, 1995, с. 399):

Дунай долго течёт среди великих народов,
огромная река, она даёт пастбища славянам (Sclavis),
протекает через гуннов (Chunis) и насыщает винидов (Winidisque).

Имя антов последний раз встречается в источниках в 612 году в почётном титуле императора Ираклия. Едва ли за одно-два поколения после похода аварского воеводы Апсиха против антов 602 года анты могли полностью раствориться в «славянах». Поэтому пара «славяне» – виниды «Франкской космографии» соответствует паре «славяне» – анты византийских источников VI века.

Таким образом, германское слово «венд», как и готское *viniþ-arja или *viniþ, первоначально означало «ант», а не «славянин». Поскольку германское название происходит от имени венетов, мы можем определённо заключить, что венеты Плиния, Тацита и Птолемея являются прямыми предками антов и только позднее имя венетов (вендов) было перенесено на другой народ – на собственно «славян». Первым примером такого рода следует считать «Хронику Фредегара», где упомянуты

«славяне называемые винедами» (Sclavi coinomento Winedi) в отличие от «народа сербов, которые были из рода славян» (Свод, 1995, с. 367).

АНТЫ И ВЯТИЧИ

Как было сказано выше, единственным славянским племенным именем, которое можно связать с антами, является название племени вятичей, образованное от праславянского *vętitji – «вятичи». Передача беглого начального придыханием вполне соответствует духу греческого языка, в котором название адриатических венетов (лат. Veneti) передаётся как Ἐνέτοι у Геродота (V, 5), а также одновременным употреблением Βενέτικοι и Ἐνέτικοι у Константина Багрянородного (1991, с. 484, 491).

Сомнения вызывает передача славянского звука *ę (буква Ѧ «юс малый») греческим αν, хотя многие известные языковеды не видят здесь особых затруднений. Другие исследователи педантично настаивают, что в таком случае либо греческое слово выглядело бы не ἄνται, а ἔνται, либо славянское племенное название звучало бы не «вятичи», а «утичи» (Ųtitji, жтичи) с «большим юсом» (подробнее см.: Грацианский, 2012). Поскольку вопрос нельзя однозначно решить силами языкознания, нужно обратиться к свидетельствам истории.

Племенное имя вятичей удивительным образом совпадает с именем реки Вятки и народным названием жителей Вятской губернии и современной Кировской области. Разумеется, наивно было бы считать русское население Вятки потомками летописных вятичей, поскольку хорошо известно, что первые русские города на Вятке были основаны новгородцами. Помимо прочего об этом говорит и татарское название Вятки – Нукрат, то есть «новгородская река». Иными словами, кировские «вятичи» являются потомками совсем другого летописного племени – собственно «славян» с озера Ильмень.

Название реки Вятки не объясняется из удмуртского языка. Обычно его сравнивают с именем реки Венты в Прибалтике. Последнее тоже не поддаётся однозначному истолкованию. Во всяком случае, оно связано с названием племени венедов (vindi) из «Хроники Генриха Латвийского» (XIII век), которое позднее переселилось к северу от Западной Двины, где на месте их города был основан орденский замок Венден. Ещё Птолемей

(II век) писал: «А занимают Сарматию очень большие народы – венеды вдоль всего Венедского залива [Сарматского океана]...» (Птолемей, III, 5, 7; Свод, 1994, с. 51).

Венедский залив, скорее всего, обозначал собой собственно Балтику без Ботнического и Финского заливов. На карте, прилагаемой к сочинению Птолемея, надпись «венеты» тянется от Вислы до реки Хесин, впадающей в Сарматский океан. Между Вислой и Хесином указаны реки Хрон, Рудон и Турунта, причём последняя, как и Хесин, впадает в Сарматский океан. Только четыре реки, впадающие в Балтику севернее Вислы, заслуживают этого названия. Это Неман, называвшийся Хроном ещё в XVI веке (Щукин, 1997, с. 127), Двина, Нарва (с Чудским озером и Великой) и Нева (с Волховом и Лугой). Две последних реки впадают в обособленный от остального моря Финский залив, поэтому Венедским заливом следует считать только ту часть моря, в которую впадают Висла, Неман и Двина.

В настоящее время мало кто сомневается в славянской (или балто-славянской, как у сторонников теории балтского отца – славянского сына) принадлежности восточноевропейских венетов. Тем более любопытно, что следы этого самого населения обнаружены на берегах Вятки. В восточных финско-угорских языках В.В. Напольских выявил ряд заимствований, источником которых послужил некий язык «близкий (и лингвистически, и, очевидно, по месту его первоначального формирования) к праславянскому, но не идентичный ему. Можно было бы, вероятно, говорить просто о “балто-славянском” или даже “балтском” диалекте, исходя из принимаемой мною в общем гипотезы о праславянском как периферийном члене макробалтского языкового континуума, однако было важно указать не просто балто-славянскую принадлежность данного языка, но и его специальную близость к праславянскому» (Напольских, 2006, с. 16–17, рис. 1).

Носителями этого языка были племена, известные по памятникам именьковской археологической культуры V–VII веков. В настоящее время считается, что именьковская культура возникла в ходе очередной волны переселений с юго-запада, из областей, занятых черняховской культурой (Матвева, 2003; Сташенков, 2006). Причиной стал, вероятно, разгром готского государства в Северном Причерноморье гуннами.

Пришельцы обосновались преимущественно при слиянии Волги и Камы, но связанные с ними памятники появляются ещё далее к северу и востоку в глубине областей, занятых местным населением. Достаточно сказать, что им принадлежит азелинский могильник, давший название одноимённой культуре предков удмуртов (Голдина, с. 252–259).

Судя по предметам вооружения, найденным в могильниках переселенцев, они стали ведущей силой в Волго-Камской области. В целом границы именьковской культуры совпадают с границами позднейшей Волжской Болгарии и Казанского царства. Надо полагать, что «именьковцы» стали в отношении к туземному населению в то же главенствующее положение, что и позднейшие болгары и казанские татары.

Считается, что появление болгар после разгрома их хазарами в Приазовье в конце VII века привело к исчезновению именьковской культуры. Поскольку следов разгрома на именьковских поселениях не обнаружено, можно предположить, что они уступили свои земли болгарам по договору и переселились на новое место, подобно тому как лангобарды передали Паннонию аварам в 568 году и удалились в Италию. Преемниками именьковской культуры считается волынцевская культура на Левобережье Днепра, сложившаяся к середине VIII века (Седов, 1995, с. 192).

Сходство между именьковской и волынцевской посудой было замечено уже давно. Правда, в то время из-за недостаточно разработанной хронологии именьковские памятники считались более поздними, чем волынцевские, и предполагалось, что волынцевское население переселилось с Днепра на Волгу и участвовало в образовании Волжской Болгарии (Смирнов, 1962, с. 167). Сейчас стало ясно, что переселение шло в противоположном направлении, но общий вывод остался неизменным – именьковская культура V–VII веков и волынцевская культура VIII века принадлежали одному и тому же населению (Седов, 1995, с. 193–195). Поскольку славянство волынцевской культуры признано сейчас подавляющим большинством археологов, можно поставить вопрос: к какому летописному племени оно принадлежит?

Накануне образования Руси Днепровское левобережье принадлежало северянам, оставившим памятники роменской культуры IX–XI веков. Роменская культура резко отличается от волынцевской. Считается, что

её происхождение связано с памятниками луки-райковецкой культуры, распространившимися с противоположной (правой) стороны Днепра (Седов, 1982, с. 136–137). Пришельцы принесли на Левобережье ранее неизвестный здесь курганный обряд погребения (Седов, 1995, с. 200). На этом основании мы должны исключить северян из числа носителей волынцевской и именьковской культур.

Кроме северян, нам известно ещё два летописных славянских племени к востоку от Днепра: радимичи и вятичи. Область их расселения известна по находкам женских височных колец: семилопастных – у вятичей и семилучевых – у радимичей (Седов, 1982, с. 149, карта 23, с. 153, карта 24). Согласно «Повести временных лет», «радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясъхъ, – Радим, а другой Вятко, – и пришедъша съдоста Радимъ по Съюю, и прозвашася радимичи, а Вятъко съде съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи» (ПВЛ, с. 14) и сходство женских украшений подтверждает «братство» этих славянских племён.

Поскольку ляхами на Руси называли современных поляков, неоднократно предпринимались попытки найти область первоначального расселения этих двух племён. Татищев, например, выводил радимичей из польского города Радома, область первоначального расселения радимичей пытались найти на верхнем Днестре (Седов, 1982, с. 157). По моему мнению, приход радимичей и вятичей с запада маловероятен, и вот почему.

Во-первых, славянское переселение шло с востока на запад, то есть с Правобережной Украины в Польшу. Сомнительно, что вятичи и радимичи двигались «против течения». Во-вторых, Польшу заселили славянские племена пражской культуры, чьи племенные названия преимущественно оканчивались на «-яне»: поляне, мазовшане, поморяне, висляне, воляняне. Вятичи и кривичи принадлежат к другой группе славянских племён, расселявшихся преимущественно на юг, в восточную часть Балканского полуострова. Их племенные названия оканчивались на «-ичи», и своё происхождение они вели от памятников киевской культуры III–V веков.

Славянская принадлежность киевской культуры, на мой взгляд, убедительно обоснована в работе Фурасьева и Обломского (2007). Если мы посмотрим на карту распространения раннеславянских древностей

V–VII веков, чьё происхождение так или иначе связано с киевскими древностями, то мы увидим ряд культур, чья область распространения удивительно совпадает с расселением ряда летописных племен (Там же, с. 10, карта 11). С кривичами можно связать культуру псковских длинных курганов, с дреговичами – тушемлинско-банцеровскую культуру, с радимичами – колочинскую.

Сложнее обстоит дело с пеньковской культурой, которая также ведёт происхождение от киевской. Долгое время эту культуру вообще не считали славянской, но после работы В.В. Седова (1979) в археологии утвердилось мнение о том, что она принадлежит антам. Главным доводом является совпадение области распространения пеньковских древностей с расселением антов. Согласно Иордану, анты «распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понт образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстоянии многих переходов» (Иордан, 34–37; с. 107). Однако расширение круга письменных свидетельств показывает, что анты просто не помещаются в узких рамках пеньковской культуры.

Прокопий Кесарийский пишет, что за сагинами, для устрашения которых «выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт (Пицунду)... осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия [букв. «Хорезм», ср. летописных «хвалисов»]; прибрежную её часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого Меотийского болота и до реки Танаиса, который впадает в болото. Само это Болото вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов... за Меотийским болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, занимают гунны-кутригуры» (Прокопий, VIII, 4).

В указанном отрывке границей между кутригурами и утригурами указан Дон, и, хотя рубеж между двумя племенами, вероятно, лежал несколько западнее: в понятиях XVII–XVIII веков кутригурам соответствовало Крымское ханство, а утигурам – Войско Донское (а ранее – Большая Орда), живущие к северу от утигуров «бесчисленные племена антов» нельзя связать с пеньковской культурой. Её памятники лежат западнее, к северу от земли кутригуров.

Пеньковская культура лежит в лесостепи, её поселения лепятся по берегам рек, и, если опять прибегнуть к сравнениям с XVII–XVIII веками, это славянское население вело тот же самый образ жизни, что и украинское казачество: это степняки, хотя и не кочевники, а оседлые земледельцы. В степи и днепровских плавнях, однако, нельзя приобрести навыков горной войны. Как рассказывает Прокопий, во время войны с готами италийский сенатор Туллиан, вооружив своих крестьян, стерёт от готов горный проход в Луканию. Кроме того, у него было «300 антов... ведь эти варвары искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях» (Прокопий, VII, 22, 3; Свод, 1994, с. 187).

Прокопий подчёркивает, что король Тотила решил, «что посылать на это дело готов бесполезно», и направил против Туллиана «толпу крестьян». Очевидно, что «толпа крестьян» превосходила готов с Паданской равнины именно умением биться в «теснинах», но, несмотря на это, «анты, благодаря своей доблести, так как к тому же им благоприятствовала гористость места, вместе с крестьянами Туллиана обратили врагов в бегство, произведя большое избиение» (Прокопий, VII, 22, 5).

Ясно, что эти анты не могли быть выходцами из области пеньковских древностей. Поэтому нужно сделать вывод, что существовали и другие анты, помимо «пеньковских», а сама эта культура принадлежала какому-то отдельному антскому племени. Поскольку летописные племена существовали уже в VI веке, – дреговичи участвовали в первой осаде Фессалоники, – мы можем связать пеньковскую культуру только с племенем уличей, которое в начале X века жило где-то на Днестре южнее Киева (Седов, 1982, с. 131).

Таким образом, все жившие на Руси летописные племена с названиями, оканчивающимися на «-ичи», за исключением вятичей, находят своё археологическое соответствие в археологических культурах V–VII веках, чьи корни находятся в киевских древностях предшествующего времени. Что касается вятичей, в указанное время, в V–VII веках, на их будущих землях по верхней Оке располагалась мощинско-позднетьяковская культура. Культура этих племён резко отличается от славянской, их происхождение никак не связано с киевскими памятниками (Гавритухин, 2009, с. 18). Считается, что это была летописная голядь, которая позднее была оттеснена вятичами на север и остатки которой жили в верховьях Про-

твы ещё в XII веке. Иордан упоминает «колдов» (Coldas) среди «северных народов», подчинённых в IV веке готским царём Германарихом. Таким образом, мы должны искать предков летописных вятичей за пределами их расселения в древнерусское время.

Среди культур V–VII веков происхождения в Восточной Европе, которые ведут своё происхождение от киевских и предшествовавших ей зарубинецких памятников, с вятичами можно связать только именьковскую. Помимо общих соображений, что эта единственная «свободная» культура, имеется возможность связать её с древностями исторических вятичей IX–XI веков. Именьковская культура прекратила своё существование в конце VII века. Причиной этому стало вторжение болгарских племён, создавших здесь своё государство. Исчезновение именьковской культуры на средней Волге совпало с появлением на Левобережье Днепра волынцевской культуры VIII века, принадлежавшей потомкам именьковского населения.

Появление новых памятников привело к исчезновению ранее существовавших культур: пеньковской, колочинской и мощинской. О судьбе мощинских племён мы уже говорили выше: голядь была оттеснена в верховья Протвы. Пеньковская культура исчезла на левом берегу Днепра, а на противоположной стороне реки она была поглощена поздним вариантом пражской культуры – памятниками луки-райковецкой, общими для всех славянских племён, населявших Правобережную Украину.

Исчезновение принадлежавшей уличам пеньковской культуры нельзя не связать с внезапным появлением в VIII веке на другом конце славянского мира, в низовьях Одры так называемой фельдбергской культуры. Все исследователи признают её носителями племя вильцев-лютичей или велетов (Седов, 1995, с. 51). В главе 1 мы говорили, что летописные уличи и лутичи были частями одного племени. Имя лютичей, оканчивающееся на «-ичи», смотрится чуждым в окружении польских западных славянских племён, чьи имена оканчиваются в основном на «-яне». То же самое можно сказать о западных соседях лютичей ободритах, чьё славянское имя, вероятно, тоже оканчивалось на «-ичи» (лат. -iti).

В главе 1 мы доказывали, что придунайские ободриты-преденеценты были не кем иными, как летописными бродниками и тиверцами. Веро-

ятно, бурные перемены конца VII века, связанные с вторжением хазар, привели не только к возникновению болгарских государств на нижнем Дунае и Волге и созданию позднеаварской культуры в Карпатской котловине, но и вызвали вторую волну славянских переселений на запад. Она состояла из летописных уличей и тиверцев, объединённых в «Повести временных лет» именем «великая скуфь».

После падения пеньковской культуры на рубеже VII–VIII веков часть этих племен переселились на запад, где стали известны под именами вельцев-велетов и ободритов. В «Хронике Винцентия Кадлубека» рассказывается о победе поляков над датчанами, которых они обложили данью и в знак покорности заставили носить женскую одежду (Гильфердинг, 2013, с. 114). В историческое время, которое начинается с конца VIII века, когда Карл Великий совершил поход за Лабу, нам неизвестно о каких-либо славянских и тем более польских завоеваниях в Дании. Скорее всего, польские хроники сохранили смутную память о вторжении лютичей и ободритов в германские земли на рубеже VII–VIII веков.

Лютичи были самым воинственным и неукротимым славянским племенем, враждовавшим не только с немцами, которым они нанесли сокрушительные поражения в 983 и 1056 годах, но и со всеми окружающими славянскими племенами, в первую очередь с полянами и поморянами. Эту вражду можно объяснить только поздним приходом лютичей в Полабье, где они представляли собой чуждеродный осколок группы племён на «-ичи», заброшенный среди местных племён с именами на «-яне».

Исчезновение пеньковской и мощинской культур, связанное с уходом уличей и голяди, привело к тому, что в VIII столетии на левом берегу Днепра остались только две славянские культуры: преобладающая волынцевская и существенно сократившаяся в своей восточной части колочинская (Седов, 1995, с. 188). Поскольку в западной части бывшего сохранившегося колочинского ареала в IX–X веках жили летописные радимичи, мы должны признать население волынцевской культуры на Сейме, Десне, верхней Оке и Дону вятичами. Два оставшихся в Днепровском левобережье славянских племени: вятичи и радимичи, судя по всему, поддерживали дружеские отношения. Об этом свидетельству-

ют и «Повесть временных лет», которая считает их потомками двоих родных братьев «от ляхов», и единый «семиконечный» стиль женских височных колец.

Когда на рубеже VIII–IX веков волынцевская культура исчезла, большая часть её земель по Десне и Сейму была занята выходцами с Правобережья Днепра – северянами, которые принесли на Левобережье чуждую волынцевским древностям роменскую культуру, имеющую корни в культуре луки-райковецкой. Из всех земель, принадлежавших волынцевскому населению, только верховья Оки оказались за пределами распространения новой культуры. Именно там летопись и помещает летописных вятичей, в которых можно видеть сохранившихся потомков волынцевского населения. Итак, летописное племя вятичей с верхней Оки ведёт своё происхождение от населения волынцевской культуры Днепровского левобережья VIII века, которая в свою очередь происходит от именьковской культуры Поволжья V–VII веков. Это обстоятельство позволяет совершенно по-другому воспринимать «вятские» названия, сохранившиеся в бывших именьковских землях.

В первую очередь речь идёт о необъяснимом на финской почве названии реки Вятки. Поскольку оно родственно названию прибалтийской Венты, названной по имени венетов, можно предположить, что и Вятка получила своё имя от названия племени, а именно от «именьковского» населения. На это указывает в первую очередь старинное мордовское название чувашей.

Собственное самоназвание чувашей происходит от имени гуннского племени савиров, обитавшего в VI веке в современной Калмыкии. Русские летописи упоминают в Волжской Болгарии три города: Болгар (Великий город), Сувар и Ошел. Вероятно, это были столицы трёх племён, из которых состояли волжские болгары: собственно «болгар», савиров и третьего племени, известного под названием «эсекел» (Мишин, с. 32). Часть «изгилей» переселилась на запад и стала предками трансильванских сёкеев (székely).

Мордовским названием чувашей было слово «ветьке», «ведень». Венгерский монах Юлиан и «Повести о погибели земли Русской» знает их под названием Ведин и веда (Белых, Напольских, с. 278). Будущие земли чувашей между Сурой и Волгой были заняты в V–VII веках именьковски-

ми племенами, и вероятно, что имя «ветьке» было перенесено мордвой на чувашей с предшествовавшего «вятичского» населения.

Имя удмуртов не поддаётся объяснению на удмуртской или финно-угорской почве. Если вторая часть легко выводится из иранского «мард» – «мужчина, человек», то первая представляет собой совершенную загадку. Попытки перевести имя удмуртов как «луговых» или «лесных людей» нельзя считать неудовлетворительными (Народы Поволжья и Приуралья, 1985, с. 75). Бóльшие возможности для увязки с письменными и археологическими источниками представляет собой этимология, предложенная лингвистами Белых и Напольских. Любопытно, что это уже знакомые нам по вопросу о происхождении имени антов арийский корень *ant/and* «крайний, наружный, лежащий напротив и пр.» и тюрко-монгольский корень *ant/and* «клятва, присяга» (Белых, Напольских, 1994, с. 284–285). Иными словами, предполагают, что эти иноязычные названия были перенесены на часть финноязычного населения их кочевыми соседями.

Как говорилось выше, вероятность такого переноса ничтожно мала, но ценность этимологии Белых и Напольских состоит в том, что она указывает на тождество имен антов и удмуртов. Последнее представляет собой не что иное, как усвоенное местным финским населением славянское самоназвание носителей имениковской культуры, чьими прямыми потомками были летописные вятичи. Имя вятичей происходит от имени венетов. Последнее имя первоначально обозначало не собственно «славян», а антов. Очевидно, что имениковцы и были теми самыми «бесчисленными племенами антов» к северу от утригуров, проживавших на восточном берегу Танаиса.

Все вышеизложенное следует подытожить следующим образом. Древнейшая форма имени удмуртов-вотяков *odo (из более раннего *onto) *mort* происходит от названия антских племён IV–VII веков. Оно было заимствовано местным финноязычным населением от носителей имениковской культуры – прямых предков летописных вятичей. Это заимствование не могло произойти ранее образования имениковской культуры в V веке, поскольку имя удмуртов отсутствует в списке «северных народов», покорённых готским царём Германарихом в IV веке, где упомянуты чудь, весь, меря и мордва (Иордан, 116; с. 83). Как фин-

но-пермское *onto-mort «удмурты», так и славянское *vętitji «вятичи» восходит к славянскому самоназванию антов, которое можно реконструировать в виде *vęťě «вѣть», **vęťьskъ(jь)* «вѣтьск(ий)».

Первоначальное деление славянства на «славянскую» и «вятскую» ветви находит соответствие и в «Повести временных лет», с её делением славянских племён на две части: тех, кто «от словѣнь», и тех, кто «от ляховъ». Ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между летописными «ляхами» и Польшей, вернее объединением западных славянских племён, созданных «польскими» (то есть возглавлявшими племя полян) князьями Мешко и Болеславом на рубеже X–XI веков. Названные в числе «ляхов» лютичи никогда не подчинялись полякам. Найти какие-либо следы прихода вятичей и радимичей из Польши также не удаётся – скорее всего, его и не было, так как сама Польша заселялась славянами с востока. Остаётся только предположить, что противопоставление «славян» и «ляхов» в русской летописи является смутным отголоском первоначального деления славянского мира на собственно «славян» и антов.

ГЛАВА 5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие «пражская культура» вплоть ещё в 70-х годах было синонимом понятия «культура ранних славян». Несмотря на то что в настоящее время доказано славянство целого ряда других одновременных раннеславянских культур, пражская культура V–VII веков н. э. считается образцом славянских древностей. В последующие столетия она поглотила родственные группы памятников и легла в основу культуры славянских народов VIII–X веков к северу от Карпат.

Своё название пражская культура получила от лепной посуды, выделенной чешским археологом И. Борковским среди прочей ранне-средневековой керамики в коллекции пражского музея накануне войны. Стройные, без всяких следов обработки на гончарном круге горшки с расширением в верхней части были древнее известной к тому времени гончарной посуды, найденной на раннеславянских городищах VIII–X веков, известной под именем *Burgwallkeramik* или «городищенской». Из-за явного сходства с кельтской керамикой Борковский датировал эту посуду III веком н. э., то есть римским временем (Грацианская, с. 122). В послевоенное время горшки пражского типа были найдены во всех славянских странах к северу от Карпат. На Украине образцовыми пражскими древностями считаются находки, сделанные в Житомирской области, около села Корчак (Седов, 1982, с. 12).

В 1976 году все известные к тому времени памятники были обобщены в классической работе И.Г. Русановой «Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа». В 1979 году вышла в свет работа В.В. Седова «Происхождение и ранняя история славян». Если Русанова считала пражские памятники единственной славянской культурой, то Седов расширил славянские древности древностями типа Пеньковка. По его мнению, раннеславянская посуда делилась на две группы. Первая состояла из классических пражских горшков с расширением в верхней

части, вторая – из пеньковских сосудов с расширением посредине тулова (Седов, 1979, с. 105, рис. 19, с. 120, рис. 22; Седов, 1982, с. 13, карта 2, с. 20, карта 4).

Поскольку понятие «пражская посуда» продолжало оставаться синонимом понятия «славянская посуда», он предложил разделить славянские древности на пражско-корчакскую и пражско-пеньковскую культуры. Дальнейшие исследования выявили славянскую принадлежность и близкородственных пеньковской культуре памятников типа Колочин. Считать эти памятники разновидностями единой пражской культуры не представлялось более возможным: в дальнейшем археологи, включая самого Седова, отказались от употребления сдвоенных названий Прага-Корчак и Прага-Пеньковка. В настоящее время наряду с собственно пражской славянскими признаются целый ряд культур «пражского круга» V–VII веков (Гавритухин, 2009).

Происхождение пражской культуры до сих пор является загадкой. Предшествующие культуры на территории её распространения, такие как пшеворская и черняховская, имеют отчётливый восточногерманский облик, и их приписывают соответственно вандалам и готам. В этой связи возможно два пути поиска корней пражских древностей: либо они пришли в коренную область своего распространения, в Прикарпатье и Волынь, откуда-то со стороны, либо восходят к памятникам местного населения, жившего в этих местах до исторически засвидетельствованного прихода восточных германцев.

По последнему пути идут многие археологи, которые выводят пражскую культуру, и в первую очередь посуду, из некоторых групп пшеворских и черняховских памятников (И.П. Русанова, В.В. Седов, В.Д. Баран). По другому, «третьему» по их терминологии пути идут те, кто пытается вывести пражскую культуру из верхнеднепровских памятников киевского типа III–V веков. Колыбелью пражской культуры они считают Полесье, где располагалось «белое пятно», в котором отсутствовали археологические памятники III–IV веков. По их мнению, были обнаружены древнейшие протопражские памятники («нулевой ступени»), относящиеся ещё к IV веку (М.Б. Щукин, И.О. Гавритухин). Последняя точка после смерти В.В. Седова стала господствующей в отечественном славяноведении.

Происхождение пражской культуры

Впрочем, полесская теория встретила со значительными трудностями, которые можно выразить словами сторонника этой теории А.Г. Фурасьева: «Полесское пятно перестало быть белым, но проблема так и не решена» (Фурасьев, 2009, с. 33), иными словами: малоисследованная область в Полесье, где надеялись обнаружить древнейшие пражские памятники, исследована, но убедительных доказательств зарождения пражской культуры именно здесь так и не обнаружено. Помимо этого, частью археологов подвергается сомнению столь ранняя датировка пражских памятников «нулевой ступени», сделанная без достаточных на то оснований (Расадин, 2008, с. 217–219).

Историку трудно судить о правильности датировки того или иного археологического памятника – это дело специалистов, но вывести пражскую культуру из Полесья не позволяют общеисторические соображения. Эта болотистая и редконаселённая область, чьё население вплоть до мелиоративных работ конца XIX века страдало от колтуна и лихорадки (Нидерле, 2013, с. 286), мало похожа ни на то, что готский историк Иордан называл *vagina populorum*, ни на эпицентр Большого взрыва, из которого вышла людская волна, затопившая восточную половину Европы. Даже если мы предположим, что из Центрального Полесья распространялись не люди как таковые, а определённая культура, трудно понять, почему образ жизни, зародившийся в малярийном захолустье, приобрёл такую силу и притягательность.

Яркий образ полесского жителя XIX века дан в известном стихотворении Н.А. Некрасова «Славная осень! Здоровый ядрёный...» («Железная дорога»):

...Волосом рус,
Видишь, стоит, измождён лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих губах,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах...

Места, подобные Полесью, представляют собой прибежище постепенно умирающей романтической старины (рассказ Куприна «Олеся») –

считать их колыбелью новой жизнеспособной культуры мы не видим никаких оснований.

И всё-таки не в этом заключается главная претензия к подобным взглядам. В образном виде её изложил основатель интернет-портала «Археология.ру» Владимир Ерёмченко: «До сих пор не обнаружено ни единого археологического свидетельства взрывного роста населения на территории “Полесского белого пятна” перед появлением “исторических славян”, заполонивших за считанные десятилетия всю Европу. Остаётся совершенно непонятным, как жители нескольких десятков постзарубинецких хуторов, каждый по 10–20–30 дворов, могли всего за несколько поколений “расплодиться” в миллионные орды исторических славян, и могли ли вообще. Поэтому гипотеза о “белом пятне” пока так и остаётся всего лишь гипотезой – одной из многих... 19 ноября 2012» (https://vk.com/wall-14813293_18729?reply=18733).

Поэтому более предпочтительной кажется точка зрения тех исследователей, которые ищут место зарождения пражской культуры в Прикарпатье (Баран, 1983, 1991). По мнению этих, в первую очередь украинских исследователей, самые ранние древности, характерные для ранних славян, – пражская посуда и землянки с печью-каменкой, – обнаружены на ряде поселений культур черняховской, пшеворской и культуры карпатских курганов в верховьях Днестра и Прута.

Образцовыми являются поселения у села Кодын, на которых прослежено плавное перерастание культуры карпатских курганов III–V веков в пражскую (Русанова, Тимощук, 1984). Нечто подобное происходило и на других поселениях Прикарпатья. Это явление толкуется как подселение славян на поселения местных жителей, которые с течением времени постепенно ославились. По мнению Гавритухина, только переварив запиравшую им дорогу «пробку» в лице этого прикарпатского населения, что заняло по времени около 100 лет, славяне вообще получили возможность дальнейшего продвижения на юг, к Дунаю (Гавритухин, 2009, с. 13). При этом возникает вопрос – откуда прибыли «понаехавшие» славяне?

Украинские археологи видят в них потомков так называемого постзарубинецкого населения, которое рассеялось после разгрома аланами зарубинецкой культуры II века до н. э. – I века н. э. в Среднем

Происхождение пражской культуры

Поднепровье. На основе постзарубинецких памятников I–II веков сложилась гиевская культура (или культурно-историческая общность) III–V веков, из которой, собственно, вырастают все культуры «пражского круга» в Восточной Европе, в том числе и пеньковская, за исключением одной-единственной. Это исключение – сама пражская культура! Как уже говорилось выше, её пытаются связать с киевской культурой через памятники Полесья, но в действительности, за исключением пресловутой «структуры» (бедность погребений, лепная посуда с преобладанием горшков, землянки), между собственно пражской культурой и культурами, восходящими к киевской, нет ничего общего (Фурасьев, 2009, с. 33).

Как уже говорилось, такие исследователи, как Русанова и Седов, видели прообраз классических пражских горшков с расширением в верхней части тулова в керамических формах пшеворской и в погребальных урнах (клёшах) предшествовавшей ей поморской (подклошевой) культуры. В ответ на это указывали, что такая посуда составляет малую часть пшеворского гончарства, кроме того, пшеворская культура в основном является германской по своему облику (Шукин, 1997, с. 116). Можно, конечно, предположить, что население, среди которого эта культура получила своё распространение, состояло из пришлых германцев и подчинённых им местных славян. На это указывает само родственное этнониму «венеты» имя вандалов, которое могло возникнуть как прозвище поселившихся в венетской земле германцев, называвших себя лугиями, асдингами, силингами и другими именами. Даже если это так, всё равно культурный импульс пшеворской культуры был восточногерманским и не мог породить такое, глубоко отличное от германских культур «полей погребений» явление, как пражская культура.

Таким образом, среди известных нам памятников позднееримского времени в Прикарпатье в нашем распоряжении остаётся только одна культура, которая постепенно перерастает в пражскую. Речь идёт о культуре карпатских курганов III–V веков. Главным исследователем этих древностей является украинский археолог Лиана Вакуленко, обобщившая свои многолетние изыскания в книге «Украинские Карпаты в позднееримское время» (2010). В настоящее время известно

35 могильников с более чем 750 курганов, расположенных на правом берегу верхнего течения реки Прут. Курганы сохранились только в лесах, поэтому об истинной области их распространения мы можем только догадываться: возможно, что большая часть невысоких насыпей, расположенных на равнине, были просто распаханы (Вакуленко, 2010, с. 258). Население занималось пашенным земледелием, использовало в быту гончарную и лепную посуду, жило в наземных жилищах и четырёхугольных землянках. Помимо каменных очагов (Грабовцы) и глинобитных печей (Глубокое) жилища отапливались печами-каменками (Кодын II, Гореча I).

При этом следует подчеркнуть, что такая существенная деталь внутреннего убранства жилища, как печь-каменка, в первой половине I-го тысячелетия н. э. известна только на территории культуры карпатских курганов и прилегающих землях Верхнего и Среднего Поднестровья (Чаплыгина, с. 42–43). Во второй половине тысячелетия печи-каменки станут «визитной карточкой» славян, поскольку использовались исключительно в славянском обиходе. Поскольку при этом гончарная посуда культуры карпатских курганов похожа на провинциально-римскую, а лепная – на гето-дакийскую посуду липецких племён, в ней выделяли две составные части: пришлую – славянскую и местную – дако-фракийскую (Этнокультурная карта, 1985, с. 68; Славяне и их соседи, 1993, с. 179–180).

Главной особенностью культуры карпатских курганов, выделяющей её из окружающих древностей, был не имеющий местных корней погребальный обряд – трупосожжение под земляными курганами. Предшествующее гето-дакийское население липецкой культуры, которую приписывают дакийскому племени костобоков, не насыпало кургана над урнами с прахом своих покойников (Чаплыгина, с. 19–36). В черняховской и пшеворской культурах тоже господствовало бескурганное трупосожжение, при этом урны закапывались рядами на так называемых «полях погребений» (Славяне и их соседи, 1993, с. 21).

Впрочем, обряд трупосожжения под курганами использовался в предшествующее время по другую сторону Карпат. В римской Дакии известно несколько курганных могильников II века, в том числе крупнейший из них Кашольц-Кальбор, состоящий более чем из 300 насыпей,

Происхождение пражской культуры

50 из которых были раскопаны (Фёдоров, Полевой, 1973, с. 199–200). Сначала делались попытки связать этот могильник с коренным дакийским населением, но довольно скоро выяснилось, что трансильванские курганы были оставлены переселенцами из Норика и Паннонии. При этом жители Восточной Паннонии селились в Западной Дакии, а жители Норика – по большей части на востоке (в Трансильвании), в сельской местности (История Румынии, с. 54). Погребальный обряд нориков и паннонцев резко отличался от ямных трупосожжений других переселенцев иллирийского и фракийского происхождения. Выделялись они и своеобразной одеждой с пальчатыми фибулами норицко-паннонского типа, и вообще, по сравнению со своими соседями, особенно фракийцами, они выглядят наименее романизованными (История Румынии, с. 75–76).

Провинциально-римское происхождение курганного обряда поставило археологов в тупик, поскольку переселение римского населения за пределы империи исключалось ими а priori. Возникшие трудности решались перебором всех возможных кандидатов среди известных в этих местах по источникам варварских племён. Первоначально это население связывали с дако-фракийцами — карпами или костобоками, но такое отождествление не решало самого главного затруднения – появления неизвестного ранее обряда (Этнокультурная карта, с. 67).

Многолетний исследователь культуры Л.В. Вакуленко в последней своей работе обратилась к курганным захоронениям вельбарской культуры I–II веков типа могильника Ростолты. Вельбарскую культуру принято связывать с готами времён переселения этого племени из Поморья в Причерноморье, где ими было создано варварское королевство, которое оставило после себя памятники провинциально-римской по облику черняховской культуры (Шукин, 2011). Среди черняховских полей погребений встречаются немногочисленные курганные погребения. Поскольку материальная культура курганных курганов очень близка черняховской, – что неудивительно, поскольку обе культуры соседствовали, – археолог пришла к выводу, что карпатские курганы принадлежат восточногерманскому племени тайфалов, которое часто упоминается в источниках вместе с готами (Вакуленко, с. 260).

Едва ли этот вывод соответствует действительности. Вельбарские и черняховские курганы насыпаны из камней и, судя по составу находок, относятся к княжеским могилам. Карпатские курганы, напротив, земляные, и в них похоронены рядовые жители. В классических черняховских древностях в Румынии, таких как известный могильник Сынтана-да-Муреш, курганных погребений нет. Не получается проследить тайфалов и в более позднее время, когда они вместе с готами блуждали по Европе. Германские памятники эпохи переселения народов представляют собой довольно однообразную картину «полей погребений». Приписываемая тайфалам этнографическая особенность в виде курганных погребений германцам того времени совершенно неизвестна.

Напротив, захоронения под курганами, ничем не отличающиеся от карпатских курганов предшествующего времени, появляются в ранних памятниках пражской культуры V–VII веков. Надо отметить, что среди прочих раннеславянских культур курганный обряд отмечается только в пражской (псковские длинные курганы представляют собой совершенно иной вид древностей). В последующее время курганный обряд распространяется по всему славянскому миру к северу от Карпат и наконец в IX–X веках становится господствующим.

Крупнейший знаток славянской археологии В.В. Седов особо указывал, что корни славянского курганного обряда лежат в культуре карпатских курганов (Седов, 1995, с. 16). Такого же мнения придерживалась и крупнейший польский знаток славянских погребений Х. Цоль-Адамикова (1988, с. 88–89). Было бы странным, если бы специфически тайфальский курганный обряд, каким он видится Л.В. Вакуленко, был утрачен ими сразу же после выселения из Прикарпатья и тут же «подхвачен» иноплеменными славянами. Мне кажется, что приведённых доводов более чем достаточно, чтобы отвергнуть тайфальскую принадлежность культуры карпатских курганов.

Получается, что единственным источником возникновения культуры карпатских курганов III–V веков могли быть только трансильванские курганы II–III веков, оставленные римскими колонистами из Норика и Паннонии. Подразумевается, что переселение жителей римской Дакии за пределы провинции маловероятно, поскольку этого не допустили бы власти империи. Впрочем, в середине III века, когда образовалась

Происхождение пражской культуры

культура карпатских курганов, говорить о какой-либо твёрдой власти в Дакии едва ли возможно. После гибели в 235 году императора Александра Севера, убитого паннонскими воинами, Римская империя погрузилась в хаос, известный в историографии под названием «кризиса III века». Дунайские провинции опустошались как нашествием готов, так и карательными походами против «тиранов», возводимых на престол местными войсками.

В 248 году дунайские легионы, недовольные миром, который заключил с нападшими на империю готами царь Филипп Аравитянин (244–249), восстали под руководством наместника Верхней Мёзии Марина Пакатиана. На подавление восстания был послан будущий император Деций. Выбор на него пал потому, что он был уроженцем Паннонии и, кроме того, первым в истории Рима сенатором из дунайских провинций. Деций нашёл общий язык с бунтующими соплеменниками, и Марин Пакатиан (родом галл) был убит. Правда, легионы не отказались от своей цели возобновить войну против готов: Деций сам был провозглашён царем, вторгся в Италию и в сражении под Вероной разбил и убил Филиппа (249 год). В борьбе с готами он был не так счастлив: разбит в решающем сражении и пропал без вести.

Историк Иордан изложил эти события с точки зрения готов. По его мнению, поводом к войне стало обращение римских воинов к готскому царю: «К нему, восставшему [Остроготе] был направлен Филиппом сенатор Деций. Когда он прибыл и ничего не смог поделаться с готами, он распустил своих воинов с военной службы и заставил вести их частную жизнь, как бы за то, что по их небрежности готы перешли Данубий, то есть он перенёс вину на своих и вернулся к Филиппу. Воины же, видя, что после таких трудов они изгнаны с военной службы, возмущённые прибегли к помощи Остроготы, короля готов. Тот принял их и, зажёгшись их речами, вскоре вывел, чтобы начать войну, триста тысяч своих вооружённых людей» (Иордан, 90; с. 78–79). Полагают, что на сторону готов перешла часть мятежных воинов Пакатиана, недовольных Децием. Во время этого похода готы впервые использовали при осаде городов военные машины. Полагают, что их изготовили для готов переметнувшиеся на их стороны римские легионеры (Шукин, 2011, с. 135–136).

После пленения персами императора Валериана в 253 году римские легионы были выведены из провинции: последняя надпись из лагеря V Македонского легиона в Потаиссе датирована 257–258 годами. После 264 года надписи указывают на размещение бывших дакийских войск в Верхней Паннонии и Италии. В 271 году Дакия была оставлена окончательно. Император Аврелиан «провинцию Дакию... оставил после того, как были опустошены весь Иллирик и Мёзия; отчаявшись в том, что он может их вернуть, и выведя римлян из городов и полей Дакии в Среднюю Мёзию, он поселил их и назвал Дакией ту, что ныне разделяет две Мёзии и находится на правой стороне Дуная, текущего в море, тогда как прежде она была на левой стороне» (История Румынии, с. 83).

Очевидно, что в обстановке воцарившегося хаоса, который привёл к потере провинции, римским властям было непросто обеспечить должный надзор над границей. Недовольная действиями «италийских» императоров часть населения Дакии вполне могла беспрепятственно покинуть провинцию и переселиться на другую сторону гор, под защиту дружественных готов. Культура карпатских курганов появилась «не раньше сер. III в.» (Вакуленко, с. 145; Славяне и их соседи, 1993, с. 180). Возможно, что первыми переселенцами, которые принесли в Прикарпатье новый погребальный обряд, были не кто иные, как мятежные воины Марина Пакатиана, искавшие помощи готского царя Остроготы.

Кем в таком случае могло быть население культуры карпатских курганов? Мы уже упоминали, что в нём видят две составные части: местных жителей и подселившихся к ним славян. К кому из них изначально принадлежал курганный обряд? Он не может быть местным по двум причинам. Во-первых, он чужд местному дакийскому погребальному обряду в Прикарпатье. Во-вторых, он чужд населению римской Дакии и по другую сторону Карпат, в Трансильвании, где его можно связать только с колонистами из Норика и Паннонии.

Следовательно, пришлым элементом в культуре карпатских курганов были не столько славяне с печками-каменками, сколько переселенцы из римской Дакии норико-паннонского происхождения с курганным обрядом погребения, который стал отличительной осо-

Происхождение пражской культуры

бенностью новой культуры. Получается, что «подселившиеся» неизвестно откуда к населению культуры карпатских курганов славяне должны были впоследствии ассимилировать не только местное население, но и явившихся из Трансильвании провинциально-римских переселенцев.

Полагаю, что в действительности всё обстояло проще. Население культуры карпатских курганов не настолько велико, чтобы вместить в себе целых три этнических элемента: норико-паннонский (курганы), костобоки (лепная керамика, близкая липецкой) и славянский (землянки с печками-каменками). В нашем случае как нельзя кстати будет совет Оккама «не умножать сущностей», и, если воспользоваться им, мы должны будем признать, что носители культуры карпатских курганов были монолитной этнической общностью. Дакийский характер её следует отставить в первую очередь, и придётся выбирать между норико-паннонцами и славянами.

Сочетание в рамках одной и той же культуры славянского и норико-паннонского населения сразу же заставляет вспомнить о «Повести временных лет», которая отождествляет славян с «нарцами»: «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣньскъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне» (ПВЛ, с. 11). Сообщение летописи подтверждается и «Палеей толковой»: «Отъ Афета же суть рожшиися языци, иже в столпотворение разделены быша: 1. мидои, 2. кападокии, 3. галаты, иже суть кельтеи... 13. норица, иже суть словени» (Хелимский, с. 344). Несмотря на попытку Хелимского представить слова «нарцы, еже суть словене» как искажённое «нарицаемые словѣне», мнение о том, что «нарцы» является славянским названием жителей провинции Норик, выглядит убедительнее.

Если подвести итог вышесказанному, появление образцовой для раннего славянства пражской культуры представляется следующим образом. Источником её возникновения не могли быть ни редкие и невыразительные памятники IV века из «полесского белого пятна», ни восточногерманские по своей сути пшеворские древности. Это не значит, что среди оставившего их населения не было славян. Совсем наоборот: отдельные керамические формы, напоминающие классическую

пражскую керамику, прямо указывают на присутствие праславян среди пшеворцев и жителей Полесья.

Но пшеворская культура в целом была слишком «германской», а «полесская» – слишком слабой, чтобы дать толчок объединению разрозненных «праславянских» элементов на правом берегу Днепра в новую и мощную пражскую культуру. Импульсом соответствующей силы стало появление к северу от Карпат норико-паннонского населения из Дакии, оставившего культуру карпатских курганов (о полнейшем соответствии раннеславянского курганного обряда с норицко-паннонским у Цоль-Адамиковой, 1992). Следями этого толчка вполне могли быть и памятники типа Абидни второй половины III века в Поднепровье, в которых, по утверждению А.Г. Фурасьева, имеются полуземлянки с печками-каменками и посуда «пражского облика» (Фурасьев, 2009, с. 33), и предпражские памятники нулевой ступени в Полесье.

Появление развитого и, главное, дружественного господствующим готам населения из римской Дакии позволило населению Правобережной Украины сплотиться в единое целое, которое можно связать с группой летописных племён, чьи названия оканчиваются на «-яне»: полян, древлян, бужан-волян, северян. Именно эта группа племён стала носителями пражской культуры, которая в VI веке начнёт распространяться в западном направлении, в Польшу, Германию и Чехию, а в конце VIII века в виде роменской культуры северян проникнет на левый берег Днепра. Не случайно самые ранние курганы пражской культуры обнаружены именно на Восточной Волини, около Житомира, где предполагается скопление образцовых памятников с керамикой пражского типа вокруг села Корчак (Седов, 1995, рис. 7, с. 17).

При этом нас не должно смущать отсутствие курганных могильников между Прикарпатьем и Восточной Волинью. Преобладавшие поначалу у пражского населения бескурганные трупосожжения тоже были очень немногочисленны в этих местах (Седов, 1995, рис. 6, с. 15). Большая часть курганов была, видимо, просто распахана, и они уцелели только в лесных областях Прикарпатья и Житомирщины (бывшая Деревская земля «лесного» племени древлян). Кроме того, на левом берегу Прута, напротив области распространения карпатских курга-

Происхождение пражской культуры

нов найден пражский курганный могильник Чепоносы (Седов, 1995, рис. 7, с. 17).

Как бы ни было взаимоотношение пражской культуры с культурой карпатских курганов, нельзя забывать, что именно в последней впервые объединились три важнейшие черты, являющиеся «этнографическими» признаками раннесредневековых славян: квадратная землянка с печью-каменкой, трупосожжение под курганом, посуда пражского облика. При этом «идея» печи-каменки имеет явное провинциально-римское происхождение – в сущности, это подражание кирпичной римской печи, изготовленное из подручных средств.

В заключение хотелось бы коснуться вопроса о племенной принадлежности пражской культуры. Не вызывает сомнения обстоятельство, что население, оставившее пражские памятники, было славянским: пражская культура V–VII веков плавно перерастает в древности исторических славян VIII–IX веков (луки-райковецкой культуры и родственных ей групп). Но можно ли считать её собственно «славянской», то есть принадлежавшей людям, которые, в отличие от антов, называли себя славянами.

Границы расселения обоих народов описаны Иорданом. Ранее тот же Иордан пишет следующее (Иордан, 34–37): «У левого их («скалистых Альп», то есть Карпат. – С.Н.) склона, спускающегося к северу, от места рождения реки Вислы (Vistula) на безмерных пространствах расположилось многоядное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, всё же преимущественно они называются славянами и антами. Славяне живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, и на север – до Вислы. Анты же – сильнейшее из обоих – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понт образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстоянии многих переходов» (Иордан, 35; с. 67).

Если смотреть на сообщения Иордана без оглядки на разнообразие лингвистические и археологические теории происхождения славян, мы увидим, что собственно «славяне» проживают внутри Карпатской котловины. Южной границей славян, которую Иордан особо не оговаривает, очевидно был Дунай. Прокопий прямо говорит: «Да и имя встарь у

«славян» и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали спорами как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают невероятно обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра» (Прокопий, VII, 14, 29–30; Свод, 1994, с. 183–185).

Северной границей является Висла, восточной – Днестр, западной – город Новиетун и Мурсианское озеро. В Подунавье известно два города с кельтским по происхождению именем, означающим «Новый город», – современное Дрново около Любляны и Исакача в дельте Дуная. Мурсианское озеро названо так в честь города Мурсы (современный Осиек) около впадения Дравы в Дунай. Это не что иное, как Балатон, поскольку никакого другого озера поблизости нет.

При этом надо учесть то обстоятельство, что Иордан предпочитает обозначать границы по рекам, а не по горам. Например, восточной границей живущих в Трансильвании гепидов он называет не Карпаты, что казалось бы логичным, а реку Олт, которая там действительно течёт с севера на юг. Область расселения «славян» по Иордану в таком случае будет простирается на западе вплоть до приальпийских областей (Новиодунум-Дрново и Балатон-Мурсианское озеро). Иными словами, «славяне» Иордана проживают именно там, где помещает «дунайских славян» «Повесть временных лет» и где до сих пор проживают собственно «славянские» народы: словенцы и хорваты-кайкавцы и находится историческая область Славония (междуречье Савы и Дравы).

Поскольку такое расселение «славян» полностью противоречит представлению о славянской прародине, созданной лингвистами на рубеже XIX–XX веков и археологами на протяжении XX века, этот исторический источник подвергается самым произвольным толкованиям с целью сместить Новиетун и Мурсианское озеро как можно дальше на запад. Как бы то ни было, это не меняет того обстоятельства, что область пражской культуры, за исключением узкой полосы вдоль Карпат, лежит за пределами расселения иордановых «славян». Коренной областью её распространения является Правобережная Украина, которая в не меньшей степени, чем приписываемая антам пеньковская культура, лежит между Днестром и Днепром.

Происхождение пражской культуры

Таким образом, пражские памятники не имеют к собственно «славянам» никакого отношения. Это такая же антская (венетская) культура, что и пеньковская. Носителями пражской культуры были, очевидно, славянские племена, отличительной особенностью которых были имена на «-яне». Согласно «Повести временных лет», таковые занимали область от Днепра до Одры, то есть там, где распространены пражские древности.

ГЛАВА 6. СЛАВЯНЕ, НОРИКИ, ПАННОНЦЫ

Славяне и «нарци»

Древнейшие славянские памятники письменности, рассказывающие о происхождении славян, считали их потомками библейского Яфета и помещали их родину на Дунае. Русская «Повесть временных лет», написанная в начале XII века, сообщает, что «Афету же яшася полуношныя страны и западныя: ...Япирония, Илюрикъ, Словене, Лухнитиа, Анъдриокія, Онъдрятиньская пучина... От сихъ же 70 и 2 языку бысть язык словенескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозехъ же времянех сели суть словене по Дунаеви, где есть ныне Угорска земля и Болгарьска... Ту бо есть Иллюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо беша словене первое... Посем же Коцель князь постави Мефодья епископа в Пании (от греческого названия Паннонии “Пеония”), на столе святого Онъдроника апостола... тем же словеньску языку учитель есть Анъдроник апостолъ... Ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ; ту бо беша словене первое» (ПВЛ, с. 9–11, 22).

Латинская «Великопольская хроника» конца XIII века говорит то же самое. «В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов (*Pannonia sit mater et origo omnium sclavonicarum nationum*)... эти паннонцы, названные так от (слова) пан, как говорят, ведут своё происхождение от Яна, потомка Яфета» (Великая хроника, с. 52).

«Повесть временных лет» считает славянами жителей римской провинции Норик на Дунае, которых она называет «нарцами». Это сообщение подтверждает «Палея толковая»: «Отъ Афета же суть рожшиися языци, иже в столпотворение разделены быша: 1. мидои, 2. кападокии, 3. галаты, иже суть кельтеи... 13. норица, иже суть словени» (Хелимский, с. 344). Славянское слово «нарци» получилось из имени *pōgici* «норики»

вследствие закономерного для славянских языков сокращения долгого «о» в краткий «а» (*пагьси) (Трубачёв, 2013, с. 333–334). Тем более удивительно, что это славянское по облику название нориков известно в письменности уже в VI веке.

В 558 году в испанском городе Браккаре (современной португальской Браге) была освящена базилика Святого Мартина Турского. Написанная Мартином Браккарским на гробнице святого эпитафия гласит: «Огромные и многообразные племена присоединяешь ты к благочестивому союзу Христа: ...паннонец, руг, славянин (Sclavus), норик (Nara)... радуются, что под твоим водительством познали бога» (Свод, 1994, с. 358). Имя нориков передано здесь в славянской огласовке Nara с корневым «а» вместо правильного латинского Noricus. Чем объяснить явный варваризм (славянизм), который допустил Мартин Браккарский в эпитафии своему высокочтимому земляку?

На наш взгляд, существует не так много вариантов ответа. Известно, что Мартин Браккарский, как и его святой тезка, был уроженцем Паннонии и должен был знать названия народов, населявших Подунавье. Из этого следует, что либо сам Мартин был славянином по языку и передал имя нориков на своём родном наречии, либо он не был славяноязычен, но передал название Норика VI века на языке его жителей, которые в таком случае оказываются славянами.

В любом случае это не вяжется с распространённым мнением, что славяне проникли в Норик и Паннонию вместе с аварами в 568 году, когда владевшие страной лангобарды ушли в Италию – эпитафия была написана десятью годами раньше. Правда, в современной археологии высказывается мнение, что славяне проникли в Паннонию ещё в лангобардское время (Седов, 1995, с. 26–27). В 548 году лангобарды получили от императора Юстиниана город нориков и крепости в Паннонии (Прокопий, VIII, 33, 10). Понятно, что 10 лет – слишком малый срок, когда славянская речь распространилась бы настолько широко, чтобы вытеснить привычное латинское Noricus «норик» славянским Nara «*нарць, нарец». Таким образом, эпитафия Мартину Браккарскому является косвенным указанием на господство славянской речи на среднем Дунае уже в первой половине VI века.

Скоморохи, скамары и всадники-геты

Другим свидетельством древнего пребывания славян в Норике и Паннии является слово «скоморох». Олег Николаевич Трубачёв в личной консультации объяснил это слово как *skoro-toxъ, буквально «мошенник», «срезающий мошну», где первая часть образована от древнего корня *sker- / *skor- «срезать» (скора «шкура» и скрести) и *texъ / *toxъ (мех для вина, меха у кузнечного горна и бояна, мешок вообще и с другой стороны мошна и пр.). Полным соответствием *skoro-toxъ является немецкое Beutel-Schneider «мошенник, вор», досл. «срезыватель кошель» (старорусское «пóдрез»).

Самое раннее упоминание слова «скоморох» содержится в «Житии святого Северина», написанном в 511 году его учеником Евгиппием. Северин пришёл в Норик из Паннии уже в зрелом возрасте и до самой своей смерти 8 января 482 года оставался правителем Прибрежного Норика (Noricum Ripensis). Личное знакомство с такими могущественными людьми, как полководец Орест (отец последнего западноримского императора Ромула Августула) и Одоакр (правитель Италии в 476–493), свидетельствует, что Северин, как и его соотечественник Орест, был представителем провинциальной знати Паннии, приближённым ко двору Атиллы. В годы, когда Северин подвизался в Норике, страна подвергалась грабительским нападениям задунайских варваров. Евгиппий называет среди них готов и алеманнов, которых изредка сопровождали тюринги, а также ругов и герулов (Иордан, коммент., с. 365). Евгиппий пишет, что однажды Северин ради спасения привратника Мавра лично переправился через Дунай, чтобы поспешно преследовать разбойников, которых на народном языке называли scamarae «скоморохами»: «Listri fluenta praetermeans latrones properanter insequitur [Severinus], quos vulgus scameras appelabat» (Житие святого Северина, 10, 2; с. 234, 318).

Следующим упоминает о «скоморохах» готский историк Иордан. В начале VI века область Сирмия была захвачена неким Мундом. «Этот самый Мундон (Mundo) происходил от каких-то родичей Атиллы; он бежал за Дунай и бродил в местах необитаемых и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество угонщиков скота,

скамаров и разбойников (*abactoribus, scamarisque et latronibus*) и, заняв башню, которую называют Герта, которая стоит на берегу Дуная, вёл там дикую жизнь и не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королём своих бродяг (*regem se suis grassatoribus fecerat*)» (Иордан, 301; с. 119). По свидетельству Марцеллина Комита, описываемые события происходили в 505 году.

Византийский писатель Менандр Протиктор сообщает, что после неудачной попытки отбить у римлян бывшую столицу гепидов Сирмий авары заключили с императором Тиберием мир и получили богатые дары (570 год). На обратном пути аварских послов остановили «скамары, называемые так по-туземному», которые отняли коней и товар (Менандр, 35; Иордан, с. 365).

«Эдикт» лангобардского короля Ротари (643 год) гласит: «*Si quis Scamaram intra provinciam celaverit aut annonam dederit, animae incurrat periculum*», – «Если кто в провинции укроет скамара или даст ему хлеба, навлечёт гибель на свою душу» (MGH Leges, IV, 1869, p. 13). Скамары упомянуты в капитулярии беневентского князя Сикарда, где они приравнены к врагам (*hostis aut Scamaras*), а также в письме папы Стефана к франкскому королю Пипину (755 год), где о них говорится как о грабителях и опустошителях (*Scamaras atque depraedationes seu devastationes*) (по Дмитрову, 1952, с. 8).

Последним упоминает скамаров Феофан. Он сообщает, что после заключения мира с болгарами царь Константин Копроним (VIII век), «тайно отправив посланцев в Болгарию, схватил архонта северов Славуна, сотворившего во Фракии много зла. Был схвачен и христианин, отступник от веры и первый из скамаров. Его предали огню» (Theoph. Chr., XXIX; Свод, 1995, с. 284–285).

Попытки Брюкнера приписать слову «скамары» лангобардское происхождение вызывают сомнение (Дмитров, 1952, с. 7; Иордан, с. 365): в «Житии святого Северина» лангобарды вообще не упомянуты. Ясно, что последние заимствовали это слово у местного населения во время своего пребывания в Ругиланде (Павел Диакон), то есть в том же Норике, захваченном после смерти Северина племенем ругов. Лангобарды появились в Норике не ранее 488 года, после того как руги присоеди-

нились к войску готского короля Теодориха, который направился на завоевание Италии.

Германским языкам это слово неизвестно. Современное английское *skirmish* «стычка» заимствовано из итальянского *scaramuccia* «стычка», куда относится и название персонажа итальянской комедии дель арте *Scaramuccio* «забияка, шут», то есть в конечном счёте восходит к лангобардскому слову. В своём первоначальном виде слово *scamara* сохранилось только в славянском языке (церковнославянское «скама-рахъ»), что заставляет склониться к славянскому происхождению этого «дунайского» слова.

По поводу свидетельства Феофана Г.Г. Литаврин замечает, что в середине VIII века переход в язычество для грека был делом невероятным и что христианин-вероотступник, скорее всего, был славянином из числа живущих в империи (Свод, 1995, с. 320). В таком случае и его люди должны были быть славянами, а слово «скамары» заимствовано из их речи.

В случае с «королём скоморохов» Мундом мы также, скорее всего, имеем дело со славянами. По свидетельству Марцеллина Комита, в 505 году «против гета Мунда» (*contra Mundonem Getam*) выступил магистр Иллирика Савиниан Младший с 10 тысячами воинов (*Mag. Com. Chr., an. 505*). Согласно Эннодию союзниками римлян были болгары (*Ennod. Paneg., 12*). На помощь Мунду пришёл готский комит Питцам, который «вырвал из рук Савиниана» отчаявшегося в спасении и уже помышлявшего о сдаче «короля» (Иордан, 229–303). В завязавшейся битве римляне и болгары понесли сокрушительное поражение. Марцеллин Комит называет Мундона «гетом». Это имя упоминается в «Хронике» ещё два раза. В 517 году «*duae tunc Macedoniae Thessaliaque vastate et usque Thermopylas veterumque Epirum Getae equites depraedati sunt*» – «обе Македонии, Фессалия опустошены и вплоть до Фермопил и Старого Эпира грабили всадники геты». В 530 году перешедший к тому времени на службу императору «Мунд... напал на гетов, рыскавших по Иллирии, и обратил их в бегство».

Хорошо известно, что Иордан называл гетами готов, о чём свидетельствует название его труда «Гетика». С другой стороны, Феофилакт Симокатта называл «гетами» славян: «(И вот) вспыхнула и запылала

война между ромеями и персами. А геты, или, что то же самое, полчища славян, причинили большой вред области Фракии... И вот они натолкнулись на шестьсот славян, вёзших добычу от ромеев. Поскольку варвары не смогли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок... Ромеи, приблизившись к гетам, – таково древнее имя этих варваров, не решались сойтись с ними в рукопашную» (Феофилакт Симокатта, III, 4, 7; VIII, 2, 2–5; Свод, 1995, с. 15, 31). Кем были в таком случае «геты» Марцеллина Комита?

Маловероятно, чтобы это были готы. В «Хронике» они названы своим именем *Gothi*, причем последнее он использует очень широко: под 476 годом Марцеллин Комит именуется королём готов даже их заклятого врага Одоакра (*Odoacar, rex Gothorum*). Кроме того, из других источников ничего не известно о готско-византийской войне 517 года. Как сообщает Марцеллин, «всадники геты», которым показался недостаточным выкуп в тысячу литр золота, перебили множество римских пленников. Совершенно невозможно, чтобы подобное совершили подданные короля Теодориха Великого, который поддерживал с императором Анастасием превосходные отношения. Нельзя подразумевать под гетами ни болгар, ни гепидов – Марцеллин Комит знает их под своими именами *Bulgares* и *Hepides*. По этим же причинам следует отвергнуть и герулов, так как Марцеллин Комит упоминает этот народ едва ли на одной странице с гетами под 512 годом, когда царь Анастасий поселил *gens Herulorum* на римских землях.

Нас не должно смущать при этом обстоятельство, что под 517 годом геты названы «всадниками». По свидетельству Прокопия, во время осады Рима готским королём Витигисом на помощь Велизария из Византии «подошли Мартин и Валериан, ведя 1600 конных воинов. И среди них больше всего было гуннов, и “славян” и антов, которые обретаются за рекой Истром, недалеко от тамошнего берега» (Прокопий, V, 27, 1–2; Свод, 1994, с. 176–177). Таким образом, гетами в «Хронике Марцеллина Комита», скорее всего, названы славяне, упоминание о которых под своим именем в этом источнике отсутствует.

Подтверждением этому можно считать не замеченное исследователями пересечение биографий «гета» Мунда и Хильвудия. Как пишет Прокопий, на четвёртый год самодержавной власти Юстини-

ана, то есть в 530–531 годах, он был назначен стратегом Фракии, для того чтобы сделать Дунай непроходимым для «тамошних варваров», поскольку, «совершив там переправу, гунны и анты и склавины творили ромеям ужасное зло» (Прокопий, VII, 14, 2; Свод, 1994, с. 135). Хильвудий обрушился на славян и в короткое время нанёс им ряд поражений.

В тот же самый 530 год, по свидетельству Марцеллина Комита, «Мунд, начальник обоих видов иллирийских войск, незадолго до этого первым из римских полководцев напал на гетов, рыскавших по Иллирии (*Getis Illyricum discursantibus*), и обратил их в бегство. Затем, в то же консульство, тот же полководец, благодаря своей храбрости, отправился во Фракию, где успешно сразился с грабившими её булгарами (*Bulgares*), истребив в бою 500 из них» (*Marc. Com. Chr., an. 530*).

Очевидно, что оба назначения должны были положить предел нападениям варваров. Давно высказано мнение, что римский полководец Хильвудий был славянином (собственно «славянином» либо антом) по происхождению (Литаврин, с. 350–352). Очень вероятно, что Юстиниан отправил против славян полководцев славянского же происхождения, хорошо знавших военные обычаи соплеменников. Любопытно, что и смерть настигла обоих почти одновременно: фракийский стратег Хильвудий пал в битве со «славянами» в 534 или 535 году, а иллирийский стратег Мунд погиб в схватке с готами в 535-м (Прокопий, V, 7).

Этому не противоречат и сообщения о происхождении Мунда. Иордан говорит, что он «происходил от каих-то родичей Аттилы» и «бежал от племени гепидов за Данубий» (Иордан. Гетика, 302). Иоанн Малала утверждает, что Мунд был сыном гепидского короля (Малала, XVIII), хотя это мало о чём говорит, поскольку Малала и Аттилу считал гепидом (Наумов, 1984, с. 206). Судьба Мунда напоминает судьбу лангобардского царевича-изгнанника Ильдегиза, ставшего предводителем шеститысячного славянского войска, во главе которого он двинулся в Италию на помощь готскому королю Тотиле.

Прокопий и Марцеллин Комит, рассказывая о подвигах Хильвудия и Мунда, говорят, в сущности, об одних и тех же событиях. При этом названия варварских народов у обоих писателей, которые были совре-

менниками, не совпадают. Марцеллин Комит называет противниками римлян в Иллирике и Фракии «гетов» и болгар. Со своей стороны Прокопий говорит о «славянах» и антах, а имени болгар вообще не упоминает, предпочитая говорить о гуннах. Марцеллин Комит, напротив, употребляет этноним *Hunni* только по отношению к гуннам Аттилы, для событий конца V – начала VI века он пользуется исключительно этнонимом *Bulgares*.

О том, что «гунны» Прокопия суть «болгары» Марцеллина Комита, свидетельствует сопоставление их известий о войне в Италии. В 548 году внезапным ночным нападением на лагерь византийского полководца Иоанна готы обратили ромеев в бегство (Прокопий, VII, 26, 15–28). Марцеллин Комит называет причиной поражения *Bulgarum suorum proditione* «предательство его болгар» (Marcell. Com. Chron. a., 548, p. 108). Годом ранее Иоанн прибыл в Италию с войском «из лучших, отборных варваров» (Прокопий, VII, 18, 29), после того как Велизарий попросил у Юстиниана «послать копьеносцев и прежде всего моих щитоносцев, а кроме того, побольше гуннов и других варваров» (Там же, 12, 10). Очевидно, что прибывшие вместе с Иоанном гунны и были теми самыми болгарами, которые изменили ему в ночном бою.

Современник Прокопия и Марцеллина Комита Иордан в своей «Римской истории» дважды перечисляет варварские племена, нападавшие на империю. В начале VI века речь шла о герулах, гепидах и болгарах, опустошавших Иллирик: «*Illyricumque saepe ab Herulis, Gipedisque et Bulgaris devastantibus*» (Iord. Rom., 363). В середине столетия римляне, герулы и гепиды исчезли из списка главных врагов и на их месте очутились анты и «славяне»: «*Hi sunt casus Romaniae rei publicae preter instantia cottidiana Bulgarum, Antium et Sclavinorum*» (Iord. Rom., 388). Поскольку герулы, гепиды и болгары известны и Марцеллину Комиту и Иордану, а «славян» с антами знает только последний, мы заключаем, что «геты» Марцеллина суть не кто иные, как «склавины и анты» Иордана. Поскольку Феофилакт Симокатта прямо говорит, что слово «геты» было древним именем «славян» (Феофилакт, VII, 2, 5), мы должны считать гетов Марцеллина Комита «славянами».

Таким образом, свидетельства о «гетах» в «Хронике Марцеллина» указывают на пребывание славян на среднем Дунае уже на рубеже

V–VI веков. Слова *scamara* «скоморох» и *Nara* «нарец, житель Норика» свидетельствуют, что славяне были не пришельцами в этих краях, а местными жителями (*vulgus*). Славяноязычных «нарцев» в Норике V–VI веков следует уподобить провинциально-римскому населению Британии этого же времени, которое тоже не было романским, а говорило на своём кельтском языке.

Rannonica lingua и славянский язык

В 441 году к гуннскому царю Аттиле прибыло византийское посольство, в составе которого находился историк Приск Панийский. Среди прочих любопытных известий он сообщил шесть туземных слов, услышанных им от местных «варваров» или «скифов». Во-первых, речь идёт о напитках *ме́доꝛ* и *ка́цов*, во-вторых – о названиях рек Дрекон, Тигас и Тифесас (Приск, II; Свод, 1994, с. 85) (*Tisia, Tibisiaque et Dricca* – Иордан, 178) и, в-третьих, о названии погребального пиршества при погребении Аттилы, описанного со ссылкой на сочинение Приска у Иордана, – *strava*.

Четыре слова из шести объясняются только из славянского. Слово «медос» означает «мёд», «камон» и удовлетворительно объясняется только из славянского *комъ, откуда сербское *комина* «виноградная мезга, жмых» и *коминьяк* «брага из комины» (Свод, 1994, с. 94). *Strava* (слав. *истрава) до сих пор означает в чешском, польском и украинском «пищу» вообще и «поминальное угощение» в частности, а название реки Тиса (в греческом тексте ошибочно Тигас) могло возникнуть только на славянской почве.

Древние называли реку Патисом: *Parthissus* у Плиния Старшего (IV, 12, 80), *Парис* (Страбон, VII, 5, 2) у Страбона, *Parthiscus* у Аммиана Марцеллина (XVII, 13, 14). Славяне воспринимали это название как *Потисье*, откуда и происходит отпадение начального «па-» в современном названии реки. Если опустить названия рек, которые часто заимствуются и, таким образом, мало что говорят о языке тех, кто их произносит, все без исключения «скифские» слова, запомнившиеся Приску, имеют славянское происхождение.

С точки зрения статистики это чрезвычайно много. В державе Аттилы использовалось несколько языков: гуннский, готский, латинский (авзонский), греческий и, наконец, особый «варварский» язык. Приск рассказывает: «Пока я в ожидании прогуливался перед оградой хором, ко мне подошёл какой-то человек, которого я принял за варвара по скифской одежде, но он приветствовал меня по-эллинически, сказав “Хэ-рэ!”, так что я удивился, как это скиф говорит по-эллинически. Представляя разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают и унский или готский, а также и авсонский, если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллинически, кроме пленников, увезенных из Фракии и иллирийского побережья. Но этих последних встречные легко узнавали по изорванным одеждам и нечёсаным головам, как попавших в худшую участь; а этот был похож на богатого скифа, так как был хорошо одет и острижен в кружок» (Приск, 46; Латышев, с. 255).

Очевидно, что «смешанные скифы», среди которых были нечёсанные пленники в изодранной одежде, не могли быть гуннами и готами. Последним более пристало не раз встречающееся у Приска имя «царских скифов». На пиру у Аттилы звучали только гуннский, готский и латинский языки: мавр Зеркон «своим видом, одеянием и странной смесью произносимых им слов (он смешивал с авсонским языком унский и готский) всех развлёк и во всех возбудил неугасимый смех» (Приск, I, 8; Латышев, с. 259). На этих языках разговаривал господствующий слой гуннской державы, состоящий из пришлых варваров и представителей местной римской знати вроде уроженца Пеонии (Паннонии) Ореста.

В «туземном» словаре Приска нет ни германских, ни «гуннских» слов, но только славянские. Из этого следует, что основная часть населения Среднего Подунавья в середине V века, которая должна была нести разнообразные повинности – в частности, снабжать послов едой, напитками и «женщинами для соития», – говорила на своем «варварском» языке. Этот язык был славянским: на нём разговаривали и в ставке Аттилы, где присутствовавшие на погребении Аттилы варвары называли погребальный пир «стравой», и в отдалённом селении, где скифы поднесли Приску и его спутникам «медос» и «камон».

Приск сообщает, что в число «смешанных скифов» входили пленные, но невероятно, чтобы из них состояло все подчинённое «царским скифам» население. Большую часть пленных гунны захватывали во время походов на Византию, их было не так уж много: о малочисленности греков Приск говорит прямо, а о том, что романское население было в меньшинстве, говорит то, что «язык авзониев» «смешанным» скифам приходилось учить так же, как гуннский и готский. Вряд ли большее, чем на богатом юге, число пленных можно было захватить в малонаселённых по сравнению с Подунавьем землях к северу и востоку от Карпатской котловины. Значит, славянское население гуннской державы было местным, жившим здесь ещё до прихода гуннов и готов.

Другим доказательством местного происхождения славянского населения державы Атиллы служит название напитка «камон». У этого слова нет другой убедительной этимологии, кроме славянской, а между тем оно известно в римской письменности, задолго до первого упоминания имени славян, как название напитка бывшего в употреблении у жителей Паннонии. Писатель начала III века Юлий Африкан сообщает, что «пьют ведь зифон египтяне, камон – пеоны, кельты – кервисию», в латинском виде *satum* он упоминается в эдиктах Диоклетиана и Дигестах Юстиниана по поводу цен на хмельные напитки (Свод, 1994, с. 93–94). Тацит в «Германии» сообщает: «Сзади к маркоманам и квадам примыкают марсигны, котины, осы и буры. Из них марсигны и буры наречием и образом жизни схожи со свебами; а что котины и осы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых, паннонский у вторых, и еще то, что они мирятся с уплатою податей», откуда следует наличие у жителей Паннонии особого языка, отличного от германского и кельтского. Название напитка «камон» служит указанием на то, что тацитовская *lingua Pannonica* была славянским (точнее, праславянским) языком.

Свидетельства о том, что славянский язык был распространён среди коренного населения Паннонии, попавшего в IV веке до н. э. под власть галлов (кельтов), а в I веке н. э. – под власть римлян, назывались неоднократно. Во-первых, это название озера Балатон у Плиния как *lacus Pelso* «Плès» и паннонского племени озерятов, совпадающего с именем

славянского племени «эзеритов» на Пелопоннесе в сочинении Константина Багрянородного (глава 50). Кроме этого, на «Певтингеровой карте» (III век) среди римских станций на Дунае написаны Urbate «верба», Ulca «волк», Berzovia «берёзовая», Tierna «чёрная» (Там же, с. 78), «Равеннский географ» III века упоминает в Паннонии civitas Bustricius «город на р. Быстрица». Попытки объявить эти названия неславянскими не основаны ни на чём, кроме убеждения, что славяне появились здесь не ранее VI века. Между тем все эти имена являются существующими до сих пор названиями рек бесспорно славянского происхождения: Urbate – Врбас в Боснии, Ulca – Вука в Славонии, Berzovia – Бырсава в румынском Банате и Tierna – Черна: либо левый приток Дуная в Железных Воротах, либо левый приток Муреша на границе Баната и Трансильвании. Паннонская община Bustricius соответствует либо австрийскому притоку реки Рабы – Файстрицу, либо посёлку Slovenska Bistrica (Windische Feistritz) к югу от Марибора в Словении.

Попытки толковать эти названия как дославянские – дакийские или иллирийские – не могут быть признаны добросовестными. Нам известны жалкие крохи словарного состав этих языков, а гадательные реконструкции не могут опровергнуть свидетельства живой славянской речи.

Языкъ словѣньскъ и lingua Latina

Очевидно, что такой же упрёк можно предъявить и паннонскому языку, от которого также почти ничего не осталось, за исключением, может быть, названия напитка káčov или samum. Языкознание, впрочем, даёт косвенное, но очень веское свидетельство тому, что славянский язык был широко распространён в дунайских провинциях в римское время. На это указывают исключительные по глубине воздействия связи между поздней латынью (романским) и славянским языком. Дело в том, что звуковой строй романского (до распада на отдельные языки) и славянского (до падения редуцированных звуков ь и ъ) полностью совпадают. Оба языка представляли собой языки с открытым слогом, наподобие японского. Эта языковая особенность весьма редко встречается на территории Европы и вообще среди индоевропейских языков. Поэтому

предположение о случайности сходства (возможное по отношению к системам гласных с относительно небольшим числом элементов, в них входящих) в данном случае практически исключено. Исследовавший эту проблему Дж. Бонфанте пришёл к выводу о сильнейшем влиянии протороманского на славянский язык в условиях двуязычия (Иванов, 1989, с. 25–27).

Где и когда могло происходить такое влияние? Считается, что не ранее середины 1-го тысячелетия н. э. при взаимодействии расселявшихся в Подунавье и на Балканы славян с местным восточнороманским населением, предками позднейших румын и балканских влахов. Это предположение неприемлемо в силу хорошо известного характера взаимодействия славянского и румынского языков. В данном случае мы имеем не влияние романского языка на славян, а нечто прямо противоположное. Объём и качество заимствований из славянского в румынский впечатляют. В XIX веке они составляли около 40% словарного запаса (Сергиевский, с. 583), в том числе самая частотная в румынской речи утвердительная частица «да». Почти полностью заимствована из славянского земледельческая терминология, слова, относящиеся к области общественных отношений, и, что самое важное, слова, описывающие духовную, чувственную сторону жизни.

Судя по лексике латинского происхождения в румынском языке, предки восточных романцев в эпоху славянского вторжения на Балканы представляли собой оттеснённое в горы, перебивающееся отгонным скотоводством и лишённое культурного слоя население. Ни о каком влиянии местного романского населения на славян времён завоевания Балкан не может идти и речи. Многочисленные позднейшие заимствования из романского шли уже только в южнославянские языки и были связаны с ославяниванием влашского пастушеского населения, чьи потомки составляют немалую часть современных южных славян. Об этом говорит хотя бы название «влах», которым хорваты и босняки называют православных сербов, а жители Адриатических островов – вообще всех жителей материковой Далмации.

Между тем латинское влияние на славянский язык очевидно, что видно хотя бы из неполного списка заимствований: Roma «Рим», Iudeus «жид», calendae «коляда», rosalia «русалка», balneum «баня», castrum

«костёр» (название башни), *scutum* «щит», *gladius* «кладиво» (молот, «мечь-кладенец»), *securis* «секира», *casula* «рубашка», *comes* или *comitaneus* «кмет, конный воин» (не путать со словом «кмет» – «крестьянин» в болгарском и других славянских языках от греческого *coma* «деревня»!).

Это не восточнороманские слова: было бы странно, если бы славяне заимствовали у предков румын военную лексику при таких славянских заимствованиях, как *găzboi* «война», *slăva*, *voievod*, *sneaz*, *topor*, тем более что ко времени славянского вторжения на Балканы старинный римский гладиус давно вышел из употребления и уступил своё место длинному кавалерийскому мечу-спате. Очевидно, что воздействие латыни на славянский язык, превратившее его в язык с открытым слогом, могло случиться только до начала славянских переселений на Балканы. Подтверждением этому может служить судьба славянского слова «коляда». Вне всякого сомнения, это слова, вместе со словами «русалка», «русалия», заимствованы из романского языка. Прообразом послужили латинские *calendae* «календы» и *rosalia* «праздник роз, день поминовения душ усопших». Но славяне не могли заимствовать эти слова ни у предков румын, ни во время своего вторжения на Балканы в VI веке по той простой причине, что и румынское *colind*, *colinde* «колядование», и румынское *kolendär*, *kolendra* «сочельник» не выводятся из латинского, а являются заимствованием из славянского языка (Дуриданов, 1986, с. 28).

Дело в том, что взаимодействие языков не бывает равноправным, заимствования в целом имеют односторонний характер, обычно из языка господствующего в том или ином отношении народа в язык народа побеждённого. Славяне на востоке, как и германцы на западе бывшей Римской империи, представляли собой «народы-победители». Об этом говорит, в частности, бесследное исчезновение исконного *bellum* «война» и замена его славянским «разбой» в восточнороманском и германском «вер» (англ. *war*, нем. *Wehr*) в западнороманских (*guerre*, *guerra*) языках. Языковое преобладание славян над восточными романцами сохранялось вплоть до XIX столетия, когда произошёл отказ румынского языка от кириллицы в пользу латинского алфавита.

Глубокое воздействие латыни на славянский язык было возможно в прямо противоположных условиях, когда не славяне являлись при-

мером для подражания для «римлян», а наоборот – когда славяне стремились к заимствованиям у более развитого, в том числе и в военном отношении, населения. Полная звуковая перестройка праславянского в язык с открытым слогом была возможна только в условиях двуязычия и подавляющего преобладания романской речи. Это могло случиться только при условии проживания предков славян в пределах Римской империи времён её расцвета, но не в эпоху славянских завоеваний, когда побеждённое романское население Балкан было загнано славянами в горы и его язык сам претерпел огромные изменения под влиянием славянской речи.

Славяне и норико-паннонские курганы

Собственное славянское предание совершенно определённо указывает на первоначальное проживание славян в римских провинциях Норике («Повесть временных лет») и Паннонии («Великопольская хроника»). В пределах этих провинций в римское время существовала особая разновидность археологических древностей – норико-паннонские курганы. В предыдущей главе уже говорилось о полном тождестве норико-паннонских трупосожжений под курганами I–II веков н. э. и подкурганых славянских трупосожжений VI–X веков. Для европейских археологов оно давно не является тайной, и только отсутствие имени славян в источниках римского времени заставляло отказаться от поиска связи между этими явлениями (Цоль-Адамикова, 1992). В главе, посвящённой происхождению раннеславянской пражской культуры, мы объяснили её возникновение воздействием культуры карпатских курганов на местное праславянское население. Оставившие эту культуру люди, скорее всего, были потомками норико-паннонских колонистов из римской Дакии.

Культура карпатских курганов плавно перерастает в раннеславянскую культуру пражского типа. Нет оснований считать население этой культуры разноплеменным, состоящим из «местного» и «пришлого славянского» населения, – для этого она занимает слишком ограниченное пространство и слишком монолитна. Спокойное перерастание культуры карпатских курганов в культуру ранних славян позволяет предполагать,

что она была славянской изначально. Карпатские курганы на верхнем Пруте являются ответвлением карпатских курганов в Трансильвании (Кашольц, Кальбор, Игиу) и Верхнего Потисья (Земплен, Иза), а те, – в свою очередь, – норико-паннонских курганов. Культура карпатских курганов является связующим звеном между культурой коренного провинциально-римского населения Норика и Паннонии и культурой исторических славян VI–X веков.

Глубина латинского воздействия на праславянский язык указывает на проживание большей части праславянского населения в дунайских провинциях Римской империи. Поэтому мы можем на самом деле считать людей, хоронивших прах своих покойников под курганами норико-паннонского типа, прямыми предками летописных «славян дунайских». Хочу ещё раз подчеркнуть, что речь идёт не о предках всех славянских племен, а именно о тех, кто называл себя именем «славяне». Другими словами, «анты» византийских источников VI века и отличные от летописных собственно «славян» племена на «-яне» и «-ичи», а также сербы и хорваты не являются прямыми потомками праславянского населения из Норика и Паннонии.

Норико-паннонским курганам посвящена огромная литература. Последняя по времени обобщающая работа по этим памятникам сделана австрийской исследовательницей Магдаленой Эйбле (Eible, 2014). Все исследователи согласны, что под курганами были похоронены представители коренного нероманизованного населения провинции. Спор идёт лишь о происхождении этого обряда. Дело в том, что со времени кельтского завоевания Паннонии бытовавший там в гальштатское время обряд трупосожжения под курганом исчез и возобновился только с приходом римлян. Одни исследователи считают, что местные жители стали насыпать курганы под римским влиянием либо произошло возрождение местной традиции, прерванной распространением латенской культуры кельтов, использовавших обряд трупоположения.

В римское время курганы помимо Норика, Паннонии и Дакии найдены в Италии вокруг Рима, в Британии, рейнских провинциях, а также во Фракии (Тоунбее, 1971, р. 179–188). Они значительно отличаются от норико-паннонских. Западные курганы италийского типа представляли

собой цилиндрическую каменную кладку, заполненную землёй, напоминающая «кастрюлю» с конической «крышкой», на вершине которой мог располагаться памятник. Самым известным образцом такого кургана является мавзолей Адриана в Риме, превращённый в Средние века в замок Святого Ангела. Во многих норико-паннонских курганах также найдены каменные сооружения и даже склепы, но в целом они представляли собой обычные земляные насыпи. Для нас важно то, что под ними погребены ни кельты и не римские граждане, переселившиеся из Италии, а представители коренного населения. Основным местом скопления курганов являются предгорья на границе Норика и Паннонии, особенно междуречье Савы и Муры. В областях к востоку от Балатона и прилегающих к Дунаю они встречаются значительно реже, но нужно иметь в виду, что на плодородной равнине многие курганы могли быть просто распаханы.

Аппиан Александрийский писал: «Пеоны – большой народ около Истра, населяющий все пространство от яподов до дарданов: пеонами их называют эллины, а по-римски они – паннонии» (Аппиан, X, III, 14). Римляне считали пеонов иллирийским племенем, но последнее имя они распространяли на все народы, живущие по течению Дуная (Аппиан). Провинция Иллирик, созданная после завоевания западной части Балканского полуострова и Среднего Подунавья, после подавления панноно-дунайского восстания была разделена на две провинции: Паннонию и Далмацию. Собственно иллирийцы (*Illyrii proper dictu*) жили в южной части последней, в современной Албании.

От иллирийского языка практически не осталось следов. Албанский язык подвергся столь сильной перестройке под влиянием латыни, греческого, славянского и турецкого языков, что реконструкция на его основе иллирийского просто невозможна. Многие полагают даже, что предки албанцев вообще не имеют отношения к историческим иллирийцам и переселились из фракийских областей (Развитие, 1982, с. 36). Отношение языка *lingua Pannonica* и иллирийского языка не выяснено из-за отсутствия достаточного материала.

С точки зрения археологии между жителями Далмации и Паннонии имеются существенные различия. На посвящённом иллирийскому вопросу археологическом съезде в Белграде в 1964 году был сделан вывод,

что собственно иллирийцы образовались в западной части Балканского полуострова за пределами европейской культуры полей погребений бронзового века (Седов, 1994, с. 109). Таким образом, известные на сегодня сведения позволяют рассматривать паннонцев как особый народ, отличающийся от своих иллирийских соседей.

Выше мы упоминали четыре главных лингвистических свидетельства славяноязычия паннонцев: название озера Пельсо («плёс», в словацком так называют озёра), общины *Bustricius* в Верхней Паннонии (исключительно славянский гидроним «быстрица»), племени озериагов (по «озеру» Балатон) и хмельного напитка *satum* («ком»). Кроме этого, на славянскую принадлежность паннонцев может указывать название их главного города Сегестики, лежащего на реке Сава, неподалёку от Сисции (современный Сисак).

Паннонское название города, несомненно, подверглось пересмыслению из-за сходства с именем мифического героя Сегеста. Сегестика лежит на землях средневекового Славонского баната со столицей в Загребе, известного под венгерским названием Тоторсаг «Славянская земля», между реками Драва на севере и горами Капелла на юге, которые отделяли «славянскую землю» от Хорватии. Местным названием Капеллы было слово *Gozd* «гора, (горный) лес, железо», родственное русскому «гвоздь». В договоре хорватского города Сень и славонского рода Бабоничей последние, в отличие от «нобилей из Хорватии», именуют себя нобиями «из-за Железных Альп» (Акимова, 1989, с. 147). Можно предположить, что за латинским выражением *ultra Gozd* стоит славянское местное название *Загвоздь «Загорье». Точно такое же название носила область *Zagost* к северу от Рудных гор на границе Чехии, Силезии и Лужицы, упомянутая у Козьмы Пражского. Так же образовано старое название Болгарии Загора «страна за хребтом Стара Планина». Поэтому название паннонского города Сегестики можно истолковать как славянское слово «город за горой, *urbs ultramontanus*».

Славянский характер носят и названия проживавших в Паннонии племен скордисков, таврисков и эрависков. Первые два племени достоверно являются кельтскими, но эрависки говорили на паннонском языке, отличном как от германского, так и от кельтского. Это вытекает

из сообщений Тацита: «Но арависки ли переселились в Паннонию, отколовшись от германской народности осов или осы – в Германию, отколовшись от арависков, притом что язык, учреждения и нравы у них и сейчас тождественны, неизвестно... а что и котины и осы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых, паннонский у вторых» (Тацит. Германия, 28, 38).

Племенные названия с суффиксом *-sk* известны балтским, германским и славянским языкам. «В иллирийском языке не было этнических имён на **isco*, в кельтском он был оттеснён суффиксом *isio*» (Порциг, с. 297). Поскольку эрависки определённо не германцы (Тацит), а балтская принадлежность паннонцев невероятна, мы можем считать этнонимы скордиски, тавриски и эрависки славянскими формами, а «паннонский язык» (*Pannonica lingua*) – праславянским диалектом. Этому не препятствует и кельтское происхождение скордисков и таврисков – скорее всего, римляне заимствовали названия этих племён из языка коренного (паннонского, праславянского) населения Среднего Подунавья.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об ещё одном свидетельстве бытования славянского языка в римской Паннонии. Из римского города *Intercisa* «Пересечен» на Дунае происходит посвятельная надпись *DEo DoBRATI. EUTICES. SER(vus). DE(dit)*, которую О.Н. Кудрявцев перевёл как «Богу Добрату Евтихий раб воздал» (Кудрявцев, с. 130). По мнению О.Н. Трубочёва, речь идёт о праславянском *Доброть «добро, благо» (Трубочёв, 2003, с. 109–110). Изображённое на барельефе божество представляет собой «Дунайского всадника», необыкновенно популярного среди местного населения римских провинций на среднем и нижнем Дунае. В связи с этим привлекает внимание предложенная А.К. Шапошниковым этимология славянского божества Хорса. Обычно его связывают с иранским обозначением солнца и считают, что славяне заимствовали его у скифов. Но гораздо более убедительной выглядит передача славянским *Хърсь имени античного Ареса Конного (Шапошников, с. 103).

В праславянском слово «добрый», родственное слову «дуб», означало не душевное качество, а телесную мощь (Трубочёв, 1997, с. 53). Поэтому мы вправе усмотреть в паннонском боге Доброти славянского Марса.

Славяне, норики, паннонцы

Известно чрезвычайное почитание лютичами священного белого коня, которого держали в храме священного города Ретры для гадания об исходе войны. Вероятно, и сам этот культ, и выражение «добрый конь» в конечном счёте восходят к почитанию конного божества паннонцев Доброти или «Дунайского всадника».

ГЛАВА 7. СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ

Переселение славян на Дунай (миф или реальность)

Итак, исторические известия указывают на то, что славяне (именно «славяне», но не анты) были исконными жителями Подунавья и были известны римлянам под именем паннонцев. В археологической литературе господствует прямо противоположное мнение, согласно которому славяне появляются в Карпатской котловине не ранее V века. В зависимости от национальной принадлежности учёных можно говорить о «славянской», «венгерской» и «румынской» точке зрения. Учёные славянских стран, в том числе отечественные, говорят о славянской миграции в Подунавье. Венгерские археологи вообще отрицают наличие сколько-нибудь значительного славянского населения на своих землях. Румынские археологи придерживаются, в общем, того же мнения. Согласно их представлениям, предки румын, потомки романизированных даков, непрерывно проживают в Нижнем Подунавье и Трансильвании с древнейших времён. Немногочисленное славянское население появлялось там только в VI–VII веках по пути на Балканский полуостров.

Такая расстановка исследовательских предпочтений как в зеркале отразилась в вышедшем недавно сборнике «Славяне на Дунае», в котором приняли участие только учёные из славянских стран. Венгерские и румынские археологи отказались в нём участвовать, за исключением румынского исследователя Иона Станчу, который, впрочем, занимается славянскими памятниками на верхней Тисе, исторически принадлежавшей не румынам, а венграм. С точки зрения историка все эти точки зрения представляются совершенно беспочвенными, поскольку полностью противоречат письменным источникам. Рассмотрим их по порядку.

Как известно, пражская культура считается образцом раннеславянских древностей V–VI веков. Местом появления её является, скорее

всего, Прикарпатье и Правобережная Украина. Широко известно мнение, что распространение пражских памятников указывает на расселение славянских племён в раннем Средневековье. По отношению к землям современной Польши и Германии с этим нельзя не согласиться. Пражские и родственные им древности обнаружены там в огромном количестве и не оставляют сомнений в славянском заселении этих земель (Русанова, 1976; Седов, 1979; Гавритухин, 2009). К югу от Карпат дела обстоят совсем по-другому: пражских памятников там, в сущности, нет либо они совершенно теряются среди массы местных древностей провинциально-римского, германского или кочевнического происхождения. По сравнению с посудой, найденной на славянских поселениях в сербском Подунавье, пражская керамика выглядит настолько необычно, что в своё время югославские археологи даже отказывались считать эти сосуды славянскими (по: Седов, 1979, с. 113).

Общую картину не меняет даже присутствие пражской культуры в Моравии и Словакии. Во-первых, она не проникает южнее Дуная, во-вторых, в VII столетии она полностью вытесняется из этих мест так называемой «славяно-аварской» культурой с серой посудой дунайского типа (Седов, 1995, с. 30, 31). В Словении пражские памятники отсутствуют полностью (Там же, с. 275), в Венгрии обнаружены только очень немногочисленные сосуды и трупосожжения пражского облика (Археология Венгрии, 1986, с. 310–311; Седов, 1995, с. 29). На нижнем Дунае, в современной Румынии, дела обстоят не лучшим образом. Известный польский археолог Казимир Годловский, считавший, что славяне пришли на Дунай и Балканы откуда-то из Поднепровья, с недоумением отмечал, что «на землях, расположенных к северу и северо-востоку от нижнего Дуная, посуда пражского облика не появляется так часто и так массово, как мы бы имели право ожидать» (Godlowski, 2000, S. 98)¹. Наглядное представление о ничтожном количестве памятников «со славянскими [читай – «пражскими»] чертами» на среднем и нижнем Дунае даёт карта в обзорной статье, посвящённой славянским находкам в Карпатском бассейне (Вакуленко, Приходнюк, 1990, с. 80–81).

¹ Na obszarach, położonych na północ i na północny wschód od dolnego Dunaju, ceramika typu praskiego nie pojawia się tak często i tak masowo, jak byśmy to mieli prawo oczekiwać (польск.).

Славянские археологи пытаются объяснить малое число пражских древностей прежде всего тем, что переселявшиеся на Дунай и Балканы славяне попадали под сильное влияние местной провинциально-римской культуры и быстро отказывались от пражских традиций, вследствие чего стали трудноуловимы археологически. Это объяснение можно было бы принять, если бы не одно «но». Речь идёт о так называемой посуде дунайского типа, известной также как серая, или обточенная, керамика (подробнее о названии этого вида древностей – в работах Махачека (Machaček, 1998).

Пражская культура и дунайская керамика

Славянская лепная посуда в Моравии и Юго-Западной Словакии делится на две группы. Первую составляют классические лепные горшки пражского типа, вторую – вылепленная от руки, а затем обточенная на медленном гончарном круге ручного вращения дунайская керамика. Отличаются они также по способу обжига, отчего пражская посуда имеет красный, а дунайская – серый цвет. Дунайская посуда моложе пражской и появилась в Моравии и Словакии только в начале VII века (Седов, 1979, с. 113). Позднейшая славянская «городищенская» керамика VIII–IX веков, изготовленная на быстром гончарном круге, который приводили в движение ногами, ведёт своё происхождение именно от неё, а не от пражской посуды (Русанова, 1976, с. 115–116).

Смену керамического типа на рубеже VI–VII веков нельзя объяснить только усовершенствованием гончарного ремесла. В противном случае дунайская керамика представляла бы собой те же самые пражские горшки с расширением в верхней части тулова, только обточенные и обожжённые до серого цвета. В действительности дунайская керамика имеет совершенно иной облик: яйцевидные горшки с расширением в средней части тулова – и поэтому не может быть выведена из пражской посуды.

По поводу происхождения дунайской керамики имеются три точки зрения. Венгерские археологи считали эти сосуды аварскими и полагали, что истоки этой посуды лежат в среднеазиатском гончарстве. Валентин Васильевич Седов первоначально высказывал мнение, что дунайская посуда происходит от «пражско-пеньковской» славянской керамики

лесостепной Украины (Седов, 1979, с. 127). В настоящее время считается, что этот керамический тип имеет местное дунайское происхождение и восходит в конечном счёте к провинциальной римской посуде: «На возникновение дунайского типа решающее влияние оказало поздне-римское культурное наследие Среднего Подунавья, то есть Паннонии» (Fusek, 1994, S. 98)¹.

В связи с этим нужно заметить, что ещё Любор Нидерле писал по поводу славянской керамики (пражская посуда ещё не была выделена Борковским) следующее: «Когда в археологии говорят о славянской керамике, то имеют в виду тип, названный городищенским... чрезвычайно интересно, что этот славянский тип был, в сущности, не чем иным, как украшенной волнистым орнаментом римской посудой, широко распространённой в северных римских провинциях от нижнего Дуная до Рейна. Очевидно, славянам пришлось общаться с римлянами на пограничных территориях у Дуная, когда там в I–IV веках употреблялся этот тип керамики, который и был заимствован славянами» (Нидерле, с. 483). Возникает вопрос: какие славяне могли общаться с римлянами в Подунавье?

Происходившая на рубеже VI–VII веков смена пражской культуры дунайской не ограничивалась только посудой. Сменился и погребальный обряд: на смену господствующим в пражской культуре трупосождениям приходит захоронение покойников, которых под воздействием христианской традиции стали погребать головой на запад и даже в деревянных гробах (Eichert, S. 495). Вместе с дунайской керамикой и обрядом трупоположения распространился обычай строить укреплённые городища, чьи стены сложены насухо из камня или кирпича. Этот способ строительства может быть выведен из приальпийских областей, с территории римских провинций Норика и Паннонии (Седов, 1995, с. 143). Эти изменения охватили не только северо-западную часть Среднего Подунавья, то есть Словакию и Моравию, но проникли далеко на северо-восток, в Чехию и земли между Эльбой и Заале, где дунайская керамика известна под названием рюссенского, или лейпцигского, типа (Там же, с. 142).

¹ Na vzniku podunajského typu má podstatný podiel subrímске kultúrne prostredie stredného Podunajska, resp. Panónie (слов.).

Все эти явления можно объяснить лишь приходом нового населения, отличного по культуре от местных славян, изготовлявших посуду пражского облика. Поскольку дунайская керамика распространена в Среднем Подунавье, где с 568 года господствовали авары, приходится связать переселенцев с населением Аварского каганата. В славянской археологии это население и его культура так и называется «славяно-аварской». Венгерские исследователи возражают против такой терминологии и называют эти памятники просто аварскими (Седов, 1979, с. 127).

С этим трудно согласиться. Погребения всадников действительно известны в Моравии и Словакии, их в самом деле можно считать аварскими или принадлежащими местной знати, включившейся в состав господствующего сословия, что неизбежно предполагало «превращение в авар». Но в Чехии и Верхней Саксонии «аварских» погребений нет, местный обычай строительства городищ был чужд аварам, да и письменные источники не содержат никаких известий о присутствии авар к северо-западу от Карпатской котловины. Археологи также уверенно связывают рюссенскую посуду со славянами (Седов, 1995, с. 142–144). Таким образом, распространение дунайской керамики связано с приходом иного, совершенно отличного от пражского славянского населения с юга. Чехословацкие исследователи прямо пишут по этому поводу: «...где-то в 595–622 гг. произошло большое переселение славянских племён почти по всем направлениям, исходя из центра Паннонии, где до тех пор они жили вместе с аварами» (Тржешик, 1981, с. 41).

На это указывают и свидетельства лингвистики. Как уже говорилось, среднесловацкие диалекты отличаются от западно- и восточнословацких настолько, что долгое время существовала теория южнославянского происхождения словацкого языка, лишь позднее, под воздействием чешского, втянувшегося в состав западнославянской группы (Грацианская, с. 117–118). Исследование словацкой лексики выявило, что в древности славянское население современной Словакии разговаривало на двух различных диалектах с разным словарным запасом, который можно описать парами рожь – жито, боровица – сосна, слепка – кура, перст – палец и др. (Габовштяк; Грацианская, с. 127). При этом слова «рожь, боровица, слепка» связаны с южными славянами, а «жито, сосна, кура» – со славянами западными и восточными. Любопытно, что в чешском и лужицком

языках, в отличие от польского, кура и сосна также называются «слепкой» и «боровицей». Трудно не связать это отличие с проникновением в чешские и лужицкие земли дунайской посуды, которая неизвестна в Польше, где вплоть до VIII столетия продолжали бытовать старинные пражские горшки, то есть прилива южного славянского населения не произошло.

Итак, в начале VII столетия в северо-западной части славянского мира распространяется славянское население, отличающееся от носителей раннеславянской пражской культуры посудой и погребальным обрядом. Население это на землях Словакии и Моравии называется «славяно-аварским», поскольку его культурные особенности явно указывают на происхождение из Среднего Подунавья. Откуда здесь могли появиться славяне?

По мнению археологов, посуда, напоминающая пражскую, появляется на лангобардских памятниках венгерского Задунавья ещё до прихода авар (Седов, 1995, с. 27). В аварское время на ряде могильников, таких как Покасепетк и Залакомар, обнаружены трупосожжения в урнах, а на раскопанных поселениях, например в Дунауйвароше, найдены полуземлянки с печками-каменками, которые ничем не отличаются от славянских жилищ пражской культуры (Там же, с. 116–118). Этих свидетельств, однако, недостаточно, чтобы говорить о массовом заселении Среднего Подунавья ранними славянами, носителями пражской культуры. Трупосожжения составляют малую долю (не более 10%) от общего числа погребений, похожий погребальный обряд и полуземляночные жилища известны в культуре Ипотешти-Киндешти на нижнем Дунае, которая заметно отличается от пражской (Teodor). Собственно, именно поэтому венгерские археологи отрицают присутствие сколь угодно значительного славянского населения на Среднем Подунавье в аварское время до конца VII столетия. В Венгрии не сделано даже попытки археологически выявить раннеславянский материал ранее этого времени (Археология Венгрии, с. 310).

С последним трудно согласиться: в противном случае происхождение славянского населения с дунайской керамикой и обрядом трупоположения станет совершенно необъяснимым. Убедившись в невозможности вывести дунайских славян с севера, из областей пражской культуры, такой знаток славянских древностей, как Валентин Васильевич Седов, взялся объяснить их происхождение иным путём.

«Антская миграция»

В своей ранней работе он разделил всю раннеславянскую посуду на две большие группы, соответствующие свидетельствам письменных источников о делении ранних славян на собственно «славян» и антов. Первую составили классические пражские горшки с расширением в верхней части тулова, вторую – горшки с утолщением в средней части, напоминающие лепную посуду с поселений пеньковской культуры между Днепром и Днестром, которую в соответствии с Иорданом приписывали антам. Поскольку убеждение в тождестве понятий пражская и ранняя славянская культура являлось (и является до сих пор – Гавритухин, 2009) альфой и омегой славянской археологии, В.В. Седов назвал собственно первую группу керамики «пражско-корчакской», а вторую – «пражско-пеньковской».

Дунайскую обточенную посуду, напоминающую очертаниями «пражско-пеньковские» лепные горшки, он отнёс к второй группе раннеславянской керамики. Появление такой посуды в Среднем Подунавье исследователь объяснил переселением туда антских племён из украинской лесостепи (Седов, 1979, с. 126–133). Другим свидетельством «антской миграции» он считал раннеславянские пальчатые фибулы и ряд других древностей из кладов мартыновского типа, известных как в Подунавье, так и в Поднепровье (Седов, 1995, с. 120–123, рис. 42, 43).

Позднее знаменитый археолог, правда, отказался от попытки вывести серую дунайскую керамику из горшков пеньковской культуры. В своей позднейшей работе он писал: «Привлечение керамического материала для изучения следов антской миграции в Среднедунайский регион малорезультативно. Паннония принадлежала к областям, где в изготовлении глиняной посуды стойко сохранялись традиции поздне-римского гончарства. Значительную часть керамики аварской культуры составляет посуда местного происхождения. Среди привнесённой керамики отчётливо выделяются сосуды кочевнического происхождения. Округлобокие горшкообразные сосуды, характерные для пеньковской керамики, не могут быть выявлены, поскольку аналогичная посуда широко представлена среди поздне-римского наследия. Среди глиняной посуды из могильников аварской культуры есть биконические горшки, по

форме действительно близкие пеньковским сосудам. Однако среди них есть и горшки, изготовленные на гончарном круге. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что эта форма горшков принесена в Среднедунайский регион переселенцами из коренных антских земель» (Там же, с. 123).

Признание провинциально-римских корней дунайской керамики всё же не заставило В.В. Седова отказаться от теории «антской миграции», обоснованием которой остались только находки пальчатых фибул и мартыновских древностей. Если исходить из господствующих в славянской археологии представлений о том, что пражская культура принадлежала «славянам» ранних письменных источников, «антская» принадлежность славянских пальчатых фибул представляется само собой разумеющейся – в области распространения пражской культуры этих находок нет. С другой стороны, славянская природа этих находок не вызывает сомнений: они в большом количестве найдены в Поднепровье, Подунавье и на Балканах, именно там, где исторические известия помещают «славян» и антов.

Правда, в румынской археологии эти древности не считаются славянскими на том основании, что они имеют провинциально-римское происхождение и многие из них были изготовлены византийскими мастерами (Там же, с. 100). Но это касается и других категорий древностей. Например, очень сомнительно, что великолепные ювелирные украшения наподобие пальчатой фибулы из лангобардского погребения Сент-Эндре были изготовлены сами лангобардами.

Валентин Васильевич Седов считал, что непосредственной причиной антских переселений в Среднее Подунавье было аварское вторжение 568 года, когда авары в союзе с лангобардами разгромили гепидов в бывшей Дакии, а затем вынудили союзников покинуть Паннонию и отправиться на завоевание византийской Италии, что, к счастью для лангобардов, им удалось совершить. На освободившиеся после ухода лангобардов дунайские земли вместе с аварами пришли славяне (Там же, с. 28, 122).

Рассмотрим в первую очередь возможность не просто славянского, а именно антского переселения. Вопреки мнению великого славянского археолога, «антская миграция» представляется невозможной в силу принципиальных причин. Дело в том, что письменные источники VI–VII веков, прекрасно различающие «славян» от антов, связывают

славянское заселение Балкан и славянских подданных аварского кагана именно с первыми. Если бы пальчатые фибулы и мартыновские древности в Подунавье и на Балканах действительно принадлежали антам, византийские писатели непременно сообщили бы о массовом вторжении этого племени, что они и делали, описывая в подробностях нашествие авар и «славян» вплоть до Греции (Сообщения Менандра Протиктора, Иоанна Эфесского: Свод, 1994; Феофилакт Симокатта, Чудеса св. Димитрия: Свод, 1995).

Ни о каких походах антов на Балканы в аварское время не известно, более того, будучи союзниками Византии, анты даже старались этим походам воспрепятствовать (Иоанн Эфесский, III; Свод, 1994, с. 287). Что касается Среднего Подунавья, то во время войны с византийцами за Сирмией авары прибегали к помощи именно «славян», известия об антах в этих местах, напротив, полностью отсутствуют (Феофилакт Симокатта, VI, 3–4; Свод, 1995, с. 16–19).

Некоторые исследователи высказывали мнение, что отсутствие упоминаний об антах свидетельствует о быстрой смене самосознания с антского на «славянское» (Васильев, 1992, с. 17). К сожалению, не приводятся причины, заставившие антов принять имя своих заклятых врагов «славян». Во всяком случае, опыт современных межславянских войн в Югославии и на Украине показывает, что наличия одного и того же языка у противоборствующих сторон недостаточно для смены сербского самосознания на хорватское или русского на украинское и наоборот.

Многочисленные находки пальчатых фибул, «мартыновских» украшений, звёздчатых серег харивского типа и трапециевидных подвесок со штампованным точечным орнаментом в Среднем Поднепровье, Подунавье и на Балканах также не могут являться свидетельствами антских переселений. Во-первых, в статье, посвящённой славянским пальчатым фибулам, Й. Вернер показал, что дунайские фибулы древнее днепровских. Первые он датирует второй половиной VI – началом VII века, вторые – концом VI – первой половиной VII века (Вернер, рис. 1, с. 104). Во-вторых, самая ранняя находка пальчатой фибулы вообще была сделана в готском погребении в Реджо-Эмилия в Италии (Шукин, 2005, с. 386). Если они и отмечают какое-либо переселение славян, то речь должна идти о прямо противоположном направлении из Подунавья в По-

днепровье. Выводы Фасмера подтвердили и позднейшие исследования. По мнению украинского археолога Приходнюка, днепровские фибулы, найденные на Пастырском городище, вообще могли быть изготовлены только мастерами, пришедшими из Среднего Подунавья (Седов, 2002, с. 539). По свидетельству крупнейшего знатока А.К. Амброза, в Среднем Поднепровье «искусство VI века пока неизвестно, а местная культура “пальчатых фибул”, относящаяся уже к VII веку, буквально насыщена дунайскими элементами, полученными... непосредственно с запада» (по: Мачинский, 1981, с. 49). Таким образом, привлечение указанных древностей в качестве доказательства антского населения из области пеньковской археологической культуры в Паннонию в силу названных причин кажется невозможным.

Широко распространённое мнение о том, что славяне появились на Среднем Дунае вместе с аварами, которые либо позволили славянам переселиться в покинутую лангобардами страну, либо просто «привели» их с собой (Пеняк, с. 71; Петрухин, Раевский, 1998, с. 223), следует отвергнуть по историческим соображениям. Переселения кочевых племён хорошо известны, и мы не знаем ни одного случая, когда кочевники «водили» за собой подчинённое оседлое население. Наоборот, они стремились найти и покорить себе новые земледельческие области.

Все варвары, переселявшиеся на земли Римской империи, в том числе и сами авары, домогались у императора населённых провинций, а в случае разорения страны просто переселялись в другую, ещё не опустошённую область. Переселение славян под руководством авар из Поднепровья в Подунавье кажется мне не более вероятным, чем массовое перемещение подчинённого аварам (кит. жужаням) оседлого населения из Таримской котловины в Карпатскую.

Славяне и авары

В 568 году в истории Среднего Подунавья началось господство авар. Этот кочевой народ пришёл в Восточную Европу из Монголии. Китайцы называли авар в V – первой половине VI века либо «жужанями», то есть «вредными насекомыми», либо «татарами», по имени их первого кагана Датаня (Татара). Вероятно, авары были монголами по

языку. Подчинявшиеся гуннам предки монголов «дунху», что значит «восточные варвары», в начале II века н. э. распались на два племени: «сяньби» и «ухуаней». Эти китайские имена передают названия *сэрби/сэрви и *авар, известные византийцам как савиры и авары, а славянам как «обры» и, вероятно, «сербы» (Кляшторный, Савинов, с. 47–48). Во II веке сяньбийцы уничтожили гуннское государство в Монголии, а в IV–V веках завоевали Северный Китай, где образовалась империя Северная Вэй, во главе которой стояла сяньбийская династия Тоба. После ухода части сяньбийцев в застенный Китай господство в монгольских степях перешло к ухуаням, которые создали в начале V века государство Жужаней, бывшее непримиримым врагом государства Тоба Вэй.

Около 463 года состоялось первое знакомство византийцев с этими далёкими народами. Приск Панийский (фр. 30) пишет: «...Около того времени к восточным римлянам прислали послов сарагуры, уроги и оногуры, племена, выселившиеся из родной земли вследствие враждебного нашествия савиров, которых выгнали авары, в свою очередь изгнанные народами, жившими на побережье океана и покинувшими свою страну вследствие туманов, поднявшихся из-за разлития океана и появления множества грифов... сарагуры, изгнанные с родины, в поисках земли приблизились к гуннам-акацирам и, сразившись с ними во многих битвах, покорили это племя» (Великое переселение, 2011, с. 135–154). По мнению Равеннского Анонима VII века, потомками акациров являлись хазары: «Хазар вышеупомянутый Иордан называет акацирами» (Космография, IV, 2). В 552 году последний каган жужаней Анахуань был разбит «тюрьками»¹. Большая часть авар подчинилась «тюрькам», но 20 тысяч всадников бежали на запад и в 558 году появились в Восточной Европе (Менандр, 35).

После смерти императора Юстиниана, не жалевшего денег на подкуп варваров, к власти пришёл его племянник Юстин, который решил отказаться от расточительной, по его мнению, политики своего предшественника. Это привело к катастрофическим последствиям: авары вторглись в Среднее Подунавье, а пригласившие их туда для совместной

¹ Беру это слово в кавычки, поскольку речь идёт не о тюрках вообще, как носителях тюркского языка, а об одном из многих тюркских народов того времени, который, собственно, и называл себя «тюрьками». Сравните с собственно «славянами» нашей работы.

борьбы против гепидов лангобарды после разгрома своих соперников напали на византийскую Италию. Плоды многолетних усилий великого Юстиниана пошли прахом, а на северной границе империи возникло враждебное аварское государство, которое тут же начало войну против неё за столицу Паннонии – город Сирмий. «Славяне» приняли самое деятельное участие в этой борьбе на стороне авар: «...хаган... стал лагерем около Сирмия и отправил полчища славян строить, чтобы на кораблях переплыть через реку, а они в соответствии с приказом готовили переправу – что не сделает страх перед начальниками» (Феофилакт Симокатта, VI, 3–4; Свод, 1995, с. 16–19). Откуда взялись эти полчища послушных кагану «славян»?

Византийские историки единодушно помещают «славян» на северном берегу нижнего Дуная, в исторической Валахии. Только оттуда можно было совершать набеги на византийскую Фракию. Феофилакт Симокатта прямо называет Левобережье нижнего Дуная «Славинией» (Феофилакт Симокатта, VIII, 5, 10; Свод, 1995, с. 41). Однако местные «славяне» в указанное время были совершенно независимы. Об этом свидетельствует поведение их вождя Добряты (Давритас), который наотрез отказался подчиняться власти кагана и произнёс в связи с этим хрестоматийную речь (Менандр, 48; Свод, 1994, с. 321). Для этого у него были все основания: отделённый от владений авар на среднем Дунае непроходимыми горными отрогами Карпат в районе Железных Ворот, он мог чувствовать себя в совершенной безопасности. Только в 579 году каган смог рассчитаться с нижнедунайскими славянами, да и то при помощи византийских судов, которые переправили его войска на левый берег Дуная в глубоком тылу славянских владений (Менандр, 50; Литаврин, с. 561).

Строившие в 574 году переправу славяне не могли прийти на средний Дунай вместе с аварами во время их переселения из Северного Причерноморья. Путь авар в Паннонию хорошо известен: они переправились через Дунай в Малую Скифию (Добруджу) и двинулись на запад по южному, византийскому берегу реки (Литаврин, с. 560). Прямой путь в Карпатскую котловину аварам преграждали гепиды в Трансильвании и «славяне» в Валахии. Справиться с ними своими силами, без помощи лангобардов, авары были, видимо, не в состоянии. Достигнуть

владений своих союзников они могли только по правому берегу Дуная. Византийцы не препятствовали аварскому походу, потому что он был направлен против их противников.

С началом готской войны гепиды показали себя врагами империи. В 539 году, после пленения византийцами готского короля Витигиса, они захватили принадлежавшую готам столицу Среднего Подунавья Сирмий, а когда византийцы попытались силой отбить город, наголову разбили войско стратега Иллирика Каллука, который пал в бою (Marcellini, a. 593, S. 106)¹. В 540-х годах у гепидов и «славян» скрывался беглый лангобардский царевич Ильдигиз, который с шеститысячным славянским войском выступил в Италию на помощь готскому королю Тотиле (Прокопий, VII, 35, 12–20; Свод, с. 189, 191). Гепиды переправили на свой берег реки возвращавшееся из грабительского набега за Дунай славянское войско, которому византийцы сумели отрезать путь к славянскому участку побережья (Прокопий, VIII, 25, 5; Свод, 1994, с. 201).

Обогнув владения гепидов и славян с юга, авары достигли принадлежавшего лангобардам венгерского Задунавья и переправились на левый (в этом месте – восточный) берег Дуная в районе Дунасекче (Седов, 1995, с. 110) и вместе с лангобардами нанесли гепидам решительное поражение, следствием которого стала гибель их королевства. Славянские союзники гепидов в Олтении и Мунтении при этом не пострадали. Спустя несколько лет их князь Добрыта похвалялся, что славяне-де привыкли воевать на чужой земле, а их землю ещё никому не удавалось разорить (Свод, 1994, с. 321). Первый раз аварам удалось это сделать только в 579 году, поэтому совершенно невозможно, чтобы в осаде Сирмия принимали участие какие-либо выходцы из «Славинии» на нижнем Дунае, будь то пленные или подданные авар.

Не могли авары привести с собой славян из Северного Причерноморья, где авары находились с 558 по 567 год. Менандр Протиктор прямо сообщает, что после убийства антского посла Мезамира авары не переставали нападать, порабощать и грабить антов (Менандр, 6; Там же, с. 317). Авары за время пребывания в Причерноморье разгромили все местные племена, а именно савиров, салов, утигуров, кутри-

¹ Calluc magister militum cum Gepidas primum feliciter dimicans secundo infeliciter fuit.

гугуров и антов (Менандр, 5–7). «Славяне» в этом списке отсутствуют, и это значит только то, что авары в десятилетие своего пребывания в Причерноморье вообще не сталкивались со «славянами». Причиной этому могло быть только полное отсутствие «славян» в славянских землях к востоку от Карпат.

Это, между прочим, ещё раз подтверждает мысль (глава «Славяне и анты»), что пражская культура, несомненно принадлежавшая славянскому населению, не имеет никакого отношения к собственно «славянам», – её носителями были «бесчисленные племена антов». Даже если бы авары и привели с собой в Паннонию славянский «полон», это были бы анты, о которых там нет никаких известий. Итак, подчинённые аварам «славяне», наводившие переправу при осаде Сирмия, не могли быть никем иными, кроме местных жителей. Скорее всего, они были потомками тех самых «скифов», которые за 100 лет до описываемых событий в этих же самых местах угощали Приска Панийского и его спутников напитками со славянскими названиями «медос» и «камон» (мёд и коминяк).

Возникает вопрос, почему Прокопий Кесарийский, хорошо знавший славян, не упоминает их среди жителей Среднего Подунавья. Он пишет, что «выше их (адриатических венетов) сиссии и свебы (не подданные франков, но кроме них были ещё и другие) занимают срединные земли, а за ними основались карнии и норики. Направо от них живут даки и паннонцы, которые, кроме других местечек, занимают Сингедон и Сирмию, простираясь до реки Дунай» (Прокопий, V, 15, 27; с. 127). Вероятно, потому, что в отличие от нижнедунайских «славян», свободных и совершенно независимых от империи, славянское население Норика и Паннонии считалось римскими подданными и именовалось традиционными именами, производными от названий провинций.

Около 547 года император Юстиниан водворил в Паннонии (венгерском Задунавье) германское племя лангобардов, которое должно было противостоять бывшим союзникам Византии гепидам, разорвавшим в 539 году союзный договор с империей. Положение федератов давало им право на треть поземельного налога и жилищ провинциального населения. Прокопий пишет, что, несмотря на огромные денежные субсидии, лангобарды совершали набеги на Иллирик и Далмацию, жители которых были ими «порабощены» (Прокопий, VII, 33). Павел

Диакон пишет о завоевании Италии своими соплеменниками: «В эти дни многие из знатных римлян были убиты из жадности. Прочие же, поделенные лангобардами, захватившими землю, чтобы платить им [лангобардам] третью часть своих плодов, были превращены в трибутариев» (Павел Диакон, II, 31; Шервуд, с. 31). Надо полагать, что и в Паннонии лангобарды жили за счёт местного населения, платившего им дань (*tributum*).

По первоначальному соглашению между королём Альбоином и каганом Бояном авары должны были получить землю гепидов в Потисье и Трансильвании, однако после разгрома гепидов авары, вероятно, настолько усилились, что лангобарды решили не искушать судьбу и, заключив с аварами вечный мир, 2 апреля 568 года навсегда оставили Паннонию. Вместе с лангобардами в Италию отправилась и некоторая часть паннонцев (Павел Дьякон, II, 26), но вряд ли это означало полный уход местного земледельческого населения в Италию. По сообщению папы Григория Великого, численность населения Италии достигла наибольшей величины как раз накануне лангобардского завоевания (Шервуд, с. 41). Поэтому и для лангобардов не было никакой нужды уводить с собой сельское население Паннонии – в Италии было кому платить трибут. Скорее всего, вместе с ними ушли местные византийские воины, которых варвары охотно принимали в свои ряды. Прокопий пишет, что даже спустя несколько десятилетий после завоевания Галлии франками в их рядах сражались потомки местных воинов в римской одежде и под старыми легионными знамёнами (Прокопий, V, 12, 18; с. 116).

Сменившие лангобардов авары должны были сменить их в роли получателей дани с местного населения. О том, что оно собой представляло, пишет в своей «Хронике» Фредегар: «Гунны [авары] каждый год приходили зимовать к славянам, брали жён славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань (*tributa*)» (Фредегар, IV, 48; Свод, 1995, с. 367). По свидетельству того же Фредегара, помимо дани и постоя славяне должны были участвовать в аварских военных походах. Примерную долю славянского населения в Аварском каганате позволяет оценить свидетельство о составе пленных попавших в руки византийцев после сокрушительного поражения кагана под Сирмием в 599 году: 3 тысячи авар (17%), 6 тысяч других

Славяне на Дунае

варваров, очевидно гепидов и кутригуров (35%), и 8 тысяч славян (47%) (Феофилакт Симокатта, VIII, 3, 13; Свод, с. 41). Учитывая то, что у кочевников все боеспособные мужчины были воинами, а земледельцы-славяне могли выставить на войну только часть мужского населения, можно предположить, что доля славян среди подданных аварского кагана была выше.

Согласно антропологическим исследованиям аварских могильников в Среднем Подунавье, доля монголоидов (то есть кочевников авар и кутригуров) составляет около 15% от общего числа погребённых (Ruttkaу, S. 191). Это значит, что подавляющее большинство населения Аварского каганата в Подунавье составляли местные жители – славяне и гепиды. Если вспомнить, что королевство гепидов занимало восточную часть Карпатской котловины – Алфёльд и Трансильванию, нужно будет признать, что в собственно Паннонии (венгерское Задунавье, венг. Дунагуль) славяне являлись основным населением. В этой связи понятными становятся известия Константина Багрянородного о «славянах... называемых также аварами» (Константин Багрянородный, 29; с. 111).

Таким образом, аварская держава в Среднем Подунавье представляла собой типичное варварское королевство, ничем не отличавшееся по своему внутреннему строю от прочих, образовавшихся на землях бывшей Римской империи. Господствующий и относительно немногочисленный слой в нём занимали «свободные» (от налогов) варвары, единственной повинностью которых своим «королям» была военная служба. Большая часть населения состояла из «порабощённых» местных жителей, обязанных платить завоевателям дань (трибут).

Смысл этих взаимоотношений выражен словами готского короля Феодориха, что римляне платят ему налоги (*tributa*), в то время как готы исполняют его приказы и защищают римлян от набегов врагов (Удальцова, с. 181; Cassodor. *Varia*, VI, 24, 1). Важно отметить, что трибут (*capitation terrena*) выплачивался только владельцами (*possessores*) земли. Лица, сидевшие на чужой земле, платили подушную подать (*capitatio humana*) (Шервуд, с. 26–27). Если бы славяне пришли или были приведены на принадлежавшие аварам по праву завоевания земли Паннонии, они никоим образом не смогли бы стать землевладельцами-трибутариями,

а оказались либо свободными пришельцами (*coloni*), либо посаженной на землю челядью (*mancipia, servi*) – то есть в состоянии несовместимом с выплатой трибута.

Правда, в отличие от большей части варварских государств, где подчинённое население было романоязычным, аварские «трибутарики» были славянами. В этом смысле Паннония V–VI веков напоминает Британию того же самого времени, где саксонские варвары господствовали над потомками провинциально-римского населения, которое не знало ни слова на «языке римлян» и изъяснялось исключительно по-кельтски. Как известно, варварское население подобных государств достаточно быстро утрачивало родную речь и переходило на язык местного населения. В настоящее время среди исследователей всё больше распространяется убеждение, что славянский язык был *lingua franca* в Аварском каганате, а накануне падения государства вообще вытеснил аварскую речь, от которой не осталось никаких следов ни в языке, ни в топонимии Венгрии (Curta, 2004).

Если отвлечься от «восточной экзотики», то аварское государство в Паннонии является образом и подобием своего гораздо более знаменитого современника – Арабского халифата Омейядов. Последний также был создан в ходе завоевания кочевниками (слово «арабы» собственно это и значит) римских провинций Ближнего Востока и Африки. Как и в халифате, славянские «феллахи» попали в зависимость от аварских и болгарских «бедуинов», которым они должны были выплачивать поземельный налог (*tributum, «харадж»*). Единственным отличием было то, что «покровительствуемое» население халифата было отстранено от военной службы, уплачивая вместо неё подушный налог «джизью». Славяне же были обязаны сражаться.

Фредегар пишет, что «виниды издревле были “бефульками” (*befulci*) гуннов, так что, когда гунны выступали войной против какого-либо народа, гунны скрывали своё войско в укрепленном лагере. Виниды же сражались: если побеждали, гунны выступали забирать добычу, если же виниды терпели поражение, гунны приходили на помощь. Поэтому они назывались от гуннов “бефульками”, что в бою они образовывали перед гуннами двойную боевую линию» (Фредегар, IV, 48; Свод, 1995, с. 366–367).

Собственно «славяне» и дунайская керамика

Венгерские археологи отрицают наличие славянского населения в Паннонии в аварское время. По их мнению, славяне появились здесь только в IX столетии, после разгрома каганата франками (Археология Венгрии, с. 310). Такая точка зрения, как ни странно, совпадает с мнением категорически несогласных с ними славянских археологов. И те и другие считают славянскими только «пражские» древности, в первую очередь лепную посуду и погребения по обряду трупосожжения. В самом деле, таких славянских памятников в большей части Среднего Подунавья либо вообще нет, либо они обнаружены в крайне незначительном количестве (Седов, 1995, с. 118). Если же мы откажемся от традиционной точки зрения на пражскую культуру как на воплощение славянства, аварская археология покажется нам совершенно в ином свете.

Как уже говорилось выше (глава «Славяне и анты»), пражская культура не имеет к собственно «славянам» никакого отношения, поскольку носителями её были славянские племена антов. Со «славянами» под властью авар следует связывать другую категорию древностей: серую дунайскую керамику, обточенную на гончарном круге ручного вращения. Эта посуда широко представлена на памятниках Среднего Подунавья, преимущественно в его западной части, то есть собственно Паннонии, откуда выводят славян их собственные предания (Русанова, с. 115–116, 163, рис. 45; Седов, 1979, рис. 20; Stadler, S. 139; Macháček, 1995, 1997). Серая керамика составляла в целом около 5% от всей посуды, найденной в аварских погребениях, хотя в Паннонии её доля возрастает до 25–30% (Bialekova, 1968). В поселении аварского времени Дунауварош из 624 черепков 56 относились к дунайской серой керамике. Обломки этих сосудов были найдены в 19 из 26 раскопанных жилищ (Bóna, 1973, S. 151).

Как уже было сказано выше, серая дунайская керамика имеет местное происхождение – от провинциальной римской посуды (Fusek, 1994, S. 98). Считать её принадлежащей аварам нет никаких оснований. Во-первых, потому, что этой посуды практически нет к востоку от реки Дуная, а именно там, в покрытой заливными лугами «пуште», селились все кочевники, в разное время оказавшиеся в Карпатской котловине. Во-вторых, эта посуда распространена в несомненно славянских об-

ластях, таких как междуречье Эльбы и Заале, где никому не придёт в голову искать авар.

Другим признаком славян под властью авар является тип жилища. В Подунавье на поселениях известны два типа типа жилищ: прямоугольные полуземлянки с печами-каменками или вырезанными из глины и круглые юртообразные постройки (Седов, 1995, с. 116). Первый тип ничем не отличается от обычной славянской землянки, известной по всему славянскому миру. Венгерские археологи, впрочем, настаивают на том, что в Среднем Подунавье в этих полуземлянках жили авары. Трудно сказать, на чём основано это мнение. В советской науке было принято считать кочевничество каким-то временным состоянием общества на пути к неизбежной оседлости. Эта точка зрения отразилась в названии известной книги С.А. Плетнёвой «От кочевий к городам». Поэтому переход кочевников к земледелию и оседлой жизни считался неизбежным и даже естественным.

Вместе с тем это полностью противоречит историческим известиям о настоящих кочевниках, которые чрезвычайно дорожат своим образом жизни, отказываются от него в самых крайних обстоятельствах и, даже превратившись от великой нужды в оседлого земледельца, при первой возможности возвращаются к прежней жизни¹. Отказ от кочевой жизни означал серьёзное понижение статуса человека в скотоводческом обществе. Например, у арабов истинными «бедуинами» считаются только племена, разводящие верблюдов. Полуоседлые овцеводческие племена «шавия» считаются уже людьми второго сорта, не говоря уже о земледельцах-феллах.

В середине XIII века в Венгрию переселилась последняя волна кочевников: половцев и ясов, которым были выделены земли в междуречье Дуная и Тисы. Очутившись в благодатной для скотоводства пуште, они продолжали вести обычный образ жизни, не подавая никаких признаков стремления к оседлости. Когда в конце XIII века их силой заставили отказаться от язычества, непременным условием крещения был отказ от кочевой жизни (Плетнёва, 1990, с. 180–181), который, впрочем, так и не был выполнен: до конца XIV столетия куманы и ясы продолжали жить

¹ «Цыганская воля» как яркий пример душевного склада кочевника.

Славяне на Дунае

в шатрах. Авары отличались от половцев тем, что они были господами в стране. Непонятно, что заставило их отказаться от привычных юрт и переселяться на зиму в землянки.

Жители раскопанных поселений аварского времени жили в землянках, отапливаемых печами, и пользовались для приготовления пищи горшками. Горшок и печь предназначены для приготовления зерна – обычной пищи славянского земледельца. Кочевник, напротив, варил мясо на открытом огне очага в котле. Венгерская поговорка «Каша – не еда, телега – не повозка, славянин – не человек»¹ точно отразила разницу между славянами, питавшимися кашей с молоком, и венграми, которые ели «гуляш», то есть мясо с овощами или просом. В известном рассказе Геродота о персидском посольстве к царю эфиопов последний, узнав, что представляет собой хлеб, который ест персидский царь, заявил, что тот питается навозом. Пищей самого эфиопа было мясо и молоко (Геродот, III, 22).

Вышесказанное отнюдь не значит, что кочевники-авары не пользовались глиняной посудой. В аварских всаднических погребениях найдены кувшины или фляги. Основную часть керамики аварского времени составляет всё же грубая лепная посуда тисского типа, которая, скорее всего, не использовалась для приготовления пищи. Баночная форма этих сосудов не позволяет использовать ухват, без которого горшок нельзя ни посадить, ни достать из печи. Очевидно, железный котёл был для авар главным орудием приготовления пищи.

Славяне и кестхельские древности

В 626 году Византийская империя, казалось, вот-вот разделит судьбу римского Запада: восточные провинции были захвачены персами, Балканы – аварами и славянами, сам Константинополь был осаждён. Город, однако, устоял. Ночной приступ с моря, на который каган послал славян, был отбит, уцелевшие были перебиты по его приказу. В «Пасхальной хронике» сообщается, что, увидя это, «снялись и ушли славяне – потому-то и проклятый каган был вынужден уйти и последовать за ними» (Свод,

¹ A kása nem étel, a taliga nem szekér, a tót nem ember.

1995, с. 79). Эти события положили предел «боевому сотрудничеству» авар и славян, основой которых была успешная, приносящая добычу и новые земли война с Византией.

Вероятно, потеряв источник обогащения, аварская знать усугубила нажим на своих славянских подданных, точно так же как это сделал три столетия спустя русский князь Игорь, тоже потерпевший неудачу в походе на Царьград. Итогом стало восстание славян, во главе которого стал франкский купец Само, носивший имя святого, который до сих пор поминается в православном чине водосвятия¹. Согласно Фредегару, эти события происходили в 623 году, но вряд ли славяне пошли бы на восстание в разгар победоносной войны и в предвкушении захвата и разграбления тогдашней «столицы мира».

Сообщение Фредегара о том, что приходившие зимовать к славянам авары забирали у них жён и дочерей, находит полное соответствие в летописном отрывке: «Си бо угри почаша быти при Ираклии цари, еже находиша на Хоздроя, царя перьского. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словѣнѣхъ, и примучиша дулѣбы, сущая словѣне, и насилие творяху женам дулѣбским: аще поѣхати будяше обърешу, не дадеше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обърѣна и тако мучаху дулѣбы» (ПВЛ, с. 14).

Дулэбы известны в трёх местах славянского мира: на Волыни, в Южной Чехии и в венгерском Задунавье (см. главу «Расселение славянских племён»). По мнению В.Д. Королюка, в летописном рассказе речь идёт именно о дунайских дулэбах (Королюк, 1963). На это указывает и само название племени, происходящее от кочевого понятия «тат», зависимый земледелец (глава «Собственно “славяне”»), которое могло появиться только в местах совместного проживания авар и славян, то есть на Дунае, но не на Волыни или в Чехии.

Имя дулэбов трижды упоминается в памятниках IX века в области между юго-западной оконечностью озера Балатон и рекой Мурой, именно там, где располагалось ядро владений славянских князей Прибины и его сына Коцела. Согласно «Обращению баваров и хорутан», около

¹ Святые мученице Самоние и Авивие, молитв Бога о нас!

830 года «некий» Прибина бежал из Моравии к франкам и получил от императора земли в Нижней Паннонии (область к востоку от реки Рабы), а в 847 году стал правителем этой провинции. Столицей его владений стал построенный около современного Залавара Mosapurc или *Urbs paludagum*, то есть «Болотный город», впервые упомянутый под этим именем в 865 году. Это была типичная славянская крепость, построенная среди заболоченной поймы Малого Балатона на острове, который до сих пор называется по-венгерски *Vársziget* «замковый остров» (Szóke, 2014, p. 263). После гибели Прибины в 861 году власть перешла в руки его сына Коцела, который вместе с моравским князем Ростиславом просил византийского императора Михаила прислать учителей христианства. В «Сказании о славянских письменах» Черноризец Храбр упоминает Коцела как «князя Блатьска», то есть правителя либо «града Блатьска», либо «земли Блатьской» (Развитие, 1982, с. 244), то есть Паннонии, имя которой означает «болотная» (прусс. *rannean* «болото» – Трубачёв, 2013, с. 140).

Земли на юго-западной оконечности озера Балатон без преувеличения можно считать самой «славянской» частью Венгрии. «Нигде в Венгрии, ни в долинах рек Ипоя (Ипеля), Самоша-Самошхат, ни на северных и западных склонах гор Баконь, мы не встречаем такого обилия славянских топонимов, как в области Залы даже в XI веке. Ещё более часты славянские топонимы у Канижи и вблизи мелких речек, впадающих в Малый Балатон с юга» (Симонова, с. 61). Вместе с Верхним Потисьем (область Земплена) окрестности Мозапурка являются местом плотного скопления славянских археологических памятников IX века (Там же, карта 1).

По мнению венгерских археологов, местное славянское население IX века вело происхождение от людей, обитавших здесь во второй половине VI – VII веке. Об этом свидетельствует наличие большого числа могильников, оставленных в конце VII века и вновь возобновлённых в IX столетии, после гибели Аварского каганата. Прежние жители вернулись на старое место из восточноальпийских областей, где они пребывали на протяжении VIII столетия. В числе этих могильников находятся Покасепетк, Залавар, Орослань и ряд других, на которых обнаружены захоронения по обряду трупосожжения, которые, несо-

мненно, принадлежат славянам. Как полагает Бела Миклош Сёке, эти славяне были волынскими дулебами, которые захвачены в плен во время похода аварского воеводы Апсиха против антов в начале VII века и приведены в окрестности Балатона для заселения пустовавших земель (Szóke, 1991, S. 15).

Это вывод едва ли вытекает из имеющихся в нашем распоряжении источников. Не говоря уже о неправдоподобии «привода» славян и вообще какого-либо оседлого населения, следует обратить внимание на существенную деталь: трупосожжения составляют незначительное меньшинство на биритуальных могильниках VI–VII веков. Иными словами, потомки погребённых по обряду кремации дулебов должны были бы составлять такое же незначительное меньшинство среди поданных Прибины и Коцела. Кем же тогда было большинство населения «Блатского княжения», чьи предки погребались в VII веке на тех же самых могильниках по обряду трупоположения?

По мнению венгерских исследований, трупосожжения принадлежали славянскому, а трупоположения – аварскому населению (Ibid., S. 16). Из этого следовал бы логический вывод, что Прибина и Коцел княжили среди потомков авар, что противоречит всем без исключения письменным источникам и сведениям топонимики, согласно которым оба князя правили славянами. Таким образом, мы должны признать, что большая часть погребённых на могильниках в окрестностях Балатона в VII столетии людей имели славянское происхождение, вне зависимости от того, были они погребены или сожжены. Разумеется, на этих могильниках могли покоиться и авары, но их захоронения должны определяться по другим признакам, таким как монголоидность, погребения коня, наличие оружия и т. п.

Если в IX веке столицей Задунавья было поселение Залавар-Варсигет, известное в источниках как *Urbs paludarum*, то в VII столетии центром этой области было расположенное в нескольких километрах от «Болотного города» поселение Кестхей-Фенекпуста. Венгерские исследователи отождествляют его с римской крепостью *Norgeum Valcum*, которая в V веке была столицей готского королевства в Паннонии, откуда в 473 году они ушли в византийские владения на Балканах, где и оставались последующие 20 лет (Шаги, 1982). В первой половине VI века

город был заброшен и его возрождение началось только после 568 года, когда власть над Паннонией перешла из рук лангобардов к аварам (Кланица, Тршежик, 1991, с. 13).

С Кестхеем (венг. Keszthely < слав. *kostelъ «костёл» < лат. castellum) и его окрестностями связаны находки памятников так называемой кестхельской культуры. Первоначально этим именем называли всю позднеаварскую культуру VIII века (Археология Венгрии, 1986, с. 320). В послевоенное время понятие кестхельской культуры стало прилагаться только к отдельной группе могильников, расположенных около южной оконечности озера Балатон.

Богатые погребения на этих могильниках содержали характерные украшения: большие серьги с ажурными корзинками, круглые бляшки от фибул или пряжек, игловидные булавки в виде античного стилоса для письма, браслеты с головами змей, а также трапециевидные подвески; похожие украшения найдены и в Югославии. О том, что это население было христианским, говорят находки круглых бляшек-медальонов с изображением святого Георгия, поражающего змия, а также бутылочек для святой воды, которые были доставлены сюда из синайских монастырей (Curta, 2005, p. 184).

В кестхельских находках видят свидетельство проживания в аварской Паннонии потомков «романизованного» населения III–IV веков или полагают, что речь идёт о переселённых жителях Сирмия, захваченного аварами в 582 году (Балинт, с. 59; Kesthely, S. 471). На основании находки золотого браслета с латинской надписью BONOSA делается вывод о романоязычии местного населения. Процветание города закончилось вместе с раннеаварской культурой: в конце VII века¹ город был разрушен, а кестхельская культура растворилась в единообразной позднеаварской культуре VIII века. Остатки христианского населения могли сохраниться в Паннонии вплоть до конца этого столетия, о чём свидетельствует упоминание на церковном синоде 796 ad ripas Danubii года о невежественных священниках среди авар, которые проводили крещение без молитвы (Curta, 2005, p. 182).

¹ Датировка зависит от даты окончания раннеаварской культуры, которая колеблется от 630-х до 680-х гг.

Присутствие в аварской Паннонии христианской общины, не связанной с западной церковью, позволяет объяснить одну странную особенность славянской церковной терминологии. После падения Аварского каганата славянское население Среднего Подунавья стало целью миссионерской деятельности зальцбургского архиепископства, подробности которой описаны в «Обращении баваров и хорутан». Когда Кирилл и Мефодий начали переводить Священное Писание, они должны были использовать уже имевшиеся в языке дунайских славян христианские термины западного происхождения. Речь идёт о таких словах, как церкы «церковь» (нем. Kirche), алтарь (нем. Altar). Однако такие важнейшие понятия, как «крест» и «распятие», не имеют никакого отношения в деятельности франкских миссионеров, поскольку они не имеют латинского или немецкого происхождения.

Славянское слово «крест» происходит от имени Христа и объясняется переносом значения имени распятого на распятие. Почему славяне, в отличие от прочих народов, не заимствовали латинское или греческое слово *сгух* – ставрос – можно только гадать. Что касается славянского слова «распять», то оно заимствовано из готского слова (*us*) *hranjan* «растянуть, распя(ли)ть» в Библии Ульфилы (Мурьянов, с. 48). Выражаясь лингвистическим языком, мы имеем дело с «эксклюзивной гото-славянской изоглоссой»: во всех остальных языках, включая, разумеется, греческий и латынь, распятие передаётся словом «повесить (на древе)». Ясно, что независимое возникновение понятия «распятия» в готском и славянском языках маловероятно. Это слово могло быть усвоено славянами только во время совместного проживания с готами.

Едва ли такое заимствование могло быть сделано к северу от Карпат, во времена существования в Северном Причерноморье готской державы, воплощённой в черняховской археологической культуре. Отношения готов с местными славянами (именно антами-венетами) были откровенно враждебными, да и едва ли христианство в то время укоренилось ещё у самих готов. Другое дело – Паннония, где готы поселились вместе с гуннами и которой владели почти 100 лет, с 455 по 539 год, то есть от разгрома гуннов при Недао до пленения короля Витигиса в Равенне. Здесь готы стали уже христианским, хотя и еретическим (арианским) с точки зрения православных племенем. Об этом говорит самое имя ве-

ликого готского короля Феодориха, названного в честь святого Фёдора Стратилата (Мурьянов, 2003, с. 386). Любопытно, что в «Капитанской дочке» Пугачёв тоже называет короля Фридриха Великого, на этот раз прусского, Фёдором Фёдоровичем.

Свидетельствами совместного проживания славян и готов в Паннонии являются, во-первых, памятники далматинской письменности (поп Дуклянин, Фома Сплитский), где славяне отождествляются с готами, а во-вторых, с «готским» самоназванием части местных славян. Так, первый правитель хорватов Борна именуется во франкских источниках *dux Guduscanorum* (Развитие, 1982, с. 173), что связано с названием хорватской жупы *Gout(η)ská* (славянская Гацка) на Карстовом нагорье (Константин Багрянородный, с. 133). Связь этих названий со славянским названием готов (ср. Гданьск и Гдов) совершенно очевидна (Трубачёв, 1997, с. 106).

Известно, что готы были арианами. В связи с этим нельзя не вспомнить ставящий в тупик исследователей арианский символ в летописном рассказе о крещении Владимира. Этот символ мог попасть на Русь только из Подунавья, вместе с кирилло-мефодиевской традицией (Кузьмин, 2003, с. 176). Разумеется, что речь идёт не о наследии самих просветителей славян, в православии которых никто не сомневается. Скорее всего, мы имеем дело с каким-то докирилломефодиевским пластом славянского христианства, сохранившимся вместе со словами «крест» и «распятие» в славянском религиозном языке. Следует подчеркнуть, что речь идёт о традиции именно дунайских и балканских славян, поскольку славянам к северу от Карпат слово «крест» неизвестно. Вместо него в чешском и польском языках используется слово «крыж», заимствованное из латинского *crux*.

Основная масса готов покинула Паннонию в 473 году. Историк готов Иордан, не забывший упомянуть о «малых готах», оставшихся в Мёзии, ничего не говорит об остатках готского населения в Паннонии. Следующее германское племя, лангобарды, поселилось в Паннонии только спустя полвека, около 547 года, и пробыло здесь до весны 568 года, то есть меньше жизни одного поколения. В отличие от готов лангобарды говорили на западногерманском наречии, близком языку англосаксов (Шервуд, с. 30). В англосаксонской Библии слово «распять» передаётся

глаголом... «повесить (на древе)», не имеющим ничего общего с готским (us)hramjan.

Славяне могли заимствовать соответствующую религиозную терминологию только у готов и только в Паннонии. Кроме этого, слово «распять» не могло дожить до времён Кирилла и Мефодия в языческой среде – для этого нужна была некая устойчивая христианская община, существовавшая с VI по IX век, вплоть до прихода славянских проповедителей. В Паннонии известна только одна такая община, которая проживала на южной оконечности Балатона, где в V веке располагалась готская столица Валкум, в VI–VII веках – Castellum в Фенекпусте, а в IX – столица славянских князей Прибины и Коцела «город на болотах», при дворе которых и разворачивалась деятельность «первоучителей словенских». В археологическом смысле речь идёт о носителях кестхельской культуры.

Кестхельское население непрерывно проживало на юго-западе Паннонии вплоть до разгрома Аварского каганата на рубеже VIII–IX веков. Несмотря на то что культура населения Карпатской котловины в позднеаварское время, в отличие от раннеаварского, становится единой, собственно кестхельские погребения можно выделить и тогда по так называемым «гигантским» корзиночным серьгам и заколкам для волос в виде «трости» (стилоса) для письма (Археология Венгрии, с. 320; Дайм, с. 299).

При этом нельзя забывать, что вплоть до выделения «собственно кестхельской» культуры на южной оконечности Балатона именем кестхельской называли всю «позднеаварскую» культуру» VIII века. Славянская принадлежность этой культуры была непререкаемой (Кулаков). Только после войны, когда венгерские археологи занялись целенаправленным «расславяниванием» археологических памятников Среднего Подунавья, такие явно славянские по облику культуры, как кестхельская и Бело Брдо, получили несвойственные для археологии этнические наименования «позднеаварской» и «ранневенгерской».

Когда в 830 году славянский князь Прибина получил бенефиций в Паннонии, сердцем его владений стала область, населённая носителями кестхельской культуры. Как уже говорилось, подданные Прибины именуются во всех источниках не иначе, как «славянами». Если бы ис-

ключительно славянское население «города на болотах» и его окрестностей появилось здесь только в начале IX века, пришлось бы предположить полное ославянивание местного «кестхельского» населения в течение жизни одного-двух поколений, что совершенно невозможно. Завоевание аварской державы, в отличие от покорения Саксонии, было в сущности бескровным. Вторжение франков послужило поводом к началу гражданской войны, развалившей каганат. Решающий удар по аварам тоже был нанесён «местными» силами: знаменитый «ринг» был захвачен войском во главе с Войномиром. Вряд ли Карл Великий, по приказу которого действовал Войномир, поставил славянина во главе франкской армии (Свод, 1995, с. 467). Фактически речь идёт о восстании славянского населения против господствующей аварской прослойки, которая вынуждена была спасаться от нападений славян под защиту тех же франков. В 805 году «к императору пришёл каган, аварский князь с просьбой дать ему место для поселения между Сабарией и Карантанией, ибо из-за вторжений славян он не может более оставаться в прежних местах» (Саксон Анналист, с. 42).

Славянство носителей кестхельских древностей подтверждается не только историко-филологическими, но и чисто археологическими соображениями. Современные исследователи кестхельских древностей подчёркивают их провинциально-римскую и христианскую принадлежность. При этом как бы на полях остаётся то обстоятельство, что в кестхельских захоронениях найдены предметы, которые в любом другом месте считаются свидетельствами пребывания славян. Речь идёт о пальчатых фибулах, звёздчатых серьгах и так называемых «мартыновских» украшениях, которые считали свидетельством «антской миграции» из Поднепровья на Дунай.

Мартыновские древности обнаружены в славянском могильнике в Коринфе. «Следы славянской культуры в Коринфе скудны, но они есть. Известно трупоположение с “пражскими” сосудами, найдены серьги “антского” типа». Даже такой скептически настроенный в отношении славянских древностей венгерский исследователь, как Чанад Балинт, вынужден был признать, что кестхейские находки «идентичны тем, которые отдельные исследователи хотят связать с восточными славянами под властью авар» (Балинт, с. 58–59).

Как было показано выше, ни «антское», ни «славянское» переселение в Среднее Подунавье невозможно по принципиальным соображениям, а соответствующие древности, скорее всего, распространились с Дуная на Балканы и в Поднепровье. Как и в случае с культурой карпатских курганов, единая кестхельская культура искусственно расчленяется на «местную» и славянскую составляющие, которые противопоставляются друг другу как взаимоисключающие. С этим связано, по нашему мнению, появление замысловатых определений, которые называют памятники Задунавья аварского времени «до сих пор не идентифицированным культурным комплексом», существовавшим на территории, покинутой лангобардами и другими германцами. Носителями этой среднедунайской культуры могли быть «союзники авар, находившиеся в тесном общении с соседними славянскими областями» (Кланица, Тршежик, 1991, с. 13).

Таинственное «неидентифицированный культурный комплекс» принадлежал славянам. Но эти славяне не были пришельцами из «соседних славянских областей», занятых пражской культурой. Дунайские «славяне», оставившие кестхельские и мартыновские древности, были коренным населением Среднего Подунавья – потомками летописных «нарцев», жителей Норика и Паннонии.

Государство Само и расселение «славян»

Источники позволяют выявить и племенное название кестхельского населения. Русская летопись именует дунайских славян, попавших под власть авар, дулебами (ПВЛ, с. 14). Это же племенное название трижды упомянуто по отношению местностей под властью Прибины и Коцела, при этом в одном случае речь прямо идёт о сооружении церкви в «дулебском графстве»: *Tudleipin* (ММФН, III, 60, № 30), *Dudleipa* (ММФН, III, 128, № 111), *comitatu Dudleipa* (Conversio, 1979, S. 54–55).

Как уже говорилось выше, славянское племенное название дулебов восходит к тюркскому названию покорённого земледельческого населения «таты». В форме «*tót*» оно вплоть до недавнего времени использовалось в венгерском для обозначения словаков и словенцев. Прообразом славянского *дудлѣби послужило, вероятно, тюркское выражение, которое по-турецки звучало бы как *tatly oba* «татское племя» или *tateli oba*

«племя татской земли». Такое название могло появиться только в местах совместного проживания аварского и славянского населения, то есть в Паннонии, откуда оно распространилось на прилегающие к Карпатской котловине земли: Чехию, Южную Польшу, Волынь и междуречье Эльбы и Заале, в котором дулебы были известны под именем «далматов», «далеминцев» или «гломачей». Надо отметить, что антами, то есть славянами к северу от Карпат, дулебы рассматривались как чужаки. Об этом свидетельствует сохранившееся русское диалектное «дулеп» – «болван» (ЭССЯ, V, с. 147–148).

Расселение дулебов из Подунавья следует связывать с распространением серой обточенной керамики дунайского типа. Несмотря на то что происходила она из земли, занятой аварами, её нельзя считать следствием аварского завоевания. Область их прямого владычества хорошо выделяется по погребениям всадников, которые отсутствуют в областях распространения дунайского керамического типа за пределами Карпатской котловины. Появление здесь обточенной посуды, городищ, построенных «римским» способом, и обряда трупоположения стало следствием расселения дунайских «славян» в VII веке среди местного славянского населения, принадлежащего другой культуре, для которой были характерны пражская лепная посуда, отсутствие городищ и обряд трупосожжения, то есть среди потомков антов.

Эти внутриславянские передвижения, коль скоро авары не имеют к ним прямого отношения, можно отнести только ко времени существования государства Само. Как известно, славянское государство Само существовало «благополучно 30 и 5 лет», начиная от первого упоминания о нём в 623 году до его смерти около 658 года (Фредегар, IV, 48; Свод, 1995, с. 367). Местоположению государства Само посвящена огромная литература, при этом едва ли не основное внимание уделяется поиску крепости Вогагисбурга, где в 631 году славяне наголову разбили войско франков во главе с последним крупным представителем меровингской династии королём Дагобертом, отложив таким образом франкское продвижение на восток на полтора века.

При этом без внимания остаётся то обстоятельство, что существование славянского государства Само совпадает по времени с «исчезновением» авар. С 630 года, когда Фредегар говорит о гражданской войне

между аварами и болгарами до 663 года, когда Павел Дьякон говорит о приходе аварского войска в Италию, какие-либо упоминания об аварах отсутствуют. При этом тот же Павел Диакон (IV, 44) говорит об осаде Сипонта в Южной Италии славянами около 641 года (Свод, 1995, с. 487, 497). Это совпадение нельзя не сопоставить со свидетельствами аварской археологии.

Хорошо известно, что аварская культура в Среднем Подунавье состоит из двух временных ступеней: раннеаварской и позднеаварской, между которыми фактически нет ничего общего, за исключением того, что обе принадлежат кочевникам. Исследователи вообще считают, что позднеаварская культура была принесена болгарами, вторгшимися в Подунавье в конце VII века. Отличия касаются как вооружения и украшений, так и погребального обряда.

В раннеаварское время воин сражался прямым палашом, стрелял из лука с узкими концами лёгкими стрелами, носил пояс с коваными накладками и сапоги с мягкой подошвой, которые просовывал в подходящие к ним круглые стремена, его коня после смерти клали по левую руку от владельца. В позднеаварское время воин бился саблей, стрелял из лука с расширяющимися концами тяжёлыми стрелами, носил пояс с литыми накладками и сапоги с жёсткой подошвой, которым соответствовали плоские стремена, конь лежал по правую сторону от его могилы (Археология Венгрии, 1986, с. 324; Седов, 1995, с. 114–115). Позднеаварскую культуру датируют 568–630 годами, а позднеаварскую – концом VII – началом IX века. Попытки выделить переходный среднеаварский период не привели к каким-либо убедительным выводам (Šilinská, 1967).

«Чёрную дыру» между Первым и Вторым Аварскими каганатами можно объяснить только существованием в Среднем Подунавье в 30–50-х годах VII века славянского государства, созданного Само после поражения авар при осаде Царьграда 626 года. Державу Само принято воспринимать как эфемерное государственное образование, прозябавшее на северо-западной границе аварских владений. При этом упускается из виду то обстоятельство, что Само не просто отбил, а именно разгромил две крупнейшие варварские державы того времени: франкскую и аварскую. В случае с аварами мы можем судить об этом

только из молчания письменных источников и разрыва в археологических памятниках.

В случае с франками мы видим это по письменным источникам. Славянские (именно сербские) нападения приводят к фактическому отпадению от франкского государства, тюрингов, мятежный герцог которых вступает со славянами в союз. Славяне заселяют верхнее и среднее течение Майна, а их захоронения доходят до Регентсбурга. Франкское государство вплоть до конца века утрачивает способность к расширению и погружается во внутренние смуты. Описание встречи баварского проповедника Стурми со славянами на берегу Фульды в 736 году оставляет впечатление, что в первой половине VIII века они чувствовали себя в современной Тюрингии как дома (Гильфердинг, 2013, с. 323).

Только в условиях господства славян в Подунавье могло состояться переселение сербов и хорватов на Балканы. Константин Багрянородный прямо свидетельствует, что оба племени пришли с севера, из «некрещёных» Хорватии и Сербии. Хорваты сохранили память о том, что они явились на новую родину во времена императора Ираклия (610–641), разгромив и подчинив обитавших там авар. Исследователи мало задаются вопросом, каким образом славянское племя, даже в условиях поражения авар под Царьградом, могло в одиночку пройти «с боями» через владения авар и подчинить их своей власти. Сообщение Константина Багрянородного о том, что хорваты «одних аваров... убили, прочих принудили подчиниться», и слова Фредегара о том, что множество авар «погибло от мечей винидов», повествуют об одном и том же событии. Речь идёт об уничтожении восставшими дулебами Первого Аварского каганата, в котором участвовали полабские хорваты и сербы, чей князь Дерван порвал с франками и подчинился власти собственно «славянского» царя Само.

Более сложным представляется вопрос о распространении в Полабье серой дунайской посуды. Франкские источники знают там в IX–X веках два крупных племени: собственно сербов и «далматов» (далеминцев, гломачей). Поскольку сербы переселялись на юг, а дунайская керамика распространялась в противоположном направлении, можно сделать вывод, что она была принесена из Подунавья «далеминцами», имя которых мы считаем искажением слова *дудлѣбънѣци «дулебинцы». Вопрос о

том, в какой очерёдности происходило отселение части сербов с Лабы и приход в эти земли дулебов и как складывались взаимоотношения между двумя племенами, пока остаётся без ответа. То же самое можно сказать и о населении Чехии, которое Константин Багрянородный называет «белохорватами», а Масуди «дулебами», притом что оба племени занимали соответственно восток и юг Чешской котловины (Константин Багрянородный, с. 131; Мишин, с. 63; Развитие, 1982, с. 121). Чешские историки Далимил и Пулкава XIV века сохраняли память о приходе их с юга, из Хорватии (Мельников, 1989, с. 208). Скорее всего, как и в случае с полабскими сербами, мы имеем дело со смешением воедино двух разных событий: уходом на юг части хорватов и приходом с юга дулебов, которые принесли с собой серую дунайскую посуду.

Из Среднего Подунавья распространялась не только керамика. По мнению польского лингвиста Т. Милевского, поддержанного академиком О.Н. Трубочёвым, в VII–VIII веках области к югу от Карпат, в частности Паннония, стали центром важных звуковых преобразований (фонетических инноваций), распространившихся по большей части славянского мира, а именно: 1. Метатеза плавных; 2. Переход носовых гласных в губные; 3. Победа узкой артикуляции «ятя»; 4. Переход «ы» в «и»; 5. Падение праславянской интонации; 6. Диспалатализация мягких согласных перед передними гласными; 7. Переход твёрдого «г» в мягкое «украинское» «г» (Трубочёв, 2003, с. 85).

В настоящее время очень популярны стали гипотезы о том, что Аварский каганат сыграл едва ли не решающую роль в создании общеславянского языка (койне), на котором могли общаться представители различных славянских племён. Славянское «койнэ» в свою очередь стало *lingua franca* в этом государстве (Curta, 2004). С последним утверждением можно согласиться: большую часть населения Аварского каганата действительно составляли славяне. Но аварское господство вряд ли распространялось к северу от Карпат, где нет погребений всадников и в изобилии найдены шпоры, которые авары не употребляли.

Отношения авар и прикарпатских славян были откровенно враждебными. Слово «обр» в чешском и польском означает «великан». Известно, что в народной памяти племенные названия древних врагов превращаются в обозначения великанов: немецкое *Hüne* из «гунн»,

французское *ogre* из «венгр». У «свободных» славян к северу от Карпат было никакого побуждения подражать речи славянских подданных авар. Другое дело – государство Само, которое воспринималось северными славянами, потомками венедо-антов как своё и которому часть из них (по крайней мере северные сербы) подчинилась добровольно. Подражание сильным, более богатым и культурным родственникам, жившим в благодатной Карпатской котловине, кажется вполне естественным.

Вопрос о том, где находилось ядро государство Само, является предметом споров. С одной стороны, владения Само должны были доходить до владений сербов на Эльбе (Лабе) и Зале, которая уже служила рубежом между сербами и тюрингами (Эйнгард, Жизнь Карла Великого, 15). С другой стороны, владения Само должны были включать в себя Карантанию, о чём прямо говорится в «Обращении бавров и хорутан»: «В правление славного короля Дагоберта был воеводой этого народа [карантанцев] некий славянин именем Само, живший в Карантании» (Třeštík, 2001, S. 39, 221)¹.

Если попытаться нанести владения Само на карту, то мы получим государство «кишкообразное» по очертаниям, сильно напоминающее державу чешского короля Пржемысла II или владения Габсбургов в XVI–XVII столетиях. Первая управлялась из Праги, вторая из Вены, но в VI–VII веках мы не знаем в этих местах ничего похожего на столицу: ни городищ, ни богатых могильников. То же самое можно сказать о Моравии, которая в IX веке была столицей славянского государства, владевшего Чехией и полабской Сербией. Если в великоморавское время там обнаружены крупные городища, прежде всего в Микульчицах, которые можно назвать столицей, то в VI–VII веках там не известно ни одного укрепленного поселения. «Городищенское» время наступает в Моравии только в VIII столетии. Единственным археологическим объектом, который можно сопоставить со столицей Само Вогастисбургом, является только городище в Кестхее и расположенные в его окрестностях богатые погребения кестхельской культуры.

Как уже упоминалось, население кестхельской культуры было христианским, а Само, если судить по сообщению Фредегара, являлся много-

¹ *Temporibus gloriosi regis Francorum Dagoberti Samo nomine quidam Sclavus manens in Quarantanis fuit dux gentis illius (Conversio, IV).*

жёнцем, то есть язычником. Это сообщение надо принимать с важными оговорками. Во-первых, Само был по происхождению франком из Санса и назван в честь святого Самония, то есть был христианином. Во-вторых, в то время «многожёнство» было обычным явлением у самих франкских королей. Наличие у варварского царя VII века множество наложниц и детей само по себе не является признаком его язычества: «неясным во блуде», если использовать летописное определение князя Владимира, был вполне христианский император Карл Великий, имевший нескольких «христианских» жён и множество наложниц. Первым франкским правителем, не имевшим «гарема», был Людовик Благочестивый, который, собственно, поэтому и получил прозвище Pius.

Знаменитый рассказ Фредегара об аvaraх, каждый год приходивших к славянам на зимовье, также следует отнести к области Кестхея. Вряд ли авары шли зимовать в предгорья Словакии или Карантании, где принято помещать дунайских славян в аварское время. В горах не зимуют, значит, дело происходило на равнине, в благоприятном для зимовки месте. С другой стороны, невероятно, чтобы все авары равномерно расселись на зиму по славянским посёлкам. Примеры истребления армий на зимних квартирах, начиная с гибели македонской армии в Парфии во II веке до н. э., хорошо известны истории. Скорее всего, на зимовку к славянам отправлялась аварская знать, может быть – каган со своей дружиной, и место зимовки должно было быть достаточно приятным.

Перечисленным условиям соответствует только область кестхельской культуры. Вообще венгерское Задунавье (Древняя Паннония) по местным меркам является довольно холодным и влажным местом, за исключением юго-западной оконечности Балатона, где микроклимат приближается к средиземноморскому. В аварское время здесь располагался единственный в Паннонии город, если не считать Сирмия, который лежал на южном берегу Савы и находился под угрозой постоянного нападения византийцев. Судя по погребениям, уровень жизни кестхельского населения был весьма высоким. Поэтому естественным будет предположить, что в рассказе Фредегара речь идёт о зимовке кочевой знати в богатом городе, где авары на досуге предавались разнообразным излишествам. Положение это могло быть терпимым, пока авары грабили Византию, но после их поражения под стенами Кон-

стантинополя претензии авар стали совершенно необоснованными. Жившая в городе местная «дулебская» знать, восходившая, наверное, ещё к знатным семьям римского времени, начала охватившую всю Паннонию восстание. К подготовке последнего, вероятно, приложили руку и франки, поставлявшие через купцов наподобие Само деньги, оружие и всё необходимое для успешного выступления.

Исследования показывают сильную связь кестхельских погребений с меровингской культурой западных областей (Vida, 2009). В связи с этим нельзя не отметить любопытное хронологическое совпадение между смертью Само около 658 года и неудачной попыткой майордома Австразии Гримоальда отстранить от власти Меровингскую династию. По свидетельству Фредегара, австразийцы сражались со славянами без особого воодушевления, что и послужило причиной поражения под Вогастисбургом (Фредегар, IV, 68; Свод, 1995, с. 371). Очевидно, что австразийская знать, всего 12 лет назад избавившаяся от диктаторского правления Брунгильды, была меньше всего заинтересована в усилении королевской власти, к которому привела бы победоносная война. Можно предположить, что в правление Гримоальда и Само австразийцы и славяне в целом поддерживали хорошие отношения, а падение Гримоальда послужило косвенным толчком к развалу государства Само, а может быть, даже и его смерти.

Свидетельством резкого ослабления славянского государства в Среднем Подунавье следует считать и первый с рубежа VI–VII веков поход Константа II против македонской «Славинии», состоявшийся в том же 658 году (Раннефеодальные, 1985, с. 338). По свидетельству Константина Багрянородного, пришедшие с севера сербы первоначально осели в феме Фессалоники (с. 141). Вероятно, что их отход отсюда на север, в Рашку был вызван этим нападением. Дунайские «славяне» ничем не могли помочь своим сербским союзникам, поскольку в это же самое время они, скорее всего, подверглись нападению авар.

К 663 году последним, вероятно, удалось восстановить свою власть над Средним Подунавьем, поскольку в этом году они вновь появляются на страницах письменных источников. Согласно Павлу Дьякону, авары направили войско на помощь одному из искателей лангобардского престола. Тогда же переселился во владения беневентского герцога в Южной

Италии болгарский предводитель Альциох, спокойно проживавший со своими людьми в «марке винидов» с 630 года, то есть со времён своего поражения в войне с аварами (Фредегар, IV, 72; Свод, 1995, с. 371; Павел Диакон, V, 29; Свод, 1995, с. 394). Это бегство и вторжение в Италию означало захват аварами пограничной Карантании и окончательное падение славянской державы, созданной Само.

Возрождение авар, скорее всего, связано с притоком нового кочевого населения, вероятно болгарского, из Северного Причерноморья. Одновременно с казнью Гримоальда и смертью Само далеко на востоке, в Семиречье, китайцами был разгромлен Западный Тюркский каганат, или государство «десяти стрел» (Кляшторный, Савинов, с. 98). Вызванные этим событием перемещения кочевников привели к вторжению хазар, которые разгромили существовавшую в Приазовье Великую Болгарию. В это время в Восточной Европе исчезает целый ряд ранеславянских археологических культур V–VII веков, таких как пражская, пеньковская, именьковская, колочинская, ипотешти-киндештинская, а в Среднем Поднепровье выпадает слой кладов мартыновского типа, с древностями дунайского происхождения (пальчатые фибулы, мартыновские фигурки, звёздчатые серьги).

В VIII веке на смену исчезнувшим приходит целый ряд новых образований. Это франкское государство во главе с австразийскими майордомами (предками Карла Великого), Первое Болгарское царство, Второй Аварский и Хазарский каганаты. В Византии к власти после ожесточённых гражданских войн приходит Исаврийская династия, а в славянских землях начинается распространение городищ, курганов, гончарного круга и появляются такие новые явления, как культура сопок в Приильменье, фельдбергская и торновская культуры в Полабье, луки-райковецкая культура на правом и волынцевская – на левом берегу Днепра.

Гибель державы Само и образование Второго Аварского каганата привели к бегству части славянского населения. Castellum в Кестхее-Фенекпуста (Валкум – Вогастисбург) был разрушен, многие могильники «раннеаварского» времени прекратили своё существование, неподалёку от городища появилось кочевническое позднеаварское кладбище (Седов, 1995, с. 116). Христианское население стало покидать каганат. В конце

Славяне на Дунае

VII века под Солунью показалось большое войско, состоящее из болгар и восставших против авар христиан-«сремцев» (греч. сирмисиан), во главе с Кувером и Мавром.

Приход христианской орды под стены города показался грекам настолько странным, что автор «Чудес святого Димитрия Солунского» объявил их потомками римских пленных, уведённых за Дунай, смешавшихся там с аvaraми, булгарами и образовавшими «новый народ». Впрочем, немалая часть кестхельского населения осталась жить в окрестностях Балатона и успешно пережила падение аварской державы, став ядром владения «блатских» князей Прибины и Коцела. Последним славянским князем Паннонии стал Брячислав (Брацлав), получивший владения от императора Арнульфа Каринтийского и выстроивший себе «город Брацлава», или Пресслауспурх, который по-русски назывался бы Брячиславлем. Точку в истории многовековой столицы Паннонии поставили венгры. В 907 году под его стенами было наголову разгромлено баварское войско, в бою пали архиепископ Зальцбургский и префект восточной границы. Город был разрушен, столица Паннонии навсегда покинула окрестности Кестхея и переместилась на северо-восток, влучину Дуная, сначала в Стольный Белград (Секешфехервар), а затем в Будапешт.

«Славиния» на нижнем Дунае

Клавдий Птолемей (II век) вместе с Тацитом и Плинием Старшим входил в число первых учёных, упомянувших в своих работах венетов – прямых предков племени, известного византийским писателям VI века под именем антов. В конце VII века его «География» была переведена на армянский язык и дополнена многочисленными сведениями, отсутствующими в первоначальном тексте. Среди последних находятся известия о расселении славян. Сообщение «Армянской географии» настолько противоречит господствующим в современной науке представлениям о «миграции славян» в Подунавье, что их даже не включили в фундаментальный «Свод древнейших письменных источников о славянах». Новый список «Армянской географии» гласит: «Десятая страна Европы, Фракия, лежит к востоку от Далмации, рядом с Сарматией, начиная от

реки Тароса (читай: Тирас, как в описании европейской Сарматии) и до Дануба. В ней пять областей и еще страна Веримус (читай: Верин-Мус, то есть *Moesia Superior*) и Дардания с четырьмя городами. На юге находится Собственная Фракия, а к северу великая страна Дакия, в которой живут Славы – 25 народов. Места их войной заняли Готы, прибывшие из острова Скании 4, называемой Германским Гемисом (?). Но Склады (*sic*), перейдя реку Данай, заняли себе другую область в Фракии и Македонии, и прошли в Ах(а)ию и Далмацию» (Патканов, 1883, с. 27).

Очевидно, речь идёт о созданной Константином Великим префектуре Фракия, включавшей восточную часть Балканского полуострова и делившейся на семь провинций (епархий): Европа, Родопа, Гемимонт, Фракия, Нижняя Мёзия, Дакия, Скифия. Готы захватили Дакию в 271 году, когда император Аврелиан вывел оттуда войска и гражданское население, которое было поселено в нарочно созданной на южном берегу Дуная новой провинции Дакии Прибрежной. Если воспринимать сообщение «Армянской географии» так, как оно есть, мы должны будем сделать вывод, что римская Дакия до прихода готов была населена славянами.

Славяне оставили на карте современной Румынии неизгладимый след. За исключением самых крупных рек, чьи имена известны еще с Античности и уходят ещё в индоевропейскую древность, древнейший пласт водных названий в Румынии имеет славянское происхождение. Сюда относятся имена таких рек, как Сучава, Молдава и Быстрица в Молдавии, Яломица, Мостиштя, Дымбовица и Дымбовник в Мунтении, две Черны (приток Дуная и Олтеца) и Олтец в Олтении, Великая и Малая Трнавы в Трансильвании, Красна и Быстрица в Марамуреше (румунском Потисье).

Названия Чёрного, Белого и Быстрого Криша (венг. *Fekete, Feher* и *Sebes Köres*), вероятно, являются кальками со славянского. Об этом говорит прилагательное *sebes* «быстрый», которое используется в венгерском только в названиях рек и в слове «скорость» (*sebesség*); во всех остальных случаях «быстрый» – *gyors*. Скорее всего, венгерские речные названия на *sebes* являются буквальным переводом славянского гидронима Быстрица, отмеченного уже «Равеннским географом» как название города в Верхней Паннонии (*civitas Bustritius*).

Имя главной реки Валахии Олта имеет дославянское происхождение, но название её притока Олтец явно славянское, поскольку оформлено славянским суффиксом *-ьць и означает «малый Олт» (ср. Дон и Северский Донец). Такое название притоку Олта могли дать только славяне.

Согласно подсчётам Элемера Ильеша, из 153 названий притоков протекающих по Румынии крупных рек Дуная, Тисы, Олта, Муреша, Тимиша, Беги, Брзавы и трёх Кришей четверть (39 или 25,5%) имеет славянское, почти половина – венгерское (72 или 47%), четверть (41 или 27%) – неясное («дакийское»? «печенежское»?) происхождение. Романский и германский языки дали название только одной реке (Illyés, p. 317).

То же самое относится и к местным названиям. Из названий румынских поселений в Трансильвании, известных до 1400 года, подавляющая часть имеет славянское происхождение, хотя большинство их было заимствовано не напрямую, а посредством венгерского языка (History of Transilvania, карта 10). Названия двух главных городов Трансильвании Клуж-Напоки и Альбы Юлии, заимствованные румынами из венгерских Коложвар и Фехервар, – славянские по происхождению. Первое из них происходит от слова «колода» и родственно летописному русскому городу Колодяжину, второе является обычной венгерской калькой славянского названия Белград.

Так называлась каменная крепость, в противоположность построенному из земли «чёрному городу», такому, например, как венгерский Чонгард на Тисе (из славянского *чърнгордь «чёрный город»). Этот тип обозначения исконно славянский – в частности, в Москве Бульварное и Садовые кольца стоят на месте стен и валов бывших Белого и Земляного города – и был заимствован кочевниками-венграми у местного населения Подунавья. Итак, речные и местные названия однозначно свидетельствуют о том, что до прихода румынского и венгерского населения земли римской Дакии действительно были густо заселены славянами.

Ильеш подчёркивает, что дославянские местные названия в Трансильвании, известные из римских источников, полностью отсутствуют, даже дославянские названия крупных рек, как Муреш, Сомеш и Олт, были заимствованы в славянской передаче (Illyés, p. 317). Вообще он делает вывод, что «на землях внутри дуги Карпатских гор немалая часть

названий рек, используемых сейчас румынами, венграми и немцами, – славянского происхождения. Это указывает на то, что славяне жили в этих местах раньше их сегодняшних обитателей» (Шы́с, р. 320)¹.

Когда славяне появились на северном берегу нижнего Дуная? По меньшей мере уже в 20-х годах VI века славяне жили в современной Валахии. Стратег Фракии Хильвудий, назначенный на эту должность около 530 года, переправившись за Дунай пал в бою со «славянами», которые вышли против него «всем народом» (Прокопий, VII, 14, 4; Свод, 1994, с. 151). Иордан прямо указывает, что восточной границей «славян» был Днестр, дальше начинались владения враждебных им антов (Иордан, 35). В самом крайнем случае Хильвудий мог сразиться со славянами где-то в Молдавии, да и это маловероятно.

Из истории славянских вторжений на Балканы известно, что «славяне» грабили и фракийскую (Прокопий, VII, 13 (24); VII, 38, (31–45); VII, 13, (2), (11); Свод, 1994, с. 179, 181, 195) и иллирийскую (Прокопий, VII, 29; VIII, 25, 1; Свод, 1994, с. 189, 201) префектуры. Напротив, анты нападали только на Фракию (Прокопий, VII, 13, (2), (11); VII, 40, (6); Свод, 1994, с. 181, 197), ни об одном их нападении на Иллирик неизвестно. Граница между префектурами проходила по реке Осым и выходила к Дунаю как раз напротив впадения в него реки Олт (Иванов, 1983, с. 32), поэтому представляется, что «славяне» в основном жили к западу от этого притока Дуная, в исторической Олтении или Малой Валахии, подальше от своих беспокойных родственников антов. Согласно топонимическим исследованиям Й. Заимова, славянский «продор на заселването» Балкан произошёл на границе нижнего и среднего Дуная около Железных Ворот, откуда славяне двигались на юг долиной реки Тимок. К таким же выводам пришёл на основании анализа труда Прокопия «О постройках» С.А. Иванов: по его мнению, угроза славянской переправы была наибольшей именно на Железных Воротах и в устье Тимока, где берег Дуная был укреплен сильнее всего (Иванов, с. 38, 52). Прокопий прямо указывает, что «славяне» обретались «за Истром, недалеко от тамошнего берега» (Прокопий, V, 27, 1; Свод, 1994, с. 187), что

¹ In the territory within the arch of the Carpatians a large proportion of the river names used today be the Romanians, Hungarians and Germans are of the Slavic origin. This indicates that the Slavs were living in the territory prior to its present inhabitants.

подразумевает пребывание славян в Валахии, а не где-нибудь на севере, в Молдавии или Верхнем Поднестровье.

Во второй половине VI столетия «славяне» безраздельно господствовали на левом берегу нижнего Дуная, Феофилакт Симокатта прямо называет земли современной Валахии «Славянией», а славян «гетами» (Феофилакт, VIII, 5, 10; Свод, 1995, с. 41, 63). При этом он имел в виду не столько полузабытое к тому времени местное племя, которое Геродот называл «самым честным и храбрым среди фракийцев», а хорошо известных готы. Известно, что в силу совпадения имени и мест проживания авторы VI века отождествляли эти два народа. Историк готского народа и гот по происхождению Иордан назвал свою историю готы «Гетикой». Таким образом, когда речь идёт о наименовании славян «гетами», будь то у Феофилакты Симокатты или у Марцеллина Комита, подразумевается тесная связь нижнедунайских «славян» с готами, владевшими римской Дакией с 271 года. Если бы «славяне» не жили на северном берегу Дуная во времена готского господства, то есть до битвы при Адрианополе в 378 году, едва ли на них было бы перенесено готское имя «гетов».

Письменные памятники VI века предоставляют уникальную возможность установить материальную культуру именно того населения, которое они называют «славянами». Нужно напомнить, что Левобережье нижнего Дуная является единственным местом, куда источники определённо помещают «славян» в VI столетии. Исключением является только известие Симокатты (Менандра) о «славянах», живущих неподалёку от океана (Балтики), чьи послы к аварскому кагану были захвачены в самом конце VI века византийцами (Феофилакт Симокатта, VI, 2, 12; Свод, 1995, с. 47).

Археологическая культура нижнедунайской «Славинии» VI–VII веков хорошо известна по раскопкам многочисленных поселений и огромного могильника в Сэрата-Монтеору. По названиям самых известных памятников она получила название Ипотешти-Киндешти. Похожие памятники известны под названием Братей-Медиаш в Трансильвании и Костиша-Ботошани в Молдавии. Население культуры Ипотешти-Киндешти жило совершенно по-славянски: занималось земледелием, обитало в полуземлянках с печами-каменками в углу, сжигало покойников и погребало их прах без оружия и украшений, пекло лепёшки на

так называемых «дисках», которые встречаются в раннее Средневековье только на славянских памятниках (Седов, 1995, с. 100–102; карта; Симонина, с. 134, рис. 8). «Горшки [типа Ипотешти-Киндешти], сформованные на круге... имеют чёткую форму, красную или серую поверхность и орнаментированы поясом из нарезных горизонтальных и волнистых линий. Эта посуда аналогична провинциально-римской керамике начала Средневековья и, безусловно, восходит к римским традициям» (Седов, 1995, с. 102).

В этом месте нельзя не удержаться от цитирования основоположника теории «венедского котла» (см. главу «Происхождение пражской культуры») Марка Борисовича Шукина. В статье «Рождение славян» 2001 года он написал следующее: «Что касается раннеславянских памятников территории Румынии, типа Ипотешть-Киндешть-Чурел, которые, казалось бы, могли быть эталонными, поскольку именно с этих территорий к северу от Дуная должны были бы совершать свои набеги на Империю склавины и анты, то их, при наличии структурного сходства и отдельных форм горшков, трудно причислить к той или иной из раннеславянских культур, что не снимает, однако, возможности славянской атрибуции этих памятников Румынии. Дело в том, что на этих территориях достаточно устойчивыми оказались традиции поздне-римского-ранневизантийского времени, в частности, продолжалось, хотя и в сильно сокращённых масштабах, производство кружальной кухонной посуды. Формы её зачастую воспроизводились и в сосудах, сделанных от руки. Этническая специфика форм горшков здесь оказалась в результате утраченной» (Шукин, с. 133).

Иными словами, повторяется положение, известное нам по Среднему Подунавью: «славяне» на нижнем Дунае пользуются не лепными пражскими горшками, а гончарной и лепной посудой, ведущей своё происхождение из гончарства римской провинции Дакии. Как известно, керамика является в археологии одним из важнейших этнических признаков. По этой причине отечественные археологи, сторонники «славянской миграции» на Дунай откуда-то с севера, с Припяти либо из Верхнего Поднепровья, оказались в незавидном положении. С одной стороны, керамика ипотешти-киндештинской культуры не выводится ни из пражской, ни из пеньковской посуды, которые они приписывают

соответственно «склавинам» и антам. С другой стороны, письменные источники VI века не упоминают на левом берегу нижнего Дуная никого, кроме «славян», а археология VI века знает здесь только автохтонные ипотешти-киндештинские древности. Эта дилемма как в зеркале отразилась в цитированной выше «каучуковой резолюции» М.Б. Щукина: «(Культуру Ипотешти-Киндэшти) трудно причислить к той или иной из раннеславянских культур, что не снимает, однако, возможности славянской атрибуции этих памятников».

Румынские археологи подходят к этому вопросу более последовательно: они просто отвергают славянскую принадлежность материальной культуры Валахии в VI–VII веках и приписывают её «автохтонному» населению, предкам румын. Правда, в своей написанной 10 лет назад статье крупнейший румынский специалист по раннесредневековой керамике Е.С. Тодор ещё допускал какое-то компромиссное решение (Teodor, 2004). К настоящему времени возможность хотя бы частичной славянской принадлежности культуры Ипотешти-Киндешти, похоже, окончательно отвергнута.

В 2015 году вышел сборник «Ранние славяне на Дунае», который должен был осветить «миграцию славян» в Подунавье. По замыслу издателей предполагалось собрать статьи ведущих археологов дунайских стран, занимающихся археологией VI–VII веков. По «не зависящим от редакции причинам» в нём приняли участие только славянские исследователи. Румынские и венгерские археологи (вероятно, предполагалось участие Евгена Тодора и Тивадара Вида) работ не прислали, что косвенным образом отражает их позицию об отсутствии славянских памятников VI–VII веков на своих землях. И за это их нельзя упрекнуть: если считать славянскими только пражские древности, то их присутствие в Подунавье (за исключением Моравии и Словакии) настолько мало, что не стоит упоминания в отдельной статье.

Позиция румынских археологов не лишена логики. Поскольку в славянской археологии общепринятым является представление, что славяне пришли на Дунай откуда-то с севера, где зародилась пражская археологическая культура, автохтонное население не может быть никем, кроме как предками румын. Это представление является официальной точкой зрения румынской историографии (История Румынии, с. 89).

Между тем совершенно неочевидно, что автохтонное население римской провинции должно непременно быть романоязычным. Например, англосаксы явились в Британию по приглашению местного провинциально-римского населения, которое после ухода из провинции римских войск страдало от набегов варваров: пиктов и скоттов.

Никто не осмелится сказать, что коренные жители Британии в V веке не были «римлянами». Об этом свидетельствует, между прочим, и их английское название the Welsh «волохи». Конечно, мы знаем, что это германское слово *walhoz восходит к имени кельтского племени вольков, о котором германцы V века, впрочем, едва ли что-нибудь слышали. Для них слово «влах» означало romanus, «римлянин», подданный императора. Между тем британцы в массе своей не были романизированы, а продолжали говорить на родном валлийском языке. Поэтому происхождение ипотешти-киндештинского населения от жителей римской Дакии само по себе не может служить залогом их романоязычия.

Румынские исследователи настаивают на том, что их народ не просто является потомками римского населения Дакии, которое включало в себя множество переселенцев со всего римского мира, но непременно потомками романизированных даков. Это очень спорное утверждение. Во-первых, сомнительно, что коренное дакийское население вообще уцелело после завоевания. Война даков и римлян велась с крайним ожесточением, побеждённые даки предпочитали плену массовые самоубийства, как поступил, например, сам Децибал и множество представителей знати. Поэтому слова Евтропия о том, что страна полностью лишилась мужского населения и её пришлось заселять выходцами из других провинций, нельзя рассматривать как преувеличение. Во всяком случае, местное дакийское население отсутствовало среди солдат размещённых в провинции легионов, хотя множество дакийских воинов было рассеяно по воинским частям в отдалённых от родины провинциях (History of Transilvania, p. 102–103).

Во-вторых, если дакийское население и уцелело, нет никаких причин считать, что оно было романизовано. Дакия находилась под римским владычеством непродолжительный срок – около полутора веков. В соседней Паннонии за этот срок, то есть к концу II века, незаметно никаких признаков романизации местного населения даже в материаль-

ной культуре. Местные особенности в одежде и погребальном обряде стёрлись только после Маркоманских войн (Археология Венгрии, 1986, с. 271), но отказ от народного костюма ещё не означает отказ от родного языка. Вся история Паннонии в III веке, представляющая собой беспрерывный мятеж против центрального правительства в Риме, говорит скорее об усилении местного «национального» самосознания (см. главу «Возникновение славян»). Кроме краткого срока, отпущенного на романизацию Дакии, в ней отсутствовал такой важный рычаг романизации, как «туземные» самоуправляющиеся общины (*civitas*), через которые местная знать, а за ней и её соплеменники приобщались к римскому образу жизни и латинскому языку (История Румынии, с. 61). В отличие от соседней Паннонии Дакия была провинцией под прямым военным управлением, которое не предполагало какого-либо сотрудничества с местным дакийским населением, да и сохранение последнего в сколь-либо заметном количестве вовсе не очевидно.

Одно из свидетельств «континуитета» местного дакийского населения румынские исследователи видят в сохранении лепной посуды у населения провинции. Между тем вылепленная от руки керамика в I–II веках сохранялась и в соседних Норике и Паннонии, из которых в завоёванную Дакию во II веке шёл основной поток переселенцев. Считать найденные в Дакии лепные горшки непременно «дакийскими» нельзя – с равным успехом они могли принадлежать «норико-паннонским» переселенцам, заселявшим в первую очередь восточные части провинции, то есть современную Трансильванию. Вообще, вся доримская керамика Подунавья в целом относится к латенской культуре, которая распространилась здесь вместе с кельтами в IV–III веках до н. э., почти полностью нивелировав местные особенности.

В главе «Происхождение пражской культуры» мы доказывали, что в возникновении этой раннеславянской культуры к северо-востоку от Карпат решающую роль сыграло население культуры карпатских курганов предшествующего времени (III–V века). Оно передало местному славянскому (собственно «антскому») населению такие важные элементы культуры, как квадратная землянка с печкой-каменкой и обряд трупосожжения под курганом. Славянская печь-каменка при всей её неказистости представляла собой важное технологическое заимство-

вание у римской цивилизации, которое позволяло готовить пищу не на открытом огне очага, а в жару, исходящем от раскалённых стен. Это устройство было неизвестно в культурах Восточной Европы и передавалось соседям от славян (венг. *kemence*). Каменка возникла как заменитель римской кирпичной печи в условиях отсутствия кирпичного производства, возможного только в цивилизованном обществе. Все эти новшества были перенесены через Карпаты переселенцами из римской Дакии, которые были, впрочем, совсем не «даками», а потомками осевших в провинции переселенцев из Норика и Паннонии. Любопытно, что население культуры карпатских курганов пользовалось помимо гончарной провинциально-римской керамики также лепной посудой «дакийских» форм, которая позднее легла в основу лепной посуды культуры Ипотешти-Киндешти.

Норико-паннонское население римской Дакии отличается от своих соседей по характерному подкурганному обряду погребения и женскому костюму со своеобразными украшениями, главными из которых были парные пальчатые фибулы на обоих плечах. Эта одежда, собственно, и легла в основу женского костюма, господствовавшего в VI–VII веках у славянского населения Подунавья и Поднепровья. Пальчатые фибулы, «пальцы» которых позднее сильно увеличились в размере и числе, в изобилии найдены на левом берегу нижнего Дуная на поселениях культуры Ипотешти-Киндешти, а также на среднем Дунае и в Поднепровье. И хотя в славянской принадлежности пальчатых фибул не сомневается никто, кроме экстравагантного румынско-американского исследователя Флорина Курты, в области славянской культуры к северу от Карпат (пражской) они совершенно неизвестны. Вышеизложенное позволяет действительно считать население культуры Ипотешти-Киндешти потомками жителей провинции Дакии, вытесненных из занятой готами в III веке Трансильвании на юг от Карпат, на левый берег нижнего Дуная. Они в самом деле были «коренным» населением Подунавья – но вовсе не даками, а потомками норико-паннонских переселенцев.

На рубеже IV–V веков готская держава, которой соответствовала провинциально-римская по своему уровню развития черняховская археологическая культура (в румынской археологии – культура Сынтана-Муреш), была разгромлена гуннами. Начался упадок и разложение:

исчезло производство черняховской серой гончарной керамики, которую заменили менее качественные гончарные сосуды красного цвета, кирпичные печи в домах сменили каменки или глиняные печи, вырезанные из глиняных останцов, жилища вросли в землю. К началу VI века на Левобережье нижнего Дуная складывается собственно «славянская» культура Ипотешти-Киндешти. Она отличалась от расположенных к северу пражской и пеньковской культур только гончарной посудой и металлическими украшениями. Последнее можно объяснить тем, что благодаря соседству с византийскими владениями на другой стороне Дуная здесь сохранялось денежное обращение, без которого профессиональное ремесленное производство просто заглохло бы. Последнее, собственно, и произошло в пределах пражской культуры, где совершенно отсутствуют находки монет и находки ограничены только лепными горшками и железными орудиями домашней выделки.

Генетическая связь между культурой римской Дакии, населённой в сельской местности норико-паннонскими переселенцами и культурой нижнедунайской «Славинии», известной под названием Ипотешти-Киндешти, является важным указанием на славяноязычие коренного населения Норика и Паннонии. В самом деле, к северу от Карпат, в верховьях Днестра и Вислы эти жители римской Дакии дали толчок становлению эталонной раннеславянской культуры пражского типа. К югу от Карпат, на левом берегу Дуная это же «автохтонное» население превратилось в прекрасно известных по письменным источникам VI века «славян». Этого более чем достаточно, чтобы убедиться в правоте славянских источников, согласно которым «по мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣне по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» (ПВЛ, с. 11), что «Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов» (Великопольская хроника, с. 52), что «норица... суть словѣне» (Палея толковая по: Хелимский, с. 344), что «ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостоль Павелъ, ту бо беша словѣне первое» (ПВЛ, с. 23).

В заключение следует сказать несколько слов о том, чем вызвано отличие в погребальных обрядах собственно среднедунайских «славян», которые хоронили своих покойников, от «славян» нижнедунайских, которые их сжигали. Объясняется это тем, что дакийские «славяне» вышли из-под власти Римской империи ещё до принятия христианства

Константином Великим. Иллирийские императоры, такие как Деций или Диоклетиан, были особенно жестокими гонителями христианства, в их правление на Дунае процветал митраизм и культ «непобедимого солнца». Оставшееся в Дакии сельское норико-паннонское население после вывода римских войск в 271 году продолжало коснеть в язычестве.

Норика и Паннония попали под власть варваров уже в V веке, когда христианство уже стало господствующей религией и поэтому мёртвых здесь хоронило в соответствии с христианскими обычаями. Это различие отразилось в известном отрывке Псевдокесария, где звероподобные «славяне» противопоставлены кротким «дунайцам». Из самого смысла этого отрывка вытекает, что речь идёт об родственниках народов, чьи нравы отличаются только потому, что одни являются христианами, а другие – язычниками (Свод, 1994, с. 254).

ГЛАВА 8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯН

Типология славянского имени

Самоназвание славян «словѣне» *slověne всегда воспринималось говорящими по-славянски людьми как связанное со словом. Этого же мнения придерживались и первые историки Руси и славян Карамзин и Шафарик. Позднее такое толкование было поставлено под сомнение учёными-лингвистами. Было указано, что при помощи суффикса «-яне» образуются слова от названий мест: горожане, поселяне, волжане. Поэтому прообраз имени славян стали искать в каком-то местном названии.

Чаще всего имя славян связывают с индоевропейским корнем *k¹leu «течь, омыwać, очищать», от которого, между прочим, происходит и латинское sloaca «канава для стока нечистот». Наиболее обоснованной из этих теорий является мнение Шрамма, который полагает, что имя славян восходит к эпитету Днепра «Словутич», упомянутому в «Слове о полку Игореве». Другими словами – славяне означает «днепровцы» (Шрамм, 1997, с. 68–73).

Надо заметить, что суффикс «-яне» используется не только в местных названиях. Самый яркий пример – слова «христиане» и «крестьяне». Последнее первоначально значило «христиане», «Христовы люди». Окончательно подрывает «местное» происхождение имени славян слово «кличане», которым на Руси звали загонщиков, кликами поднимавших зверя со своего логова навстречу охотникам (летописная статья 1091 года; Трубачёв, 2003, с. 42).

Таким образом, из двух похожих индоевропейских корней, от которых в латинском языке образовалось два омонима sluere I «слыть, считаться, называться» и sluere II «очищать, омыwać», в качестве источника имени славян нужно выбрать первый. Слово «славяне» образовано от глагола «слути» и означает людей, говорящих на понятном языке (Тру-

бачёв, 2003, с. 99, 247). К этому же корню восходит и упомянутый эпитет Днепра. Словутич означает знаменитую, «пресловутую» реку.

Имени славян как «говорящих» обычно противопоставляется имя немцев. Считается, что этим именем славяне называли своих соседей, которые не знали славянской речи. В Лаврентьевской летописи под 1096 годом описан поход новгородца Гюряты Роговича на Урал, где жили печёра и югра. О последних сказано: «Югра же людие есть, языкъ немь». Немцами, таким образом, называли иноязычных соседей, которые могли объясняться со славянами только при помощи рук (Трубачёв, 2003, с. 305; ЭССЯ, XXV, с. 103–104).

При всём своём правдоподобию эта теория не выдерживает критики. Во-первых, слово «немцы» стало употребляться в обобщающем смысле «германцы» или «западноевропейцы» довольно поздно. Изначально именем немцев славяне называли исключительно население, говорившее на верхненемецком языке. Жителей Нижней Германии называли в противоположность «немцам» – «сасами», то есть саксами. В Средневековье в славянских странах и в Венгрии никогда не путали «немцев» (венг. *német*) и «сасов» (венг. *szász*). Их считали разными народами. Средневековый Вуковар, например, населяли: тевтонцы (то есть «немцы»), саксы, венгры и славяне (Виноградова, Мельникова, Шушарин, с. 149).

Это различие происходит из самой Германии, которая в Средние века делилась на две части, жившие по разному праву, кодифицированному соответственно в Саксонском зеркале на севере и Тевтонском (Швабском) зеркале на юге. Причиной было различие в языке: на севере говорили на нижненемецком (*Plattdeutsch*), на юге – на верхненемецком наречии. Отличия между ними были настолько велики, что их отметил даже неизвестный суздалец из русского посольства на Флорентийский собор: «И тьи Нурбех (Нюрнберг) град стоит среди Аламанские земли. Аламанская земля, то есть не единая вера, ни ины язык, но есть единая вера латиньская, а язык немецкий же, но розно, яко и Русь Сербы, тако и оне с немьци» (Хождение, 1984, с. 142).

Предполагаемое «глобальное» противопоставление «славяне» – немцы никак не отразилось и в славянском предании. Немцы в «Повести временных лет» – ничем не примечательный народ, затерявшийся в ряду прочих потомков Яфета: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи,

урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, венѣдици, фрягове и прочии, ти же присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ хамовымъ» (ПВЛ, с. 10). Славянская история начинается столкновением совсем с другим народом – волохами.

О том, что слово «нѣмец» не имеет отношения к слову «немой», свидетельствует ещё один довод. Известно, что в отличие от других славянских языков русский в наибольшей степени сохранил древний строй славянского ударения. Поэтому можно смело соотнести современное русское ударение с праславянским. Любой человек, для которого русский язык является родным, подтвердит, что «немой» человек – это «нѣмец», а не «нѣмец».

На это можно возразить, что перенос ударения на последний слог связан с превращением славянского окончания «-ый» в русское «-ой»: слепой – слѣпец, но старый – старѣец. Пусть будет так и первоначальный «немый» действительно был «нѣмцем», как современный «молодѣц» изначально был «добрым мѳлодцем». Но и в этом случае можно сказать, что имя «немцев» как-то отделялось по смыслу от немоты. В противном случае этническое название немцев тоже поменяло бы ударение и превратилось в «немцѳв», чего, однако, не произошло.

Гораздо более обоснованной выглядит предложенная ещё А.А. Шахматовым этимология славянского «немцы» от кельтского племенного названия неметов. Это племя упоминается Цезарем и Тацитом (Анналы, XII, 27; с. 206; Германия, 28; с. 365) на Рейне, около города Шпейера. Столица французской провинции Овернь Клермон-Ферран называлась в римское время Августа Немет.

Первоначально кельтское слово «немед» обозначало священную рощу, «немедями» называли людей, допущенных к общественным религиозным церемониям, то есть полноправных свободных членов племени. Именно это значение слово «немед» имело в Древней Ирландии (Шкунаев, 1989, с. 45, 48–49). Людьюми Немед назывался также один из народов, последовательно участвовавших в заселении острова (Предания, 1991, с. 250).

Вероятно, слово «немцы» было первоначальным славянским обозначением кельтов. Лишь позднее, когда кельтские земли в верховьях Дуная были захвачены германцами, имя немцев было перенесено на

новых жителей юга Германии, и только на них, поскольку жителей исконно германской Северной Германии славяне продолжали называть «сасами», то есть саксами.

Происхождение имени славян как «людей, говорящих на понятном языке» гораздо убедительнее объясняется через другую типологию. Исследователи давно обратили внимание, что самоназвание славян совпадает по смыслу с самоназванием албанцев *shqiptaret* (Трубачёв, 2013, с. 313). Последнее происходит от албанского глагола *shqip* «понимать», который в свою очередь восходит к латинскому *excipere* «излагать, понимать» (Orel, 1998, р. 434). От другого значения этого глагола – «ловить» происходит албанское «орёл», откуда ошибочное толкование слова *shqiptaret* как «орлы» (ср. однокоренные русские глаголы *понять* и *поймать*).

Высказано мнение, что албанское самоназвание возникло как подражание, перевод имени славян в эпоху завоевания последними Балканского полуострова (Трубачёв, 2003, с. 313; Paliga, Todor, р. 77). С этим трудно согласиться, поскольку точно такое же значение имеет самоназвание народа, с которым славяне никогда не сталкивались. Это баски, которые называют себя *euskaldunak*, то есть «люди, говорящие на *euskara*». Смысл последнего слова не совсем ясен, но в целом оно передаёт идею «понятной речи» (*clearly speaking*) (Encyclopoedia, 1946, р. 184).

Следует отметить, что этнонимы *словѣне*, *shqiptaret* и *euskaldunak* относительно молоды: античные источники их не упоминают. Независимое возникновение одного и того же по смыслу самоназвания у трёх совершенно разных народов требует какого-то объяснения. Нельзя не обратить внимания, что баски и албанцы являются реликтовыми народами, сохранившими свой исконный язык в отличие от своих подвергшихся полной романизации соседей: испанцев, галлов и балканских влахов (аромунов). Очевидно, что самоназвание «понятно говорящие» подчеркивает отличие басков и албанцев от своих романских соседей. Такое самоназвание могло возникнуть среди населения, которое по каким-то причинам сохранило свой «варварский» язык в романском окружении.

Любопытно, что точно таким же образом возникло самоназвание немцев. Хорошо известно, что германские племена на материке не имели

общего самоназвания. Однако потребность в нём возникла в рамках франкского государства, объединившего в своих границах романское и германское население. В этих условиях возникло понятие «народного» или «национального» (*diutisc* от др.-верх.-нем. *diot*, готск. *Þiuda* «племя») языка, отличного от романского наречия, на котором говорили «волохи» (*welsche*).

Выражение *theodisce* (*theodisca lingua*) как обозначение германского языка появляется в латинских источниках в конце VIII века. Знаменитая Страсбургская клятва была произнесена на обоих языках: братья Людовик и Карл *alter teudisca, alter romana lingua, alloquuti sunt*. Если в IX столетии слово *diutisc* означало только родной язык (*diu diutisca zunge* у Ноткера), то в начале X века оно стало употребляться как название Восточно-Франкского государства. В конце XI века слово *diutisc* превратилось в самоназвание всего немецкого народа, хотя есть основания полагать, что «нижние немцы» – саксы усвоили его позже, чем южногерманские племена.

Самоназвание немцев *deutchsh* (*Theutonicus*) возникло в качестве антитезы понятию *welcsh* (*Romanicus*), как самоназвание нероманского (германоязычного) населения внутри Франкского государства. Бросается в глаза, что точно такое противопоставление мы встречаем на первых строках «Повести временных лет»: самым первым врагом славян названы именно волохи, то есть тот же самый народ, который германцы называли именем *welcsh*: «Волохомъ бо пришедъшемъ на словѣне на дунайския, и сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша по Висле, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне» (ПВЛ, с. 11).

Кто такие «волохи» «Повести временных лет»? В большинстве современных славянских языков это слово означает итальянцев. От славян в этом же значении слово *olász* «итальянец» было заимствовано венграми. Любопытно, что румын венгры называли *oláh* – словом, заимствованным из южнославянского (болгарского) «влахъ», а не общеславянского «*волхъ». Это значит, что на рубеже IX–X веков, когда венгры вторглись в Карпатскую котловину, восточнороманского населения здесь не было. Предки румын пришли в Венгерское королев-

ство не ранее рубежа XII–XIII веков из Второго Болгарского царства, в восстановлении которого влахи сыграли едва ли не большую роль, чем сами болгары (Литаврин, 1989, с. 57). Со своей балканской родины они принесли православие и кириллическую письменность, немыслимые у автохтонного населения католической Венгрии.

Во время прихода венгров в Подунавье венгерское слово *olász* и, соответственно, славянское *volxъ «волох» означали франков. Венгерское село *Nagyolász* «великие влахи» (современный Манделос в сербской Воеводине) в латинских грамотах именовалось *Francavilla* «селение франков» (Шушарин, 1997, с. 185). То же самое говорит и «Повесть временных лет», согласно которой венгры после перехода через Карпаты «почаша воевати на живушие ту волохи и словѣне. Съдяху бо ту преже словѣне, и волохове прияша землю словѣнску. Посемь же угри прогнаша вольхи и наслѣдоша землю ту и сѣдоша съ словѣны, покоривше я под ся и оттоле прозвася земля Угорьска» (ПВЛ, с. 21).

Очевидно, что «волохи» здесь – франки, владевшие Паннонией вплоть до разгрома их венграми в битве под Преслауспурхом в 906 году, в которой пали епископ Зальцбурга и восточнобаварские маркграфы. «Земля словѣнска» в этом отрывке – именно франкская Паннония, а не Великая Моравия, потому что в «Повести временных лет» венгры «начаша воевать на мораву и на чехи» только после покорения «словѣнь» (Там же, с. 21).

Нельзя не отметить, впрочем, что согласно той же «Повести временных лет» первое нападение «волохов» на славян произошло ещё до появления обров, то есть авар. Известно, что и германское и славянское названия романцев восходят к имени кельтского племени вольков (*volcae*) тектосагов и как название кельтов до сих пор сохранилось в английском языке для обозначения Уэльса и валлийцев. Кельты на материке подверглись полной романизации, поэтому материковые германцы и славяне называли волохами уже романоязычное население.

Можно считать, что первые волохи «Повести временных лет», напавшие на славян до прихода авар, могли быть и римлянами, и даже готами с лангобардами, коль скоро те жили в Италии – «Волошской земле». Наиболее правильным будет предположение, что славянское предание обобщило в образе «волохов» все волны западных завоева-

телей, приходивших в Паннонию: галатов, римлян и франков. Всё же преимущественно этим словом славяне обозначали именно романское население: итальянцев, далматинцев, балкано-карпатских пастухов-влахов, и именно римлян нужно рассматривать как самых первых и главных врагов дунайских «славян».

Итак, полное смысловое совпадение имени славян с самоназванием «нероманизированных» албанцев и басков, с одной стороны, и противопоставление славян и волохов в «Повести временных лет» – с другой, а также всё вышеизложенное в предыдущих главах о происхождении собственно «славян» от норико-паннонских племён позволяют сделать единственно возможный вывод. **Имя «славяне» появилось как самоназвание провинциально-римского населения, которое подобно албанцам и баскам не поддавалось романизации и сохранило свой собственный «варварский» язык.**

«Иллирийская армия» III века как колыбель «славян»

В предыдущих главах мы доказывали, что собственно «славяне», прямые предки словенцев, славонцев-кайкавцев, словаков среднесловацкого диалекта, поморских словинцев и ильменских «словен», происходят от коренного (не кельтского и не итальянского) населения римских провинций Норик и Паннония. История этих областей достаточно подробно освещена в источниках, чтобы описать, каким образом и почему паннонцы превратились в «славян».

Римское завоевание Паннонии началось в 35 году до н. э. Аппиан Александрийский описывает быт её обитателей следующим образом: «Земля пеонов покрыта лесами и простирается от яподов до дарданов. Эти пеоны жили не в городах, а в полях и деревнях родовыми общинами; они не сходились в общие дома советов, и начальники у них были не для всех. Молодёжи военного возраста у них было до ста тысяч. Но и эти не собирались вместе вследствие отсутствия единой власти» (Аппиан, X, IV, 22).

Дион Кассий отмечал, что паннонцы не производят ни вина, ни масла, но пьют и едят ячмень и просо. Климат и почва у них плохие, и

большую часть года они живут в условиях суровой зимы. Вследствие этих причин они считаются храбрейшими из известных нам народов (Колосовская, с. 33).

Страбон перечисляет названия отдельных паннонских племён (Страбон, VII, 5, 3), однако, судя по написанному о паннонцах у Аппиана, они могли и не иметь какое-нибудь общее самоназвание, обходясь родовыми прозвищами. Вследствие разобщённости сопротивление паннонцев было сломлено, и после падения их города Сискии Октавиан подчинил себе остальную часть страны по соглашению, что означало сохранение самоуправления побеждёнными.

Однако в 6 году н. э. паннонские племена подняли восстание. По свидетельству Светония, война с паннонцами была самой тяжёлой для Рима после Пунической – *gravissimum omnium bellorum post Punica* (Колосовская, 1973, с. 52). Ценой больших усилий восстание было подавлено к 9 году н. э., страна была опустошена, боеспособная молодежь продана в рабство, а остальное население низведено до положения дедитициев, то есть сдавшихся на капитуляцию, что означало полную потерю независимости. Только три племени: бойи¹, эрависки и азалы, жившие по Дунаю, сохранили самоуправление и получили статус «общины» (*civitas*). Остальные племена управлялись римскими префектами из офицеров стоявших в провинции римских легионов.

Превращение большей части Паннонии в личное владение императора² – сальтус (букв. «лес» или «лесное пастбище») делало невозможным распространение городской жизни среди коренного населения и, как следствие, его романизацию, связанную с приобретением гражданских прав. Военная служба также не могла служить средством приобщения паннонцев к латыни – как неграждане, они служили не в легионах, где языком общения солдат была лагерная латынь, а в туземных вспомогательных частях, чьи воины, естественно, говорили на своём варварском языке.

Во II веке римский образ жизни начал распространяться в Паннонии шире – сюда были выведены ряд колоний, в которых селились в первую

¹ Кельтское племя.

² Паннония относилась к императорским провинциям.

очередь ветераны. Кроме того, отказ от завоевательной политики при Адриане привёл к перестройке римской армии: легионные лагеря из обнесённых валами и частоколами временных палаточных городков превращаются в обнесённые каменной стеной крепости. Изменился и принцип набора в легионы – Адриан перенёс центр тяжести пополнения легионариев на местные ресурсы (Кудрявцев, с. 157).

Это обстоятельство значительно облегчило бы полную романизацию Паннонии, так как 25 лет службы в легионе паннонским солдатам приходилось общаться большей частью на латыни, а после выхода в отставку получившие гражданство ветераны вливались в состав романского городского населения. Однако естественное течение хода событий было прервано в конце II века н. э. Маркоманскими войнами – массовым вторжением варваров в империю по всей дунайской границе (167–180).

Потери войск в боях и от свирепствовавшей до середины 180-х годов чумы пришлось восполнять любой ценой. В легионы, второй раз после войны с Ганнибалом, зачисляли даже отпущенных на волю рабов, а из жителей Италии, не знавшей воинских наборов со времен Августа, были набраны два легиона. В источниках не сохранилось прямых свидетельств о том, как пополнялись войска, стоявшие в Паннонии. Однако, судя по эпохе Септимия Севера (род. 146, имп. 193–211), состав дунайских легионов претерпел решительные изменения.

Вместо римских граждан, уроженцев городов (*civitates*), в легионы стали набирать нероманизованное население из сёл, получавшее гражданство при вступлении на военную службу. Части, укомплектованные такими новобранцами, получали почётное наименование «*civium Romanum*». Изменяется и самосознание воинов. В предшествующее время вступивший в войско человек терял связи со своей родиной, что выражалось в принесении солдатами посвящений богам от лица своей части. Теперь же воины указывают в посвящении не номер когорты или легиона, а той общины, откуда они были набраны. Это свидетельствует о том, что воин ощущал себя не столько солдатом единой римской армии, сколько жителем своей провинции, где ему и предстояло нести службу.

Тогда же в Паннонии складывается особый тип «военно-крестьянского общества», для которого характерно неразрывное единство между римской армией и местным приграничным населением. На надгробиях

из области эрависков, где находился лагерь второго вспомогательного легиона (*legio II Adiutrix*) в Аквинке (Буда), изображены мужчины в типично римской военной одежде и их жёны, одетые в племенной наряд с характерными норико-паннонскими пальчатými фибулами (Археология Венгрии, 1986, с. 269).

Тацит в «Германии» сообщает, что эрависки представляли собой один народ с переселившимися в Германию осами, которые говорили не на германском и не на галльском, а на паннонском языке (Тацит, Германия, 28, 38). В области эрависков лежала крепость Интерциса, где обнаружено посвящение богу в облике «Дунайского всадника» (Арес конник, Хорс «Слова о полку Игореве») со славянским именем DoBRAT[IS].

На развалинах Интерцисы в аварское время располагалось городище Дунауйварош (*Dunaújváros*), чьи обитатели жили в классических славянских полуземлянках с печами-каменками в углу. Как подчёркивает раскопавший это поселение Иштван Бона, этот тип жилища появился в Интерцисе уже на рубеже IV–V веков (Bóna, 1973, S. 146), когда нашествия варваров сделали невозможной прежнюю «цивилизованную» жизнь. По мнению О.Н. Трубачёва, название города уличей Пересечена на Днестре является калькой имени Интерциса «Пересечённая» (Трубачёв, 2013, с. 388).

«Варваризация» армии стала необратимой после того, как Маркоманская война сделала Среднее Подунавье главной границей, а «иллирийское войско» – сильнейшей армией империи. В гражданской войне 193–196 годов дунайские легионы Септимия Севера одолели италиков Дидия Юлиана, галлов Клодия Альбина и сирийцев Песценция Нигера. Новая преторианская гвардия была набрана из воинов дунайских легионов (Кудрявцев, 1957, с. 200–201, 213). Надписи этих преторианцев на совершенно дикой латыни навевают мысль о том, что она едва ли была их родным языком. Во всяком случае, будущий император Максимин Фракиец, поступая на службу при Септимии Севере, объяснялся с императором на своём родном языке (Иордан, 84; с. 77).

Знаменитый эдикт Каракаллы, даровавший римское гражданство всем провинциалам, имевшим гражданство своей общины (*civitas*), не касался дедитициев, то есть сдавшихся на капитуляцию мятежников, к которым после подавления восстания VI–IX веков относились паннон-

цы (История Европы, с. 634; Штаерман, 1952). Они вообще не являлись «гражданами» чего-либо, так как были лишены самоуправления и не входили в систему *civitates*. Таким образом, коренное население Паннонии даже юридически не являлось «римским» и очень сомнительно, что оно получило гражданство в дальнейшем. Похоже, власти сознательно сдерживали романизацию сельской местности, чтобы перспективой получения гражданства привлечь отсюда добровольцев на утратившую былую привлекательность для римских граждан военную службу.

Эта политика дала свои плоды: по свидетельству Геродиана, набранные Максимином Фракийцем по распоряжению императора Александра Севера войска состояли в основном из паннонцев, которые и в дальнейшем оставались главной опорой узурпатора (Геродиан, VI, 8, 1–5; VIII, 2, 9; 3, 5; 8, 11; VIII, 6, 1). Паннонизация дунайской армии дошла до такой степени, что «национальная» паннонская шапка-«кубанка» (*pilei*) превратилась в отличительный головной убор позднеримского воина (Банников, Морозов, с. 135–136).

Убийство Александра Севера в 235 году и гибель его убийцы Максимиана три года спустя стала началом «кризиса III века», который поставил Римское государство на край гибели. От Рима отпали галльские и сирийские провинции («этносы», как они назывались по-гречески), где узурпаторы, опираясь на местные войска, учредили Галльскую империю и Пальмирское царство. Дунайские провинции, столицей которых был паннонский город Сирмий, также стали ареной постоянных мятежей и узурпаций: Пакатиан (248), Деций, первый сенатор из Паннонии (249), Эмилиан (253), Ингенуй (258), Регалиан (260), до тех пор пока император Галлиен не был убит своими иллирийскими военачальниками в 268 году (Банников, 2013; Циркин, 2015).

Как только безродным (не принадлежавшим к сенаторскому сословию) вождям «иллирийской армии» удалось добиться недоступной для них императорской власти, они тотчас же превратились в ярых борников государственного единства. Предводители «иллирицианов» Клавдий и Аврелиан разгромили готов, вернули Сирию и Галлию, за что последний удостоился звания *Restitutor orbis* «восстановитель мира».

Нет сомнения, что три крупнейшие провинциальные легионные группировки были носителями не территориального, а именно этни-

ческого самосознания. Слово «народы» (ἔθνη) в греческой литературе времён империи (Иосиф Флавий, Дион Кассий и др.) стало обычным обозначением провинций. Вряд ли кто осмелится назвать сирийские легионы правительницы Пальмиры Зиновии «римскими» в полном смысле этого слова. По мнению А.В. Банникова, можно говорить о полном исчезновении «национально-римского офицерского корпуса уже в первой половине III века», а роспуск Севером преторианских когорт и замена их выслужившимися солдатами «повлекли уничтожение последних подразделений, где ещё сохранялась италийская национальность» (Банников, 2013, с. 64). Из национальной, то есть италийско-римской, армия превратилась в имперскую (Там же, с. 60).

На наш взгляд, колыбелью собственно «славян» следует считать «инородческую» с точки зрения римлянина дунайскую армию времён «кризиса III века». На среднем Дунае, в отличие от Албании и Страны Басков, нет гор, которые обеспечили местному населению относительную изоляцию и позволили сохранить свой собственный язык и самосознание. Противостоять натиску Римского государства мог только социальный организм, обладающий сопоставимой мощностью. История указывает нам только один пример такой силы на среднем Дунае – «иллирийское войско» в период между приходом к власти Септимия Севера и возвышением Константина Великого, который опирался не на дунайские, а на рейнские легионы, состоявшие из галлов и германцев.

Иллирийское войско с полным основанием можно уподобить сипайской англо-индийской армии XIX века, где англичанами были только офицеры. Оно не было «римским» в полном смысле этого слова, так как набиралось не из «гражданского» (то есть одновременно полноправного и городского) населения, а из туземных крестьян-дeditициев, которые были не гражданами, а подданными (Штаерман, 1949). Очень сомнительно, что эти поражённые в правах люди испытывали особенную тягу к латинскому языку и культуре римских «граждан» (современная аналогия – «неграждане» в республиках Прибалтики).

Армия была единственным местом, где выходцы из разобщённых паннонских общин могли сплотиться в единое целое, способное с оружием в руках сражаться как с соперничающими легионными группами

ровками, так и с центральным правительством в Италии. В туземной по составу армии должен был сложиться единый язык военного лагеря, наподобие индийского «военного языка» урду. Воины-«иллирицианы», общавшиеся между собой на своей варварской *lingua rannonica*, и были первыми «славянами», а их подвергшийся сильнейшему воздействию лагерной латыни военный жаргон лёг в основу будущего «языка словѣньска» – предка словенского, кайкавского, среднесловацкого, нижнелужицкого и новгородского языков и диалектов.

Это положение можно подтвердить целым рядом примеров. Как уже говорилось, такие латинские заимствования в славянский, как «кладиво (меч-кладенец)», «щит», «кмет (конный воин)», «секира», «костёр (башня)», «баня», «кобыла» (*gladius, scutum, comes, securis, castrum, balneum, caballus*), могли быть сделаны только в военной среде и не позднее IV века, когда римский *gladius* сменила *spatha*, а меченосец из «гладиатора» стал «спафарием».

Источники описывают славян VI века как бойцов, вооружённых только двумя метательными копьями и очень тяжёлым щитом (Стратегикон, XI, 4, 11; Свод, 1994, с. 371). Из работы в работу кочует навеянный словами Иоанна Эфесского образ «безоружных» славян, бессильных противостоять тяжёлой коннице или конным стрелкам. Странно, что никто не пытался сравнить славян с каталонскими пехотинцами «аль-мугаврами», вооружёнными только парой дротиков, большим ножом и щитом. Казалось бы, этим средневековым «славянам» нечего было делать на полях сражений, где господствовала рыцарская конница. Между тем «каталонская компания» в конце XIII – начале XIV века оставила за собой кровавый след, разгромив всех, кто встал на её дороге. Ни турецкие и аланские конные стрелки, ни франкские рыцари и византийские каваллории ничего не смогли противопоставить «безоружной» испанской пехоте.

Если отрешиться от ходячего представления о легионере как «чуде в перьях», закованном в «анатомический» доспех, мы увидим в славянском воине, вооружённом парой *pilum*'ов, *scutum*'ом и, вероятно, *gladius*'ом (в славянском переводе Евангелия от Матфея переведено словом «нож»), заурядного, хотя и несколько «одичавшего» солдата позднеримской армии, в которой ни легионы, ни ауксиллии нельзя причислить к тяжёлой

пехоте. Согласно Вегецию (I, 20), римская пехота перестаёт пользоваться шлемами и панцирями уже при Грациане. Основную массу воинов составляют щитоносцы *scutati*, которых он прямо называет варварами (Банников, Морозов, с. 48).

Вообще, как показывают археологические находки, точно так же, как и славяне, были вооружены пешие воины по всей Европе, как «римляне», так и «варвары». Шлемы, брони носили только короли и их немногочисленная дружина, большая часть бойцов-щитоносцев (*scutati*) шла в бой защищённая только военным поясом, с мечом и парой дротиков (Там же, с. 217).

Согласны с этим и письменные источники. Прокопий описывает герулов – отважное восточногерманское племя, чьё имя, кстати, стало в англосаксонском и скандинавском языках обозначением знатного человека (*earl*), как легковооружённых воинов, «ибо герулы не имеют ни шлемов, ни панцирей, ни другого защитного вооружения. У них нет ничего, кроме щита и простой грубой рубахи, подпоясав которую они идут в бой. А рабы у герулов вступают в сражение даже без щитов» (Прокопий, II, XXV, 27–28; Прокопий, 1998, с. 128).

«Славяне» на нижнем и среднем Дунае

Как было показано выше, типология имени славян как «неримлян» и исторические обстоятельства указывают на Среднее Подунавье как место, где образовался народ, называвшийся на своём родном языке «славянами». Вместе с тем первые известия о славянах VI века помещают их только на северном берегу нижнего Дуная, в современной Валахии. Прямые свидетельства о славянах на среднем Дунае, Паннонии и Норике относятся к аварскому времени после 568 года.

«Повесть временных лет» помогает разрешить это противоречие. Она говорит: «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣне по Дунаевѣ, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, где сѣдше на которомъ мѣсте» (ПВЛ, с. 11). Другими словами, собственно «славяне» заселяли одновременно две области: Среднее (Угорьска земля) и Нижнее (Болгарьска) Подунавье.

Нетрудно ответить на вопрос, откуда славяне появились на нижнем Дунае. По свидетельству Евтропия, «Траян, завоевав Дакию, переселил туда со всего мира огромное множество людей для возделывания полей и заселения городов, ибо Дакия, вследствие длительной войны с Децебалом, лишилась своего мужского населения» (Eutrop. Brev., VIII, 6; История Европы, с. 608). Значительную часть этих людей, особенно в сельской местности, составляли переселенцы из Норика и Паннонии, они же «нарци, еже суть словѣне» (ПВЛ, с. 11), выделявшиеся из прочей массы провинциально-римских жителей подкурганным обрядом захоронения.

Как уже говорилось в главе «Происхождение пражской культуры», «нарци» из Дакии в середине III века перевалили Карпаты и поселились в верховьях Прута. Принадлежащая им археологическая культура карпатских курганов стала ядром зародившейся в Прикарпатье образцовой раннеславянской культуры пражского типа.

В 270 году римляне вывели из Дакии войска и римских граждан. Евтропий сообщает: «Провинцию Дакию, которую Траян создал за Дунаем, Аврелиан оставил, когда был опустошён весь Иллирик и когда император отчаялся в том, что сможет удержать Мёзию. Тогда он вывел римлян из городов и полей Дакии и поселил их в середине Мёзии, назвав её теперь той Дакией, которая разделяет теперь обе Мёзии» (Eutrop. Brev., IX, 15). После этого страна была занята готами.

В «Армянской географии» VII века прямо говорится, что готы, захватив Дакию, вытеснили оттуда 25 славянских племён, которые захватили у римлян Фракию (Патканов, с. 27). Из этого следует, что нижнедунайские «славяне», обретавшиеся в VI веке на северном берегу реки, были потомками норико-паннонского населения провинции Дакии, обитавшего преимущественно в сельской местности.

В отличие от военных и горожан («римских граждан»), а также пастушеского населения латифундий (предков владшских пастухов на Балканах) римские власти вряд ли смогли депортировать свободное крестьянское население провинции. Последнее, не обладая римским гражданством в силу своего статуса дедитициев, вряд ли страшилось попасть под власть варваров. Из беседы Приска Панийского с неким греком в ставке Аттилы становится ясно, что население гуннской дер-

жавы было гораздо менее отягощено налогами и повинностями, чем под властью империи (Приск, 8; Латышев, с. 255).

Деление дунайских «славян» на две части засвидетельствовал писатель середины VI века Псевдокесарий. «А как же находящиеся в другом поясе славяне и фисониты, называемые также данувиями, – первые с удовольствием поедают женские груди, когда наполнены молоком, а грудные младенцы разбиваются о камни подобно мышам, в то время как вторые воздерживаются даже от общепринятого и безупречного мясоедения. Первые живут в строптивости, безначалии, сплошь и рядом убивая, за совместной трапезой или в совместном путешествии своего предводителя и начальника, питаюсь лисами и лесными кошками, и кабанам, перекликаясь же волчьим воем. Вторые же воздерживаются от обжорства, а подчиняются и повинуются всякому» (Свод, 1994, с. 254).

Судя по названию, «данувии» обитали на среднем Дунае. Писатель VI века Иоанн Лидийский отмечает: «(Истр), попадая в теснины поблизости от Фракии, утрачивает у местных жителей свое название и зовется Данубием» (Черняк, 1990, с. 134). Под «теснинами» в данном случае следует понимать Железные Ворота, которые служат природным рубежом между Средним и Нижним Подунавьем. Из Псевдокесария следует, что «славяне» и «данубии» отличаются только нравами: первые, судя по всему, – язычники, другие – христиане (ср.: Свод, 1994, с. 255).

Это различие также легко объяснить. В отличие от Паннонии Дакия была потеряна Римом ещё до признания христианства, поэтому её население оставалось языческим. Этим, собственно, и объясняется, почему население «провинциально-римской» по происхождению славянской культуры Ипотешти-Киндешти-Чурел на нижнем Дунае сжигало мёртвых, в то время как славяне Среднего Подунавья хоронили покойников в гробах.

Псевдокесариевым «данувиям» соответствуют летописные «дунаи», «дунаицы» или «дунаичи». Никоновская летопись: «По мнозехъ же временехъ сели суть Словене обаполь Дуная, где есть ныне Угорская земля и Болгарскаа. И от техъ Словен разидошася по земли; и на которомъ месте седаша, отъ того и имя себе нарекоша: седаша на реце Мораве и нарекошася Моравляне, а друзии нарекошася Чеси, а инии Хорвати белии, инии Сербии, инии Хорутане, а инии Дунаи» (ПСРЛ, IX, с. 3).

«Повесть временных лет»: «Кий... приде к Дунаеви, и възлюби место и сруби градокъ малъ... еже и доньне нарицають дунайци городище Киевецъ» (ПВЛ, с. 13). Никоновская летопись: «Градище же и то доньне нарицается таму живущими Дунаичи Киевецъ» (ПСРЛ, IX, с. 4). «Дунаичи» упоминаются также в рассказе о призвании князей, когда «Словене, рекше Новгородци, и Меря, и Кривичи» решили пригласить князя «или отъ насъ, или отъ Козаръ, или отъ Полянъ, или от Дунайчев, или от Варягъ» (Никоновская летопись, 6367).

Свидетельством древнего деления дунайских славян на средне- и нижнедунайских являются славянские названия Дуная. Живущие по среднему течению реки словенцы, хорваты и сербы называют её Дунаем, в то время как обитающие в нижнем течении болгары – Дунавом. Оба названия упомянуты тем же Псевдокесарием в описании райских рек: «И одной имя Фисон... а у иллирийцев и рипианов, живущих вдоль потока – Данувий, а у готов – Дунавт» (Свод, 1994, с. 255).

По мнению Г. Шрамма, наличие названия «Дунай» уже в римское время, подтверждается как надписью на римском щите из Сирии (III век), так и формой гидронима у Прокопия (О постройках, IV, 5), которые отражают произношение «провинциальных варваров» на среднем Дунае. Именно от них «паннонские славяне» заимствовали форму *Dunaĵь (откуда венгерское Dúna), в то время как «дакийские славяне» заимствовали имя Дуная у готов – *Dunavъ (Шрамм, 1997, с. 30–31).

Поскольку немецкое Donau, готское Дунавт и кельтское Danubius соответствуют болгарскому Дунав, трудно согласиться с мнением, что название Дуная, оканчивающееся на «й», заимствовано славянами у германцев или кельтов (ЭССЯ, V, *dunaĵь). Скорее всего, название Дунай является исконно славянским словом, прямо восходящим к индоевропейскому названию великой реки (Шапошников, с. 183). Поэтому «провинциальноримские варвары», в отличие от кельтов и германцев, произносивших название «Данувия» как «Дунай», и «паннонские славяне», которых Г. Шрамм разделяет, на самом деле суть один и тот же народ. Это летописные «нарци, еже суть словѣне» (ПВЛ, с. 11), археологическим признаком которых являются норико-паннонские курганы.

В славянском переводе Псевдокесария о райской реке Фисон слова «у иллирийцев и рипианов» переводятся как «от сремен же и от

славень» (Свод, 1994, с. 255–256). Очевидно, что под иллирийцами-сремянами следует понимать жителей Паннонии с главным городом Сирмией (славянский Срѣмъ) – то есть провинции Pannonia Sirmensis. Имя славян-рипианов указывает на Прибрежную Дакию (Dacia Ripensis) на южном берегу Дуная, куда были выселены жители старой Дакии. Если нижнедунайские «славяне» упомянуты во множестве источников VI века, то среднедунайские «сремяне» как особый народ описаны только в «Чудесах святого Димитрия Солунского».

В главе, названной «О междуусобной войне, задуманной тайно против города булгарами Мавром и Кувером», рассказывается о нашествии на Фессалонику в конце VII века неких «сирмисианов», то есть жителей области Сирмия: «Как вы знаете, христороубцы, вначале мы рассказали о том, кого звали Хацон, и об аварах. И также рассказали, что почти весь Иллирик, то есть его провинции, а именно обе Паннонии, как и две Дакии, все области Дардании, Мисин, Превалис, Родопы, еще и Фракию, и до Длинных стен Византия и остальные города и поселения они опустошили. Весь народ оттуда (доставили) в Паннонию, в область у реки Дунай: митрополией этой провинции был когда-то так называемый Сирмий. Туда, как сказано, упомянутый каган доставил всех пленников, как уже ему подчинённых. Поэтому смешались они с булгарами, аварами и другими язычниками, родились у них дети и стал народ бесчисленным и огромным... Когда же прошло 60 лет и более с тех пор, как родители их были захвачены варварами, образовался там уже другой новый народ и большинство из них со временем стало свободными» (Чудеса, II, V; Свод, 1995, с. 169–171).

Смешанное население аварской державы, включившее в свой состав пленников, угнанных из византийских владений, следует сопоставить со «смешанными скифами», составлявшими основную часть населения в державе Атилы. Археологически ему соответствует так называемая кестхельская культура Среднего Подунавья, в погребениях которой причудливо смешиваются как «провинциально-римские», так и славянские элементы (предметы мартыновского стиля, звёздчатые серьги, ножи с волютообразной рукоятью, пальчатые фибулы).

«Сремяне» и болгары, бежавшие из-под власти аварского кагана, пришли к Фессалонике, рядом с которой проживало племя дреговичей

(Чудеса, II, V, 289–290). Пришельцы начали отнимать у другивитов еду, и вскоре предводителю «сремян» Мавру пришлось добиваться от властей города, «чтобы сремяне, намеревавшиеся бежать от славян, пришли (в город) безбоязненно и беспрепятственно» (Там же, 302; Свод, 1995, с. 176–177). Источник чётко отличает «сремян» от местных «славян», но трудно сказать, каким был родной язык этого «нового народа». Их предводитель Мавр описан как «один из его (болгарина Кувера) архонтов, выдающийся и коварный во всём и знающий наш (греческий) язык и язык ромеев, славян и болгар» (Чудеса, II, V, 291; Свод, 1995, с. 173).

Топонимические наблюдения И. Заимова о путях славянского заселения Балкан показали, что славяне двигались на юг двумя потоками: один вёл из Нижнего Подунавья через переправу ниже Железных Ворот и далее по течению реки Тимок выводил в Поморавье, на Вардар и к Солуни. В среднем течении Моравы с ним смешивался второй поток, направлявшийся из Среднего Подунавья (Седов, 1995, рис. 50).

Как мы уже говорили, дреговичи связаны с тем потоком родственного собственно «славянам» населения, которое называлось племенными названиями на «-ичи» и заселяло Балканы с северо-востока. Это население, состоящее как из собственно нижнедунайских «славян», так и пришедших с севера дреговичей, северян, смолян и кривичей, появилось в Македонии до поражения авар при осаде Царьграда в 626 году. «Сремян» можно сопоставить с вторым потоком славянского населения, шедшего из Среднего Подунавья. В итоге на землях Македонии образовался особый народ, говорящий на языке близком к болгарскому, но обладающий не столько «болгарским», сколько «славянским» самосознанием, о чём говорится в главе 2 этой книги.

Сравнение разных известий приводит нас к выводу, что к началу VI века славянское население, называвшее себя «славянами», делилось на две обособленные друг от друга части в Среднем и Нижнем Подунавье. Они отличались, во-первых, особенностями языка. Среднедунайские «славяне» называли реку Дунаем, а нижнедунайские – Дунавом. Язык первых лёг в основу западных южнославянских языков (сербский, хорватский и словенский), вторых – восточных южнославянских (болгарский, македонский, торлакские наречия сербского). Первые

взаимодействовали с западной ветвью праславянских (антских, или «вятских») племён пражской культуры, пришедших на Балканы с севера от Карпат (сербы, хорваты). Вторые взаимодействовали преимущественно с восточной ветвью этих же племён, наследников киевской культуры III–V веков (дреговичи, кривичи). Среднедунайские «славяне» названы «фисонитами», «данувиями», «иллирийцами», «сремянами» или «сирмисианами». Славяне с нижнего Дуная названы своим именем «славян», а также «рипианами».

Почему все же византийские писатели VI века избегали называть автохтонное славянское население Среднего Подунавья именем «славян», в отличие от их соплеменников в нижнем течении реки? По нашему мнению, причина состояла в том, что местное славянское население не представляло собой самостоятельной военно-политической силы. Находясь под властью гуннов, готов, лангобардов и авар, паннонские «славяне» рассматривались не столько как самостоятельный народ, сколько угнетённый социальный слой, известный более под нарицательными именами «смешанных скифов» (Приск), «дулебов» («Повесть временных лет»), «бефульков» («Хроника Фредегара»).

Кроме того, вплоть до прихода авар, полностью порвавших с империей, Паннония считалась римской провинцией, а её население продолжали называть классическими названиями «паннонцев» или «пеонов». Только с появлением авар, изгнавших из германцев из Среднего Подунавья, местные славяне превратились хоть и в зависимую от авар, но всё-таки обособленную от них военную силу (столкновение с баварами в 592, 595, 602 годах, вторжение в Италию в 599, 610 годах). После восстания Само название «Славянской земли» или Славонии окончательно закрепилось в источниках по отношению к Восточному Норику и Юго-Западной Паннонии.

В последнем румынском исследовании, посвящённом происхождению славян, есть ссылка на IV книгу «Хроники Фредегара», где под 585 годом говорится, что «гунны (авары) называются славянами, и Паннония называется также Славонией» (Paliga S, Todor, p. 76)¹. Трудно сказать, каким списком пользовались румынские исследователи, поскольку

¹ Hunii sunt numiți slavi (sclaveni) iar Pannonia se numește acum S(c)lavonia.

в последнем русском переводе этого отрывка нет (Хроника Фредегара, 2015), так же как и в латинском тексте Моммзена.

Нижнедунайская «Славиния», напротив, в конце VII века была разгромлена болгарами, и это название было перенесено на юг от Дуная на Болгарию (алб. *Shqipinikë*) и Македонию (греч. «Склавиния»).

Модель славянского глоттогенеза

Господствующая ныне модель славянского глоттогенеза, согласно которой славянский язык является «сыном» балтийского, основана не в последнюю очередь на предполагаемой «молодости» славянского языка. Последнее положение вытекает из того обстоятельства, что современные славянские языки всё ещё необычайно близки друг другу и ещё в VIII–IX веках славянский язык был, в сущности, един. Таким образом, образование славянского языка относится ко времени близкому к появлению имени славян в исторических источниках в начале VI века. «Молодость» славянского, казалось бы, полностью исключает возможность существования праславян в начале 1-го тысячелетия н. э., во времена Птолема и Тацита, не говоря о столь отдалённых временах, как бронзовый век, куда помещает праславян О.Н. Трубачёв.

«Молодость» славянского языка нельзя всё же толковать настолько прямолинейно, как это делают сторонники теории балтского «отца» и славянского «сына». «Молодость» славян обманчива: на самом деле мы имеем дело с распадом вторичного единства. Образование славянских языков в этом отношении безупречно объясняется на примере образования языков романских. Хорошо известно, что романские языки выглядят так же «молодо», как и славянский: распад романского на отдельные языки начался не ранее IX века.

Попытки реконструкции общероманского состояния приведут нас не ранее чем в IV век н. э., когда на основе вульгарной латыни начал складываться совершенно новый язык, называемый, в отличие от классической латыни, не *lingua latina*, а *romana lingua* (Рейхенаусская глосса, Страсбургская клятва IX века). Восстановить на основе современных романских языков язык Ромула и Рема не представляется возможным, и, если бы в нашем распоряжении не имелось древних текстов, мы бы и

не подозревали о существовании классической латыни, не говоря уже о прочих италийских языках.

Представим на мгновение, что латинские тексты исчезли, и попытаемся установить происхождение романцев тем же самым способом, который авторы теории «балтского сына» применяют к славянам. Самым близким к романским языкам являются языки кельтов. Подобно балтским они сохранились только на западной окраине своего распространения, уступив большую часть своей начальной области романским языкам, и являются не менее архаичными, чем балтийские. Отношения романцев и кельтов как в зеркале отражают отношения славян и балтов, и теория кельтского «отца» и романского «сына» напрашивается сама собой.

Несостоятельность такого подхода очевидна: «молодость» современной романской языковой семьи не отменяет существование италийских языков, носители которых жили в Италии по меньшей мере со времён основания Рима в VIII веке до н. э. Романский язык вырастает из италийского, а вовсе не из гипотетического итало-кельтского континуума, тем более кельтского языка-отца. Если мы взглянем на отношения романского и италийского в ретроспективе, то увидим, что италийский язык представляет собой не что иное, как «прароманское» состояние.

Именно в этом ключе следует рассматривать славянский глоттогенез. Общий варварский язык славян и «антов» VI века, он же относительно монолитный «языкъ словенскъ» IX–X веков, представлял собой такое же вторичное лингвистическое явление, как и современная ему *lingua Romana*. Современные славянские языки относятся к праславянским точно так же, как романские к италийским. Праславянский является таким же самостоятельным индоевропейским языком, как италийский, и, подобно последнему, состоял из целого ряда самостоятельных «племенных» наречий, следы которых до сих пор прослеживаются по особенностям славянского ударения, не совпадающим с современным членением славянских языков (Дыбо, Замятина, Николаев, 1988).

Великое переселение народов, перемешавшее первоначальные праславянские племена, привело к сложению общеславянского языка на основе праславянских наречий Подунавья, который и стал основой образования современных славянских языков. Характерной особенностью

Возникновение славян

этого «южного», собственно «славянского» стал переход праславянского *gordъ в «град» (южные славянские, чешский и словацкий языки). Под его влияние попали и северные периферийные диалекты «вятского» типа, на которых говорили анты (венеты) – предки большей части западных и восточных славян, для которых характерны переход «город», «груд» и даже «гард». После вторичного сближения двух праславянских языковых ветвей началось новое расхождение, породившее три ветви современных славян.

Праславянское состояние хронологически и типологически совпадает с италийским (прароманским). Оно ни в коем случае не может быть описано как балто-славянское или тем более балтское. Общий славянский язык VI–IX веков условно можно рассматривать как единственную жизнеспособную ветвь праславянского древа, подобную латинскому языку в италийской семье. Как *lingua latina* вытеснила и поглотила близкородственные языки осков, умбров, самнитов и прочих италиков, «племенной» язык собственно «славян» (общих предков новгородских «словен», словаков, словенцев и словинцев) поглотил и вытеснил племенные наречия полян, древлян, кривичей и других праславянских племён.

В свою очередь, племенное наречие «славян» в узком смысле этого слова изменилось при этом до неузнаваемости: «языкъ словѣньскъ», на котором общался славянский мир во времена святых Кирилла и Мефодия, относился к племенному языку «собственно славян» примерно так же, как романский язык IX столетия к вульгарной латыни III–IV веков.

Возникновение славян

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод. Собственно «славяне» образовались как народ в дунайских провинциях Римской империи не позднее III века, когда Дакия была оторвана готами от оставшихся под властью Рима Паннонии и Норика. Своё происхождение «славяне» ведут от коренного населения этих двух провинций, выделяемого археологически по норико-паннонским курганам и особому женскому костюму с двумя фибулами на плечах (Gabsch, 1965). Это население было праславянским и говорило на особом индоевропейском языке, названном у Тацита *lingua Pannonica*.

Современные славянские языки относятся к нему точно так же, как современные романские к древним италийским языкам: латино-фалискскому или оско-умбрскому.

«Славянизация» первоначально охватила только южную часть (пра)славянских племён. Северные праславяне, отделённые от своих собственно норико-паннонских сородичей Карпатскими горами и известные античным авторам под именем «венетов» (откуда летописное племенное имя вятичи), ещё долгое время не считали себя «славянами» и продолжали пользоваться другими племенными именами, в том числе и заимствованными (например: *sarmatae* «хорваты»). Общим самоназванием восточноевропейских праславян было «вятское» имя, которое византийские писатели передавали как «анты». Следствием этого стало появление славян в письменности VI века в виде «двоицы», состоящей из собственно «славян» и антов.

Историческим событием, которое стало непосредственным толчком «славянского» этногенеза, следует считать Маркоманские войны конца II века, приведшие к гибели классической Римской империи времён принципата. Итогом этой «европейской» войны и последовавшей за ней гражданской войны в Риме стали слом старого государственного и племенного строя и появление на его обломках новых общностей по обе стороны лимеса. В первую очередь к этим общностям относятся «романцы» (греч. «ромеи»), образовавшиеся после эдикта Каракаллы 212 года из слияния собственно «римлян» (*cives Romani*) с полноправными членами прочих гражданских общин (*civitates*) Римского государства. В германском мире в это же самое время на основе старых племён складываются неизвестные ранее III века крупные народы франков, алеманнов, а также готов, саксов, бургундов, вандалов и тюрингов, объединившие под своим именем калейдоскоп германских племён I–II веков.

В это же время происходит и слияние разрозненных норико-паннонских племён и, вероятно, такого же слабо романизованного населения Балканского и Иберийского полуостровов в «говорящих на понятном языке» «славян», албанцев-«шкиптаров» и басков-«еускалдунак». Превращению паннонцев в «славян» способствовало два обстоятельства. Во-первых, статус дедитициев (сдавшихся на капитуляцию), который ставил их за рамки римского гражданства и как следствие затруднял

их романизацию. (Статус паннонцев в Римской империи напоминает положение индейцев в США, которые не являются гражданами этой страны.) Во-вторых, создание «иллирийской армии», ставшей в эпоху «кризиса III века» сильнейшей военной силой в империи.

Это полуварварское воинство может считаться «римским» в такой же степени, как сипайская армия в Индии XIX – «английской». Личный состав её был набран из паннонских рекрутов, не владеющих латинским языком. На «антиримские» элементы государства вообще опирался африканец Септимий Север, завоевавший Италию, и его сын Каракалла, унижавший римлян установкой по всей империи бюстов Ганнибала и даровавший гражданство провинциалам. Последняя мера, впрочем, не коснулась большей части коренного населения Подунавья, стоявшего за пределами не только римского, но и вообще любого гражданства (*civitas*).

Единственной «общиной», которая могла защитить бесправное сельское население от натиска римлян (будь то сенаторы или гражданские общины), стала «варваризованная» дунайская армия, а способом отставивания своих «национальных» прав – военный мятеж. Кризис III века начался с убийства паннонскими новобранцами императора Александра Севера и возведения ими на престол своего вождя – первого «солдатского императора» Максимиана Фракийца. Романизованный гражданский мир единодушно выступил против «тирана», покусившегося на звание императора. После его гибели и вплоть до смерти последнего римского императора из сенаторского сословия Галлиена «иллирийская армия» находилась в состоянии мятежа против Рима, а её постоянные выступления в буквальном смысле «топились в крови», покуда «иллирийские императоры» в 268–284 годах не овладели государством.

Разгулявшуюся иллирийскую военщину смогли обуздать только выходцы из её собственных рядов – Диоклетиан и Константин. Их военные реформы привели к уничтожению трёх обособленных римских армий на Рейне, Дунае и Сирии. Лучшая часть «иллирицианов» вошла в состав подвижного полевого войска (*comitatenses*), остальные оказались в составе местного «ополчения», защищавшего «берег» (*ripa*) Дуная, – так называемых *riparienses*. Смутную память об этом времени сохранил славянский переводчик Псевдокесария, который передал название «рипиан» у последнего словом «славяне».

Очевидно, что в условиях постоянной резни с карательными отрядами из западных и африканских провинций, которая в конечном счёте окончилась победой «иллирицианов», «антиримское» самосознание дунайских войск и местных жителей должно было только закалиться. Иллирийская армия времён «кризиса III века» стала «горнилом», в котором разрозненные и бесправные сельские жители Норика и Паннонии (летописные «нарцы») переплавились в сплочённую массу «словѣнь», говоривших не на латыни, а на своём «понятном» языке.

Новая общность оказалась настолько прочной, что сумела пережить не только Рим, но и господство варваров в V–VIII веках. Только приход венгров, а скорее всего татарское нашествие XIII столетия, во время которого было уничтожено земледельческое (славянское) население Среднего Подунавья, а страна наполнилась кочевниками-половцами, привели к тому, что язык венгров окончательно возобладал на равнине, а собственно «славяне» распались на два особых народа: словаков и словенцев, отеснённых в ущелья Татр и Восточных Альп.

Почему имя «славян» появилось в источниках лишь 200 лет спустя после описанных событий? В этом нет ничего удивительного: «национальные» самоназвания входят в обиход только в переломные времена, после распада крупных империй, когда «новые» народы заявляют о себе в качестве силы, с которой так или иначе приходится считаться.

Распад Российской империи обогатил русский язык множеством самоназваний такого рода. На месте хорошо известных тунгусов, зырян, черемисов, вотяков, киргизов явились доселе неведомые «эвенки», «коми», «марийцы», «удмурты» и «казахи»; Вильно, Ревель, Тифлис и Эривань стали «Вильнюсом», «Таллином», «Тбилиси» и «Ереваном». Подобным образом, после распада Австро-Венгрии немецкое *Böhmen* превратилось в *Tschechen*, чешское *Uhersko* – в *Maďarsko*, венгерское *Tótország* – в *Szlovakia*. Распад СССР познакомил нас с труднопроизносимыми Бишкеком (Фрунзе, Пишпек) и Башкортостаном (Башкирия), а также с Саха-Якутией, Чечня едва не превратилась в Ичкерия.

Впрочем, самоназвания множества известнейших народов до сих пор остаются неведомыми их ближайшим соседям. Никто в мире, за исключением самих китайцев и армян, не называет их «ханьцами» и «хайками». Самоназвание немцев «тевтоны» (*deutsch*) укоренилось

Возникновение славян

только в итальянском (Tedeschi) и скандинавских языках. Другие народы зовут их в основном «алеманнами» (французы, испанцы, мусульманские народы), «саксами» (финны), «немцами» (славяне), а балтское название немца (латышское «вацетис») вообще ни на что не похоже. Поэтому неправильно было бы жёстко связывать возникновение славян с появлением в 512 году их самоназвания в византийской письменности (Иванов, 1991). Имя «славян» появилось за 200 лет до сообщения Прокопия, а народы, говорившие по-славянски, – паннонцы и венеты – существовали задолго до появления самого «славянского» имени.

ГЛАВА 9. СЛАВЯНЕ И ВЕНЕТЫ

Венеты и киевская культура

Главным препятствием на пути решения вопроса о происхождении славян является недооценка двоичного деления славянства. Во время своего появления на страницах источников собственно «славяне» составляли лишь половину славянства, в то время как другую и даже, по выражению Иордана, «сильнейшую» часть составляли анты. Стремление представить антов как некую «окраинную» разновидность славян сыграло с исследователями злую шутку. Вместо того чтобы по отдельности исследовать происхождение этих разных, хотя и в равной степени славянских по языку народов, учёные пытались и пытаются вывести их из какого-то ограниченного пространства, занятого носителями одной археологической культуры. Из последних работ такого рода следует упомянуть теории о полесской (Щукин, 1997; Гавритухин, 2009) или деснинской (Рассадин, 2008) «прародинах» славян.

По этому поводу ещё в начале XX века было хорошо сказано Брюкнером: «Не делай другому того, что неприятно тебе самому. Немецкие учёные охотно утопили бы всех славян в болотах Припяти, а славянские – всех немцев в Долларте (устье реки Эмс); совершенно напрасный труд, они там не уместятся; лучше бросить это дело и не жалеть света божьего ни для одних, ни для других» (цит. по: Трубачёв, 2002, с. 15).

В предыдущих главах было показано, что собственно «славяне» и анты проживали по разные стороны Карпат, а имя антов является разновидностью этнонима «венеты» (глава «Анты, вятичи, венеты»), имя же «славян» вообще является поздним новообразованием III века н. э. (глава «Возникновение славян»). Ни «славян», ни антов нельзя вывести друг от друга, хотя первые в лице носителей культуры карпатских кур-

ганов оказали решающее воздействие на возникновение классической раннеславянской культуры пражского типа к северу от Карпат, носителями которой была часть антов, чьими потомками стали летописные племена с именами, оканчивающимися на «-яне». Происхождение «славян» связано с Паннонией, Нориком и Дакией и является частью провинциально-римской истории. Анты, напротив, жили за пределами римской державы и целиком принадлежали варварскому миру. Культурные различия между двумя ветвями славянства в середине 1-го тысячелетия н. э. были не меньше, чем между современными славянами, пользующимися кириллицей и латиницей.

Последним крупным трудом классической письменности, где венеты упоминаются в качестве населения Восточной Европы, является «Гетика» Иордана. Учёный гот использует это имя в качестве родового обозначения хорошо известных в середине VI века «славян» и антов, хотя из его описания событий IV века в Северном Причерноморье становится ясно, что в то время готы сталкивались только с антами, которых они, собственно, и называли венетами. Как уже было сказано, готский король Германарих нанес венетам страшное поражение и распял их царя по имени *Voz* (славянское *вожь «вождь»), а его сын за победу над антами получил имя Винитарий, образованное из этнонима «венеты» по германской модели: баюварии – «бавары», видиварии – «пруссy», танимаркари – «датчане», мархарии – «мораване».

К III–IV векам относится упоминание венетов в Пертингеровой карте, где они названы дважды: как *Venadi Sarmatae* к северу от Карпат и как *Venedi* около устья Дуная (Свод, 1995, с. 68–69). В связи с этим следует развеять старинный, идущий еще от Шафарика и кочующий из книги в книгу миф о победе над венетами Волузиана, сына и соправителя императора Трибониана Галла, на монетах которого якобы присутствует титул «вандалский, финский, галиндский и венедекский» (Шафарик, с. 91). На самом деле на тетрадрахмах и антонианах этого императора выбиты соответственно греческая и латинская надписи *ΑΥΤΟΚ Κ Γ ΑΦΙΝ ΓΑΛ ΟΥΕΝΔ ΟΥΟΛΟΥΚΚΙΑΝΟΣ ΣΕΒ / IMP C V AF GAL VEND VOLVSIANO AVG*, то есть «автократор кесарь Гай Афиний Галл Венд... Воллукиан Севаст / *Imperator Caius Vibius Afinius Gallus Vend... Volusianus Augustus*».

Слог «венд», выбитый прямо над головой Волузиана, является частью личного имени и не может быть почётным названием побеждённого племени. Таковые всегда ставились после титула августа/севаста, как, например, на денарии Траяна, с надписью IMP TRAIANO AVG GER DAC P M TR P, где он титулован соответственно «Германским» и «Дакийским». Скорее всего, слог VEND является сокращением личного имени Вендумиан, связанного, конечно, не с глаголом *vendo* «продавать», а с каким-то галльским словом, родственным латинскому *vendico* «охранять, мстить» или *vindex* «хранитель, мститель».

Правда, Трибониан Галл и его сын Волузиан всё же имеют отношение к славянам, но именно их дунайской, собственно «славянской» ветви. Трибониан был ближайшим сподвижником императора Деция, в правление которого часть мятежных дунайских легионов передалась под власть готов. С этим событием связано появление в середине III века на верхнем Пруте культуры карпатских курганов, оставленной предками собственно «славян», переселившимися в римскую Дакию коренными жителями Норика и Паннонии (глава «Происхождение пражской культуры»).

Археологические исследования последних лет позволяют установить, кем были венеты, с которыми воевал готский король Германарих. Готскому государству III–IV веков в Северном Причерноморье соответствует черняховская культура (Щукин). Севернее располагалась область распространения киевской культуры. Сравнительно недавно памятники этой общности были известны только в Среднем Поднепровье, но к настоящему времени можно быть уверенными, что киевская культура занимала Среднее и Верхнее Поднепровье к западу от реки Березины, а также верхнее и среднее течение Западной Двины. В настоящее время славянскую принадлежность этих памятников можно считать надёжно установленной (Лопатин, Фурасьев, с. 104–105).

Славянское население начало проникать на север уже в III веке и шло именно тем путём, который был обоснован исследованиями О.Н. Трубочёва, посвящёнными гидронимии Верхнего Поднепровья. Согласно его изысканиям славяне сначала освоили восточную часть Днепровского бассейна и только позже проникли на белорусские земли, двигаясь как бы в обход Припятских болот (Трубочёв, 1997,

с. 98–100). Приход славян с юга подтверждается, во-первых, названием левого притока Днепра – реки Десны, то есть «правой», каковой она является, только при движении вверх по течению Днепра. Во-вторых, на приход славян с юга указывает самое название Днепра. «Северным» названием реки было известное ещё Геродоту имя Борисфен, которое очевидным образом перекликается с балтским по происхождению названием реки Березины.

Эти соображения делают очень шаткой популярную в отечественной археологии теорию о выделении славян из балто-славянского «континуума» в V веке, когда согласно поэтическому образу М.Б. Шукина была взломана стенка «венедского котла», под которым он подразумевал пространство, занятое киевской культурой. Согласно этой гипотезе, после гибели черняховской культуры под ударами гуннов в конце IV века из Верхнего Поднепровья на просторы Восточной и Центральной Европы хлынуло целое море балтоязычных венетов, которым предстояло к началу VI века превратиться в славян. Впоследствии, вернувшись с Дуная, в ходе «лесной реконкисты» славянские «сыновья» ассимилировали или изгнали с Днепра своих балтских «отцов» (Шукин, 1997, с. 143; Мачинский, 1981, с. 47, 49–50).

Как следует из исследования Н.В. Лопатина и А.Г. Фурасьева, уже в III веке славяне и двигались на север в глубь Поднепровья, в сердце земель, покрытых густой сетью балтских гидронимов, оттесняя на северо-запад коренное население. Исследователи подчёркивают, что вся дальнейшая история Верхнего Поднепровья и Подвинья связана с пришлыми носителями киевской культуры, в то время как местные балтские культуры угасают не оставляя следов (Лопатин, Фурасьев, с. 104). Вместе со славянами на север распространялось и южное название Днепр, имеющее иранское происхождение.

Как уже говорилось выше (глава «Анты, вятичи, венеты»), киевскую культуру можно связать с группой позднейших летописных племён, чьи названия оканчиваются на «-ичи». Эти племена удаётся достаточно точно сопоставить с археологическими группами, образовавшимися после распада киевской и черняховской культур, разгромленных гуннами. Только одно из этих племён, а именно вятичи (именьковская культура), сохранило древнее племенное название венетов.

Другая группировка «антских» по происхождению летописных племён, чьи названия оканчиваются на «-яне» (пражская культура), образовалась за пределами области киевской культуры. Предки этих племён проживали на северо-западной окраине черняховского ареала, по соседству с собственно «славянской» культурой карпатских курганов, чей погребальный обряд – трупосожжение, с помещением праха на поверхности или под курганом, – распространился и постепенно стал господствующим по всему северо-восточному славянскому миру (Цоль-Адамикова; Седов, 1995, с. 16).

После разгрома готов и гибели черняховской культуры местное славянское (собственно «антское») население Верхнего Поднестровья и Днепровского правобережья распространилось на запад, вплоть до Германии и Чехии. Разрыв связей с античным миром и постоянная военная угроза во время Великого переселения народов придали пражской культуре разительный «послевоенный» облик, символом которого является пресловутая славянская землянка с печью-каменкой в красном углу, лепная посуда и поразительная бедность погребального обряда.

Зарубинецкая культура и венеты

Киевская культура выросла на основе так называемых поздnezарубинецких древностей II века н. э. Постзарубинецкий же горизонт в узком смысле этого слова (горизонт Рахны–Почап) образовался после разгрома сарматскими племенами, предположительно аланами, рубинецкой культуры в Среднем Поднепровье в I веке н. э. (Щукин, 1994, с. 223–226). М.Б. Щукин, автор теории образования славян из «венедского котла», излагает происходящее следующим образом. Разгромленные сарматами носители зарубинецкой культуры, которых исследователь считал бастарнами (кельтизированные германцы), устремляются во второй половине I века н. э. на север, в Верхнее Поднепровье, населённое балтославянами, или, согласно теории «балтского отца – славянского сына», просто балтами (Там же, с. 227–229; Щукин, 1998, с. 140).

Вторжение беглецов с юга, взбаламутившее застойный мир лесных племён, привело к распаду старых культур (днепро-двинской,

штрихованной керамики, юхновской) и появлению новой – киевской. Потомки пришельцев бастарнов, смешавшихся с туземцами балтами, составили новый народ, получивший своё название «венетов» от римских торговцев янтарём из адриатической Венетии, хлынувших в Прибалтику после возобновления Янтарного пути при Нероне (Щукин, с. 129–130).

Изложенная здесь теория происхождения имени восточноевропейских венетов вызывает ряд вопросов. Во-первых, непонятен сам механизм усвоения местным, балтско-бастарнским населением нового этнонима от заезжих торговцев. Заявление о «переносе термина “венеты” на широкие слои населения Прибалтики и Восточной Европы» требует какого-то объяснения. Легенды XVI века о переселившемся в Пруссию родственнике императора Августа по имени Полемон вряд ли может таковое заменить.

Кроме того, непонятна причина такого переноса, который, как следует из статьи М.Б. Щукина, состоялся едва ли мгновенно, в период нескольких десятилетий. Такое было бы возможно, если бы римские венеты создали в Восточной Европе какой-то род государства, объединившего местные племена наподобие Руси в X веке, но ни о чём подобном источники не сообщают. Согласно Тациту, венеты были обычным варварским племенем у восточных границ описанной историком «Германии», между певкинами (бастарнское племя) на юге и феннами (финские племена) на севере.

«Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов (*Venethi) и феннов к сарматам, право не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и причём с большой быстротой; все это отмежовывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тацит. Германия, 46; с. 372–373).

Возможно, фантастическое объяснение появления восточноевропейских венетов объясняется тем, что этому имени в теории М.Б. Щукина не находилось места среди местных племён, упомянутых Тацитом. Носителей зарубинецкой культуры, как уже говорилось, археолог считал бастарнами, выходцами из области распространения германской ясторфской культуры. Расположенные к северу балтские культуры скорее подходили под имя Тацитовых эстиев, которыми ещё в «Орозии» короля Альфреда конца IX века именуется вовсе не летописная чудь, а балтоязычные пруссы (Матузова, с. 26). Имя венетов поневоле пришлось выводить откуда-то из Адриатики. К настоящему времени появилась возможность исправить и уточнить эту картину.

Согласно исследованию украинского археолога Е.Д. Пачковой, зарубинецкая культура, которую некоторое время считали рядовой «латенизированной» культурой германского происхождения, образовавшейся по окраинам кельтского мира, отличалась от этих культур значительным своеобразием. М.Б. Щукин считал бастарнскими сразу две восточноевропейские культуры: поянешти-лукашевскую в Молдавии и зарубинецкую в Поднепровье. Е.Д. Пачкова полагает, что связывать зарубинецкое население с бастарнами нельзя, поскольку в отличие от поянешти-лукашевской культуры связи зарубинецкой и ясторфской культур незначительны. Таким образом, зарубинецкая культура является просто «латенизированной», но ни в коей мере не «бастарнской» (Пачкова, с. 344).

Вообще, при прочтении главы о соотношении зарубинецкой и ясторфской культур в её книге складывается впечатление, что прямую связь между этими культурами находят лишь в силу большой историографической инерции. Очень вероятно, что все аналогии между ясторфской (прагерманской) и зарубинецкой культурами можно объяснить соседством её с «филиалом» ясторфской культуры в Молдавии – культурой Поянешти-Лукашевка. В любом случае ясторфское население не имеет прямого отношения к образованию зарубинецкой культуры (Там же, с. 251–252).

Более перспективным источником «латенизации» Среднего Поднепровья следует считать связи с Подунавьем и Балканами. В частности, именно там бытовали фибулы с треугольным щитком на ножке, кото-

рые на всём протяжении жизни зарубинецкой культуры составляли её характерный этнографический признак, неизвестный прочим латенизированным культурам. Мнение о том, что зарубинецкое население заимствовало этот тип украшений во время бастарнских походов на Балканы, сомнительно.

Странно, что несомненные бастарны, носители культуры Поянешти-Лукашевка, не пользовались такими фибулами, да и вообще во всех латенизированных культурах, за исключением зарубинецкой, облик фибул менялся с каждым поколением (Пачкова, с. 347). В целом на основании исследования Е.Д. Пачковой складывается мнение, что зарубинецкая культура была создана в III веке не без участия какого-то населения из Подунавья и Западных Балкан в Поднепровье, которое принесло с собой латенский стиль и культурную ориентацию на кельтский мир Центральной Европы.

Поскольку выше (глава «Возникновение славян») мы доказывали праславянскую принадлежность коренного населения Паннонии, завоёванной кельтами к началу III века, эту же принадлежность следует приписать и носителям зарубинецкой культуры. В таком случае зарубинецкая культура принадлежала не бастарнам, а венетам, о чём и говорит и Е.Д. Пачкова, когда утверждает, что зарубинецкое население принесло из Подунавья и Балкан не только характерные фибулы, но и самоназвание: «Вероятно, этноним венеды, с которым они могли познакомиться в Иллирии, в это же время мог попасть на территорию Поднепровья» (Пачкова, с. 347). Естественно, что заимствование этнонима в качестве трофея представляется чем-то маловероятным и название венетов было усвоено праславянским населением при иных обстоятельствах.

Можно быть твёрдо уверенным, что название венетов появилось в Среднем Поднепровье вместе с зарубинецким населением, то есть не ранее III–II веков до н. э. В предшествующее время в Восточной Европе господствовали скифы. Этническая география Скифии исчерпывающе описана Геродотом. Много в ней остаётся неясным, но имени венетов он не упоминает. Земли зарубинецкой культуры в скифское время были заняты населением милоградской культуры на лесном севере и различными «скифообразными» культурными группами на юге, в лесостепи.

Считается, что носителями милоградской культуры были Геродотовы негры (Мельниковская, с. 167–171, карта на с. 4). Связать каждую из лесостепных групп с определёнными племенами, упомянутыми в «Истории», не представляется возможным. Впрочем, какие-то догадки возможны и здесь. Прокопий утверждает, что некогда «славяне» и анты назывались «спорами» (Прокопий, VII, 14, 29; Свод, с. 185). Иордан сообщает, что поселившиеся в Северном Причерноморье готы первыми столкнулись с племенем спалов.

Чередование звуков «р» и «л» – обычное дело, и, возможно, оба слова передают этноним, до сих пор сохраняющийся в русском языке в слове «исполин», образованном по обычному образцу, когда название сильного народа становится нарицательным в языке соседей, как, например, немецкое *Nüne* «великан, гунн», славянское обр «великан, авар», французское *ogre* «сказочный великан-людоед, венгр». Вполне возможно, что это название этого народа, при неясных обстоятельствах перенесённое соседями на предков славян, как-то связано с самоназванием части хеттов – палайцы (откуда Пафлагония), с рассказом Диодора Сицилийского (II, 43) о разделе скифов на палов и напов (Трубачёв, 1999, с. 100–101).

Таким образом, население лесостепной Скифии условно можно именовать «спалами». Это название более удачно, чем появившееся с лёгкой руки академика Б.А. Рыбакова имя «праславян – сколотов» (Рыбаков, 2010, с. 202). Геродот недвусмысленно свидетельствует, что «сколотами» называли себя собственно скифы, обитавшие южнее, в степях Северного Причерноморья, поэтому это не могло быть названием лесостепных земледельческих племён (Геродот, IV, 6, 2; Древняя Русь, I, с. 35).

Другим названием лесостепных племён Скифии могло быть уже знакомое нам имя бастарнов. В современных западноевропейских языках оно превратилось в название незаконного ребёнка (фр. *bâtard*, англ. *bastard*). В связи с этим наиболее исторически достоверной представляется этимология этого слова как индоиранское *bast-arna «потомки рабов», предложенная О.Н. Трубачёвым, которая хорошо согласуется с рассказом Геродота о войне вернувшихся из Азии скифов с детьми рабов, или «дулоспорами», прижитыми скифянками в отсутствие законных мужей (Трубачёв, 1999, с. 213–214). Историки видят в этом рассказе

свидетельство покорения кочевниками-скифами земледельческого населения лесостепи.

Вполне вероятно, что имя «бастарнов» было перенесено на появившихся в Северном Причерноморье во II веке до н. э. латенизированных германцев, которые сами себя называли другими именами. Тацит прямо говорит о певкинах, которых «некоторые называют бастарнами», а Страбон называет бастарнами как атмонов и сидонов с острова Певка (дельта Дуная), так и явно негерманское племя роксоланов (Страбон, VII, 3, 17; Древняя Русь, I, с. 108). Вероятно, имя бастарнов стало таким же обобщённым названием подчинённого сарматским кочевникам оседлого населения, как и позднейшее тюркское слово «таты».

Имя венетов на карте Европы

Имя венетов известно с глубокой древности. Впервые они упомянуты во второй книге «Илиады» как жители Малой Азии. Гомер называет венетов (Ἐνετοί) из Пафлагонии в числе союзников троянцев. Геродоту известны венеты адриатические (Геродот, V, 9), а также «венеты в Иллирии», чьи брачные обычаи напоминают вавилонские (Геродот, I, 196). Вполне вероятно, что речь идёт об одном и том же народе.

Юлий Цезарь столкнулся с венетами при завоевании Галлии. Название этого племени до сих пор сохраняется в бретонском названии французского города Ванна (римский Дариоритум), бретонское имя которого – Gwened. Трудно сказать, связано ли с этим племенем название известного из истории Французской революции департамента Вандея, расположенного неподалёку от Бретани. Как и остальные департаменты, он получил название от реки Вандеи, название которой происходит от кельтского слова, обозначающего белый или светлый цвет (герб и флаг Бретани до сих пор называется по-бретонски gwenn ha du «белый и чёрный»). Поэтому трудно сказать, была ли Вандея изначально «венетской» или просто «белой» рекой.

Из имён, предположительно связанных с венетами, следует упомянуть валлийское княжество Гвинед (Gwynedd, лат. Venedotia), которое, впрочем, скорее связано с искажённым названием римского поселения Venta Silurum «торг силуров». Более надёжным представляется назва-

ние племени винделиков (Vindelici) на правом берегу верхнего Дуная. Вместе с живущими южнее ретами это племя населяло римскую провинцию Рецию, чей столицей был город Августа Винделиков (Аугсбург), построенный на месте известного латенского городища Манхинг. Как и в случае с Вандеей, сходство имени венетов с кельтским словом *windo «белый, светлый» и латинским venetus «голубой, лазоревый» не даёт возможность однозначно связать с этим племенем названия городов Виндониссы (совр. Виндиш в Швейцарии, воспринимаемый в немецком языке как «славянский»), Виндобоны (совр. Вена) или Боденского озера (lacus Venetus).

Более уверенно можно связать с венетами название германского племени вандалов, впервые упомянутых Плинием Старшим как Βάνδαλοι в I веке. Согласно Плинию, германцы делились на пять племён: вандалов (бургундионы, варины, харины, гутоны), ингевонов (кимвры, тевтоны, хавки), истевонов-сикамбров, эрминонов (свевы, гермундуры, хатты и херуски) и певкинов-бастарнов (Плиний, IV, 99; Древние германцы, с. 47). До эпохи Великого переселения народов имя вандалов почти не употребляется римскими историками и географами. Лишь Тацит вскользь упоминает это слово как пример старинного германского племени.

Вместо имени вандалов Страбоном, Тацитом, Клавдием Птолемеем и Дионом Кассием употребляется имя лугиев, а также иные названия племён, известных позднее как вандальские, например силингов в «Географии» Птолемея. Поскольку имя лугиев совершенно неизвестно Плинию Старшему, разумно присоединиться к неоднократно высказывавшемуся мнению о том, что слово «вандалы» было другим обозначением лугиев. Скорее всего, слово «вандалы» означало буквально «венетские, подобные венетам» и прилагалось к германцам, поселившимся на землях, занятых ранее венетами. Именно поэтому трудно сказать, от какого племени – венетов или вандалов получила своё название самая северная часть Ютландии Вендсиссель – «округ вендов».

С вандалами в археологии принято связывать пшеворскую культуру II века до н. э. – IV века н. э., сложившуюся под сильным влиянием кельтской латенской культуры Подунавья примерно в то же самое время, когда в Поднепровье складывается культура зарубинецкая. По

мнению В.В. Седова, пшеворская культура объединяла в себе пришлое германское и местное праславянское население, отличающееся друг от друга в первую очередь погребальным обрядом (Русанова, 1990; Седов, 1994, с. 166–200).

Венеты и культуры полей погребений бронзового века

Если сопоставить карту распространения имени венетов с известными археологическими культурами, то единственной общностью, которую можно связать с этим народом, будут культуры полей погребений бронзового века (XI–IX века до н. э.). Имена венетов располагаются по её окраинам: на западе – в Галлии, на юге – в Италии, на востоке – в Европейской Сарматии. Самой известной из них является лужицкая культура, которая пережила всех своих собратьев и исчезла только к IV веку до н. э. Долгое время её считали принадлежащей венетам – «северным иллирийцам» в немецкой и славянам – в польской науке, из неё вывели прочие культуры полей погребений.

В 1964 году вышла работа Вольфганга Киммига, который доказал, что поля погребений появились на среднем Дунае в XIII веке до н. э., откуда культура распространилась во всех направлениях, вплоть до Каталонии, Сицилии и Польши. По мнению Киммига, знаменитые «народы моря», разрушившие Трой, Хеттское царство и едва не погубившие Египет, принадлежали этой культурной общности (Клейн, с. 59, 62, карты 16–18). Вероятно, эта волна переселений привела в Малую Азию пафлагонских венетов, которая как бы предвосхитила случившееся тысячу лет спустя вторжение сюда других выходцев из Центральной Европы – галатов.

Происхождение культуры полей погребений до конца ясно. Самой первой культурой в Подунавье, где появился обычай захоронения праха в урне, была культура, известная в Сербии под названием Дубовац – Жуто Брдо, а в Румынии – Гырла-Марэ – Кырна (Тасић, с. 154–155; Dumitrescu, с. 192–197). Археологи связывают её с переселенцами паннонской культуры инкрустированной керамики (средняя бронза по венгерской хронологии), отступившими вниз по Дунаю под натиском

завоевателей с запада (Praistoria, IV, с. 519). Последними были племена так называемой средневропейской курганной культуры (Hügelgräberkultur) бронзового века (XIV–XII века до н. э.), которая заняла всю Карпатскую котловину и западную часть Балканского полуострова (Praveké, карта 104 на с. 379).

Поскольку племена курганной культуры разгромили население культуры инкрустированной керамики, неясно, почему они впоследствии оказались от обычая труположения под курганами и даже на своих коренных землях в Южной Германии перешли к бескурганым урновым трупосожжениям. Вполне возможно, что новый обряд объединил в рамках одной культурной общности племена разного происхождения: во всяком случае, средневропейская культура полей погребений – прямой потомок курганной культуры предшествующей эпохи – чётко отделяется от среднедунайской, лужицкой и полей погребений Италии (Монгайт, с. 65, карта; Jażdżewski, Rys. 98, S. 333).

Часть этих общностей уже можно связать с определёнными индоевропейскими группами. Например, поля погребений Южной Германии, Восточной Франции и Каталонии почти наверняка принадлежали предкам кельтов, поскольку на их основе вырастают достоверно кельтские западногальштатская (VIII–V века до н. э.) и латенская (IV–I века до н. э.) культуры. Итальянские поля погребений принадлежали италикам, которые окончательно отделились от своих индоевропейских родичей после переселения по другую сторону Альп, а также италийским венетам, которые проникли на северо-восток страны несколько позднее.

Сложнее обстоит дело со среднедунайскими и лужицкими культурами полей погребений. Одно время обе группы считали иллирийскими из-за совпадения ряда названий рек в Польше и западной части Балканского полуострова. Полагали, что лужицкая культура принадлежала венетам, «северным иллирийцам» по языку, которые якобы отделяли германцев от славян. Впоследствии венеты были поглощены славянами и германцы стали называть последних именем «вендов». После появления работ Краэ выяснилось, что «иллирийские» названия рек распространены в Европе очень широко и их нельзя связывать только с иллирийцами. Бывшая иллирийская гидронимия получила название «древнеевропейской», в

равной мере принадлежащей предкам кельтов, италиков, иллирийцев, германцев, балтов и славян. Венетский стал считаться самостоятельным индоевропейским языком, близким к италийскому.

«Потеснили» иллирийцев и на среднем Дунае. Выяснилось, что культура иллирийских племён западной части Балканского полуострова ведёт свое происхождение непосредственно от курганной культуры. Западные Балканы оказались за пределами общности культур полей погребальных урн. В отличие от своих соседей они не перешли к трупопожжению и продолжали хоронить своих покойников. В их области частично сохраняется обычай возведения курганов, полностью утраченный в культуре полей погребений на среднем Дунае (Седов, 1994, с. 109). Вопросу происхождения иллирийцев в 1964 году был посвящён особый симпозиум югославских археологов. Вывод их совершенно категоричен: иллирийцы обитали только в западной части Балканского полуострова. Население Среднего Подунавья, вопреки ходячим представлениям об «иллирийской» языковой принадлежности коренного (докельтского) населения Паннонии, таковым не являлось. Местная «культура полей погребений принадлежала паннонцам, которые не имеют ничего общего с иллирийцами в этническом отношении и которых нужно рассматривать как совершенно особую совокупность племён и народов» (Praistoria, V, с. 755)¹.

Можно предполагать, что подобно носителям лужицкой культуры племена полей погребений на среднем Дунае тоже назывались венетами. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, культура адриатических венетов, язык которых определённо отличался от италийских языков, представляла собой продолжение дунайской культуры. Во-вторых, об этом свидетельствует древнее название Вены – Виндобона, которое обычно переводят как «Белый город». Поскольку корень «вент» имеет очень размытую этимологию, с не меньшим основанием можно предположить название «Венетский город». Вторгшиеся в Карпатскую котловину в IV веке до н. э. кельты могли назвать город по имени местного племени. Точно таким же образом получила своё название другая

¹ Kultura žarnih polja je pripadala Pannonima, koji nemaju ništa zajedničkog u etničkom pogledu sa Ilirima I koje treba tretirati kao sasvim zasebnu skupinu plemena i naroda.

дунайская столица – Белград, известная в древности как Сингидунум, или «город сигиннов», названный так в честь племени, упомянутого ещё в «Истории» Геродота (Геродот, V, 9).

Венеты в Восточной Европе

Историю венетов в целом можно представить следующим образом. Первоначально этим именем называлось население культур полей погребений поздней бронзы. Зародилось ли оно в Среднем Подунавье среди носителей культуры паннонской инкрустированной керамики или было принесено с запада племенами курганной культуры – сказать точно нельзя. Скорее всего, нужно склониться ко второму предположению, поскольку лужицкая культура Польши, которая образовалась путём распространения предлужицкой культуры (одна из групп курганной культуры) на земли тшинецко-комаровской общности, напрямую с паннонской инкрустированной керамикой не связана.

На рубеже IX–VIII веков до н. э. в Карпатскую котловину вторгаются кочевники из Северного Причерноморья – киммерийцы и в истории Европы начинается новая эпоха – железный век. Подобно позднейшим кочевникам, осевшим в Подунавье, киммерийцы могли совершать походы в глубь Европы. Во всяком случае, культуры полей погребений в Центральной Европе и Среднем Подунавье исчезают, а на их месте к VII веку образуется гальштатская культура. Можно предположить, что она возникла в ответ на киммерийскую угрозу, как спустя 2 тысячи лет венгерские набеги привели к появлению «империи Оттонов» в Германии X века.

Традиции культуры полей погребений на Среднем Дунае были прерваны, античные письменные источники называют местных жителей не венетами, а паннонцами (Тит Ливий, Тацит) или пеонами (Аппиан, X, III, 14; Геродиан, VI, 8, 1; Зосим, I, 52, 3). Имя венетов сохраняется только южнее – в Северо-Восточной Италии, а культура полей погребений – севернее, в Польше, где вплоть до V века до н. э. доживает свой век последняя культура великой общности – лужицкая. Название её носителей неизвестно, но, скорее всего, они назывались венетами. Заключить это можно в силу следующих доводов.

В V веке до н. э. лужицкая культура подверглась разгрому со стороны новых кочевников – сменивших киммерийцев скифов. Ослабленная этим разгромом, она стала жертвой вторжения с севера: на её земли из Поморья переселяются племена поморской культуры, чьим отличительным признаком были так называемые лицевые погребальные урны, распространённые не только в Поморье, но также в Скандинавии и Ютландии. Последнее свидетельствует о том, что мы имеем дело с первым продвижением на восток прямых предков исторических германцев, носителей ясторфской и родственных ей культур, образовавшихся на северо-западной окраине гальштатского мира Центральной Европы (Седов, 1994, с. 136).

В IV–III веках до н. э. на бывших лужицких землях, занятых поморскими памятниками, образуется новая культура. Её носители погребали прах своих мёртвых под перевёрнутыми сосудами, называемыми по-польски *kloszi* «клёши» (от фр. *cloche* – «колокол»). Поскольку подклёшевые погребения неизвестны в Поморье, можно предполагать, что эта погребальная традиция была свойственна, прежде всего, потомкам лужицкого населения – венетам, а не германскому населению культуры лицевых урн. И.П. Русанова считает, что «клёши» были древнейшим прообразом классических раннеславянских горшков пражского типа (Русанова, 1976, с. 176).

В конце III века поморская культура претерпевает значительные изменения: происходит её «латенизация» под влиянием принадлежащей историческим кельтам (точнее, галатам, или галлам, как преимущественно они называются в это время) культуры Ла-Тен. В это время на её северных и восточных окраинах складывается пояс упомянутых выше латенизированных культур.

Трудно сказать, что именно послужило непосредственным толчком к преобразованию поморской культуры в пшеворскую на рубеже III–II веков до н. э. – переселение кельтов на верхнюю Вислу с юга, из Подунавья (Седов, 1994, с. 149–158) или движение германских племён с запада на восток вдоль северного склона Карпат вплоть до Дуная (Щукин. На рубеже эр, с. 107–116). Во всяком случае можно утверждать, что с этого времени в местной культуре начинает решительно преобладать германский элемент и из «венетской» она превращается в «вандальскую»,

принадлежащую в первую очередь германским племенам лугиев, хотя следы слаянского (венетского) населения в ней также прослеживаются (Русанова, 1990; Седов, 1994, с. 166 и далее). Вероятно, что настоящим именем германской части носителей пшеворской культуры было «луги», а прозвище «вандалы» они получили потому, что поселились на венетских землях.

Одновременно с пшеворской к востоку от неё складывается зарубинецкая культура. Все исследователи согласны, что она образовалась вследствие переселения в Поднепровье нового населения с запада (Седов, 1994, с. 204; Славяне и их соседи, с. 36–39). Вместе с тем нельзя сказать, что зарубинецкая культура прибыла сюда в готовом виде. Она довольно чётко делится на три группы: припятскую, верхне- и среднеднепровскую, в каждой из которой преобладают традиции соответственно поморской, милоградской и лесостепной скифской культуры. При этом среднеднепровская область является самой густонаселённой.

Это значит, что в основе своей зарубинецкое население состояло из потомков местного населения, жившего здесь ещё времена Геродота, – невров, которых связывают с милоградской культурой. и «спалов» («бастарнов», «скифских рабов», лесостепных «скифов»). С другой стороны, очевидно, что название зарубинецкого населения было принесено со стороны. Вместо геродотовских племён Тацит называет здесь только венетов, которые «ради грабежа рыщут по лесам и горам, которые только не существуют между певкинами и феннами» (Свод, 1994, с. 372). При этом, по мнению Е.Д. Пачковой, в отличие от поянешти-лукашевской культуры бастарнов (певкинов) зарубинецкая практически не содержит в себе германского (ясторфского) элемента (Пачкова, с. 344).

Из этого можно вывести следующее заключение. Как местное милоградское и «скифоидное», так и пришлое поморско-подклёшевое население принадлежали к одному и тому же языку, были праславянами. Это и облегчило слияние трёх разнокультурных компонентов при численном преобладании местных жителей в единую зарубинецкую культуру. Ведущее место при этом занимали пришельцы из западных областей, которые принесли с собой достижения высокоразвитой

кельтской цивилизации. Этим следует объяснить усвоение центрально-европейского по происхождению имени венетов праславянским населением Восточной Европы.

Как говорилось выше, зарубинецкая культура была разгромлена в середине I века н. э. аланами, а впоследствии подверглась удару пришедших из Поморья готов (вельбарская культура). Поздnezарубинецкое население начинает расселяться на север по Днепру и на восток, достигая даже Жигулей на Волге (славкинские и лбищенские памятники, предшественники «вятской» именьковской культуры).

Живший в 23–79 годах Плиний Старший в «Естественной истории» писал, что земли Сарматии «до реки Вистулы населены сарматами, венедами, скирами, гиррами» (Плиний Старший, IV, 13, 96–97; Свод, 1994, с. 25). Поскольку скиры позднее представляли собой хорошо известное германское племя, а имя гирров перекликается с названием эстонской исторической земли (мааконда) Гаррии (Harjuma), можно предположить, что писатель в сжатом виде перечислил основные этнические элементы Восточной Европы: иранский, славянский, германский, финский (балтский?).

Тацит (55–120) называет здесь пять главных народов: эстиев, певкинов-бастарнов, сарматов, венетов, феннов – то есть балтов, германцев, иранцев, славян, финнов (Тацит. Германия, 46).

Клавдий Птолемей (ум. 179) к «великим народам», населяющим Европейскую Сарматию, относит: венетов «по венедемскому заливу», певкинов и бастарнов «над Дакией, языгов и роксоланов “вдоль Меотиды” и “далее вглубь” – амаксобиев и алано-скифов» (Птолемей. География, III, 5, 7).

В III веке в Восточной Европе складываются две новые культурные общности: черняховская культура – на юге, в степной и лесостепной части, и киевская – на лесном севере, которые можно связать с готами и венетами Иордана. В середине IV века венеты подвергаются готскому завоеванию (казнь венетского царя Буса, которую воспевали готские девы в «Слове о полку Игореве»), которое позволило царю Германариху подчинить обитавшие за венетами «северные народы». Судя по названиям «тиуданс», «васынабронки», «меренс», «морденс», мы имеем дело с финноязычным населением темнохвойных лесов, потомками тацитовых

феннов. Вероятно, именно в это время предки литовцы стали называть своих юго-восточных славянских соседей «готами» (лит. *gùdai* – «русские») (Трубачёв, 1997, с. 106).

Любопытно, что своих юго-западных славянских соседей – поляков литовцы зовут *lenkai* «ляхи». Ни сами поляки, ни их западные соседи: скандинавы, немцы и чехи – этого имени не употребляли, хотя оно было известно польским книжникам, начиная с Винцентия Кадлубека (*lechitae*) (Нидерле, с. 168). Ляхами называли поляков их северные, восточные и южные соседи: литовцы, русские, венгры, дунайские и балканские славяне. Сомнительно, что литовцы заимствовали это имя у славян. Ближайшими славянскими соседями балтов на юго-западе были мазовшане. Однако это племенное название, в отличие от имени кривичей (лат. *Krivija* – «Россия»), не стало обозначением славян в балтских языках. Имя поляков (полян), объединивших «лядские» племена рубежа X–XI веков, также было неизвестно литовцам.

Из этого следует, что литовское имя *lenkai* было усвоено ранее разделения славянских венетов на племена – в то же самое время, что и слово *gùdai*. Отсутствие единого названия славян в литовском языке и обозначение русских «готами» позволяет предположить, что и в случае с поляками дело обстояло точно таким же образом. Иными словами, слово *lenkai* происходит от названия германского племени лугиев или носителей пшеворской культуры, обитавших в II веке до н. э. – IV веке н. э. на польских землях. Нас не должно смущать наличие носового звука, обозначавшегося «малым юсом» в славянском *leⁿхъ «лях»: в «Новой истории» Зосима (I, 67, 3) V века лугии называются «лонгионами» (Циркин, с. 321). Итак, литовский язык сохранил нам название двух германских народов, господствовавших в IV веке на славянских («вандалских», «вендских» с точки зрения германцев) землях: лугиев и готов. Впоследствии эти имена перешли соответственно на поляков и русских.

Имя готов было хорошо известно славянам к северу от Карпат. Об этом говорят названия Гдов, Гданьск, Гдыня (Трубачёв, 1997, с. 107). Вероятно, что ляхами, то есть «лугиями», восточноевропейские венеты первоначально называли своих западных соседей, носителей пшеворской культуры. При этом сами германцы называли последних

«венетским» (Vandali) племенем, в то время как сами вандалы-лугии предпочитали родовые имена асдингов и силингов. Во времена славянских переселений V–VI веков на бывшие пшеворские земли имя ляхов стало нарицательным обозначением пришедших туда с Правобережной Украины и Верхнего Поднестровья племён. Иными словами, как лугии были для прочих германцев вандалами, то есть «венетским, славянским» племенем, так и ляхи были для прочих славян на востоке и юге «лугским, германским» народом. Это вполне в духе языка. Точно так же в обиходном русском языке на протяжении большей части XIX века слово «кавказцы», а в 80–90-х годах слово XX века «афганцы» означало отнюдь не туземцев, а русских солдат, воевавших в соответствующей стране.

Господствующее положение германцев-лугиев над славянским населением пшеворской культуры нашло отражение в слове «лях», которое в чешском языке обозначало знатного человека. Поскольку первое упоминание о чешских «ляхах» относится ещё к IX веку, можно быть уверенным, что поляки не имеют к нему прямого отношения.

Венеты – древнее имя славян

Итак, можно считать установленными два важных обстоятельства. Во-первых, имя венетов можно приложить к каждой культуре в ретроспективной цепочке: киевская – зарубинецкая – подклошевая – лужицкая культура полей погребений. Первая из них – Иордановы венеты и анты (побеждённые Винитарием), вторая – венеты Птолемея, Тацита и Плиния, третья – «венетская» подоснова «вандальской» пшеворской культуры, четвёртая – венетская общность, опознаваемая по совпадению области культур полей погребений и области распространения венетских названий. Во-вторых, культура полей погребений зародилась на среднем Дунае и распространилась оттуда к северу от Карпат.

Киевская археологическая культура признана сейчас славянской, а средний Дунай и по славянскому преданию, и по множеству свидетельств, изложенных в предыдущих главах, можно считать местом древнейшего обитания славянства. Поэтому логичен вывод о том, что

имя венетов было не только самоназванием населения культур полей погребений, но и одним из древнейших, по крайней мере с эпохи поздней бронзы (XI–IX века до н. э.), самоназваний праславян. Вопрос же о происхождении, первоначальных носителях и значении имени венетов в настоящее время не поддаётся решению, и в этом смысле название венеты не отличается от другого широко распространённого индоевропейского этнонима – «арии», известного от Индии на востоке до «Земли ариев» Ирландии на западе (Лелеков, 1982б).

ГЛАВА 10. ПРАРОДИНА СЛАВЯН

Два пути поиска происхождения индоевропейцев

Для того чтобы опознать праславян (общих предков исторических «славян» и антов) среди прочих индоевропейцев, следует так или иначе определить местонахождение последних. Существует множество теорий происхождения индоевропейцев, но в целом их можно свести к двум главным. Первая опирается на **исторические свидетельства** древнейших письменных источников (Ригведа, Авеста, «Илиада»), другая – на **лингвистические реконструкции** разной степени достоверности. Оба подхода рисуют взаимоисключающие картины древнейшего индоевропейского общества.

Согласно первой, индоевропейцы были незнакомыми с земледелием «дикими» охотниками и скотоводами, жившими в землях с суровой зимой и обожествлявшими стихию огня. Природным условиям соответствовал и внешний «светлопигментированный» облик, характерный для северного ствола европеоидной расы. Прародина индоевропейцев лежала в Северной Европе или Северном Причерноморье (Гимбутас; Зализняк Л.Л.; Лелеков, 1982а).

Согласно второй точке зрения, древнейшие индоевропейцы были земледельцами, чей культурный уровень стоял вровень с ближневосточной цивилизацией, их внешний облик был «темнопигментированным», южноевропейским. Прародина индоевропейцев лежала на Среднем Дунае, в Малой Азии или на Армянском нагорье (Гамкрелидзе, Иванов, 1980; Дьяконов, 1982; Сафронов, 1989; Трубочёв, 2003, с. 38–39). Будучи историком, я отдаю предпочтение первой версии, поскольку в основе её лежат древние тексты, а не реконструированные (то есть «выдуманнные») слова и спорные этимологии. Критику второй позиции можно найти в работе её решительного противника Л.А. Ле-

лекова (1982a) и занимавшего промежуточную позицию И.М. Дьяконова (1982).

Если смотреть на археологическую карту Европы с позиции северного происхождения индоевропейцев, то к рубежу 4–3-го тысячелетий до н. э. (все даты некалиброванные) индоевропейскими окажутся культуры, лежащие к северу от Карпат: культура воронковидных кубков в Германии и Польше и степные культуры типа Среднего Стога III в Северном Причерноморье. Долгое время сторонники северной прародинны индоевропейцев противопоставляли друг другу эти две области. Например, Густав Косина выводил всех индоевропейцев с запада, а Мария Гимбутас – с востока (Гимбутас, 2006). Мне кажется более приемлемой точка зрения киевского археолога Зализняка, что это были две родственные неолитические культуры, восходящие к одному корню – культуре мезолитических охотников Центральной и Восточной Европы, принадлежавших к так называемой протоевропеоидной (кроманьонидной) расе (Зализняк, 2012).

Южными и западными соседями населения воронковидных кубков и культуры Средний Стог II были земледельческие культуры, принадлежавшие потомкам древнего населения Ближнего Востока, заселившие Западную, Южную и часть Центральной Европы в 7–4-м тысячелетиях до н. э. Мария Гимбутас определяет европейскую земледельческую цивилизацию Балкан и Подунавья как «Древнюю Европу» (Гимбутас, 2006).

На рубеже 4–3-го тысячелетий неолитические земледельческие культуры в Подунавье и на Балканах были разгромлены и их место заняли энеолитические скотоводы, оставившие культуру Баден и родственные ей на среднем Дунае и культуру Чернавода III и родственные ей на нижнем Дунае и Балканском полуострове. В Северном Причерноморье образовалась «курганная» ямная культура, к северу от Карпат в восточной части культуры воронковидных кубков образовалась культура шаровидных амфор. Какая часть индоевропейского населения внесла большой вклад в гибель «Древней Европы» – сказать трудно. Мария Гимбутас считает, что это были выходцы из Северного Причерноморья, которых она называет «курганными племенами» и которым принадлежала культура Чернавода III. По мнению Эвгена Неуступного, причиной

образования культуры Баден стало распространение на юг культуры воронковидных кубков (Клейн, с. 85).

Накануне бронзового века эта картина претерпела ряд изменений. В лесной полосе Центральной и Восточной Европы распространились племена шнуровой керамики и боевых топоров. В западной части Карпатской котловины и Балкан распространилась культура Вучедол и её многочисленные местные группы, тогда как в восточной части продолжали жить потомки культуры Чернавода III в лице культуры Фолтешти и родственных ей. В Северном Причерноморье из смешения выходцев из Северной Европы и ямных племён образовалась катакомбная культура. По всей Западной Европе, вплоть до Британии и Северной Африки распространилась, зачастую вперемешку с культурой шнуровой керамики и боевых топоров, культура колоколовидных кубков.

Происхождение последней до сих пор не выяснено. Традиционно её возникновение связывают с западом, с Испанией и Португалией, где в «морских группах» этой культуры обнаружены якобы самые ранние прототипы колоколовидных кубков (Монгайт, 1973, с. 291). Мария Гимбутас, напротив, выводит культуру из Среднего Подунавья (Гимбутас, с. 432). Западному происхождению противоречит курганный обряд погребения и широкое использование лошади и луков, нехарактерное для Запада (ещё в римское время жители Балеарских островов, потомки древнейшего западноевропейского населения, славились как великолепные пращники). Не вдаваясь в подробности, будем считать культуру колоколовидных кубков западной периферией культуры шнуровой керамики, резко расширившей в силу невыясненных причин область своего расселения.

Так выглядел индоевропейский мир накануне бронзового века (2-е тысячелетие до н. э.), когда появляется возможность более или менее твёрдо связать различные индоевропейские народы с теми или иными археологическими культурами. Автор отдаёт себе отчёт, что предлагаемая ниже картина является лишь одним из многих существующих вариантов. Во всяком случае, это попытка указать археологический эквивалент праславян во время перехода от каменного к бронзовому веку в Центральной Европе.

Местоположение праславянского языка

Попытки определить положение славян по отношению к другим индоевропейским языкам делались давно. Они не привели к определённым результатам в силу того, что эти языки, во-первых, меняли место своего положения, во-вторых – просто исчезли, оставив слабые следы в топонимике и ономастике, как языки заселявших Балканы иллирийцев и фракийцев. И если место славянского по отношению к северным языкам, германским и балтским, можно определить достаточно точно, то южный фланг славянского просто проваливается в пустоту – о его положении по отношению к фракийскому и иллирийскому остаётся только гадать. Для того чтобы выяснить место праславян на карте Европы бронзового века, нужно воспользоваться в качестве ориентира двумя европейскими языками, чьи носители в то время уже находились в нынешних местах своего проживания: речь идёт о греках и германцах.

Происхождение и внешние связи германского языка хорошо изучены. С точки зрения Ю.К. Кузьменко, древние германцы, самоназвание которых было *suebi* «свои (люди)», на ранних ступенях своей языковой истории наиболее тесные связи имели с италиками и балтами. Взаимодействие с кельтами и славянами относится к более позднему времени – железному веку, причём со славянами германцы встретились только тогда, когда прекратились их контакты с балтами, по оценке исследователя, где-то в III веке до н. э. (Кузьменко, с. 121–122).

Что касается греческого языка, то наиболее тесные связи он проявляет с арийскими (в первую очередь с индоарийским, связи с иранским гораздо слабее) и армянским языками. Вообще считается, что вместе с фракийским, фригийским и армянским языками греческий язык входил в «восточноевропейскую» языковую группу, тесно связанную с арийской (Гамкрелидзе, Иванов, с. 7; Дьяконов, с. 7). На третьем месте стоят связи греческого с латинским (например – особое название молока, отличное от прочих индоевропейских), на четвёртом – со славянским. По подсчётам М. Сакеллариу, греческий объединяется с арийскими языками по 16 изоглоссам, с армянским – по 10 изо-

гlossам, с италийским – по пяти и славянским – по трём (Sacellariou, p. 67–68).

Что касается славянского, то наиболее тесные связи у него имеются с балтским и италийским языками, причём, по мнению О.Н. Трубачёва, на ранних ступенях развития связи с западными соседями преобладали и только с началом железного века славяне стали тесно взаимодействовать с балтскими языками. В бронзовом веке балты поддерживали связь прежде всего с фракийцами (Трубачёв, 2003, с. 22). При этом славяне вместе с балтами и германцами относятся к числу народов, сохранивших много общих индоевропейских архаизмов, в первую очередь названия деревьев, утраченных в других индоевропейских языках. Объединяет славян, балтов и германцев также общее название золота и серебра.

Золото и серебро стали известны раньше меди и бронзы, а названия меди в славянских, балтийских и германских языках различные (Там же, с. 287–288). Отсюда можно сделать вывод, что праславяне обособились от северных индоевропейцев – предков славян, германцев и балтов – при переходе к бронзовому веку, когда более важными стали связи с западными (праиталиками и пракельтами) и южными индоевропейцами. Связи праславянского языка с другими индоевропейскими языками указывают также, что прародина славян находилась где-то на стыке древних индоевропейских земель к северу от Карпат, где жили предки германцев и балтов и недавно заселённых индоевропейцами неиндоевропейских областей к югу от Карпат, где образовались новые языки с сильной неиндоевропейской подосновой, например греческий.

Соприкосновение праславян, прагреков и праиталиков могло происходить только в одном месте – в западной части Карпатской котловины. Именно здесь праславянский язык мог взаимодействовать одновременно с кельто-италийским, греко-армянским и балто-германским языками. Этот вывод не противоречит как мнению О.Н. Трубачёва о центральном положении праславянского среди прочих индоевропейских, так и мнению Х. Краэ о несколько обособленном положении славянского языка. Последний, хотя и входит в состав «западных» индоевропейских языков, в меньшей степени обладает характерными для них признаками,

находясь на стыке с «восточной» группой (Krae, 1964, S. 287; Сафронов, с. 112). Нарисованная выше средствами языкознания картина находит подтверждение в археологии того времени.

Место и время появления праславян

Культуры бронзового века в Карпатской котловине и прилегающих областях исследованы с исчерпывающей полнотой (Bóna, 1975; Kulturen, Lichardus – Vladoar, Machnik, Praistoria, Тасић). Картину в целом можно описать так. Всё 3-е тысячелетие до н. э. в Среднем Подунавье господствовала баденская культура, образовавшаяся после развала на рубеже IV–III веков до н. э. «древнеевропейской» земледельческой цивилизации. На рубеже 3–2-го тысячелетий до н. э. баденский «стиль» сменяется вучедольским. Первоначально вучедольская культура образовалась в Славонии, в междуречье Савы и Дравы, в южной части баденского пространства. Превращение баденской культуры в вучедольскую можно толковать как возобладание местных культурных элементов над пришлыми в составе одной и той же общности. Смена баденской культуры вучедольской как-то связана с появлением в степях Северного Причерноморья катакомбной культуры, поскольку в катакомбной и вучедольской культурах имеется ряд общих элементов и они относятся к общему хронологическому горизонту (Тасич, табл. 2 на с. 19; с. 149). Вучедольская культура полностью замещает баденскую, занимая всю Среднедунайскую низменность и западную часть Балканского полуострова. Она распадается на ряд родственных культурных групп, которые в целом носят название поздне- или поствучедольского комплекса.

При переходе от медного (энеолит) к бронзовому веку, то есть на рубеже 2–1-го тысячелетий до н. э., исчезает господствовавший в Среднем Подунавье и на Балканах поздневучедольский культурный комплекс. На его месте образуется ряд новых культур, таких как Шомодьвар-Винковцы в венгерском Задунавье (Дунантуль), Надьрев в междуречье Дуная и Тисы. Образовались они вследствие культурных воздействий, исходящих с противоположных направлений. Культура Шомодьвар-Винковцы связана с более южными и восточными областями и культурами, такими,

например, как нижнедунайско-трансильванская Глина III – Шнекенберг, и образовалась в результате прихода нового населения, переселившегося с Балкан (Lichardus – Vladar, S. 279; Machnik, 1987, S. 130). Культура Надьрев возникла несколько позже, на основе проникшей сюда с запада культуры колоколовидных кубков, смешавшейся с местной поствучедольской группой Мако-Косихи.

В дальнейшем, под воздействием среднедунайских культур, в первую очередь – надьревской, в Центральной Европе, на основе местных групп шнуровой керамики и боевых топоров с одной стороны и колоколовидных кубков – с другой, образуется раннебронзовая унетичская культура XVIII–XV веков до н. э. Унетичскую культуру и последующие за ней центральноевропейские культуры курганных погребений (Hügelgräberkultur) XV–XII веков до н. э. и полей погребальных урн (Urnfeldkultur) XI–IX веков до н. э. можно надёжно связать с западными индоевропейцами – предками италиков, кельтов, иллирийцев. Взаимоотношение культур колоколовидных кубков, с одной стороны, и Шомодьвар-Винковцы и Надьрев – с другой, из имеющейся литературы не совсем неясно. То ли культура колоколовидных кубков проникла в Карпатскую котловину (группа Чепель) и повлияла на сложение группы Надьрев (Kulturen, 1984, S. 152), то ли сама культура колоколовидных кубков возникла как западное ответвление культуры Шомодьвар-Винковцы (Гимбутас, с. 433)?

Группа Шомодьвар-Винковцы существовала сравнительно недолго. На рубеже раннего и среднего бронзового веков по венгерской хронологии в западную часть Карпатской котловины вторгаются пастухи так называемой культуры Кишапоштаг, известной также как ранняя ступень среднебронзовой паннонской культуры инкрустированной керамики (Bóna, 1975, S. 75). По мнению Иштвана Боны, население культуры Шомодьвар было изгнано племенами культуры Гунтрамсдорф-Драссбург (Протокишапоштаг), которые были родственны «позднешнуровой» культуре [Южной Польши] типа Хлопице–Веселе¹.

¹ Er (István Bóna) behauptet ferner, dass die lockere Somogyvár-Population von der Guntramsdorf-Drassburg-Kultur (Litzenkeramik, Proto-Kisapostag) vertreiben worden war, die er als verwandt mit der Epischnurkeramik vom Typus Chłopice – Veselé ansieht (Lichardus, Vladar, 1997, S. 279).

Она появилась здесь в конце бронзового века с севера и принесла с собой посуду, украшенную отпечатками, сделанными при помощи верёвочки, вокруг которой обмотан тонкий шнурок. Эта посуда известна под немецким названием *Litzenkeramik*, в отечественной литературе этот орнамент называется «ложношнуровым», в отличие от собственно «шнурового», который делался при помощи одной верёвки. По мнению Мурьянова, шнуровой орнамент, распространившийся на севере вместе с боевыми топорами-молотами во второй половине 3-го тысячелетия до н. э., отражал в буквальном смысле «культ силы». Это слово, выражающее в современном языке отвлечённое понятие, в древности означало просто верёвку («силок») для ловли зверей (Мурьянов, 2003, с. 93).

Венгерская культура Кишапоштаг представляла собой одну из групп с «ложношнуровым» орнаментом наряду с австрийской группой Гунтрамсдорф-Драссбург. Смешение этих групп с местными породило ряд новых культур конца раннего и среднего бронзового века, таких как Гава-Визельбург в Австрии, культуры паннонской инкрустированной керамики и Хатвань в Венгрии, группа Токод в Словакии. «Ложношнуровая» керамика ведёт своё происхождение из области северных культур шнуровой керамики и боевых топоров – точно такой же способ орнаментации керамики был известен, например, на поздней ступени среднеднепровской культуры (Эпоха бронзы, с. 40).

Наиболее вероятно родство культур типа Гунтрамсдорф-Драссбург и Кишапоштаг с прикарпатской культурой Хлопице–Веселе–Почап (*Lichardus, Vladar, S. 279*), распространённой в раннем бронзовом веке от Юго-Западной Словакии до верхнего течения Западного Буга. В старой историографии, например у венгерской исследовательницы Амалии Можолитч, культура паннонской инкрустированной керамики, ранней ступенью которой считается культура Кишапоштаг, представляла собой просто смесь культуры Хлопице–Веселе с местным автохтонным (вучедольским) элементом (*Bóna, 1975, S. 195–196*).

Южнопольскую культуру Хлопице–Веселе–Почап относят к так называемому «эпишнуровому культурному кругу», сменившему классические культуры шнуровой керамики в раннем бронзовом веке. Проис-

хождение эпигнуровых культур описывается в историографии довольно туманно. С одной стороны, её часто считают смесью пришлой культуры колоколовидных кубков с местным населением культуры подкарпатской шнуровой керамики. С другой стороны, подчёркивают, что она не имела местных корней и большинство её керамических форм находит своё соответствие в культурах к югу от Карпат, таких как поздневучедольская, Шомодьвар-Винковцы, Бубань-Хум III, Чепель (венгерская культура колоколовидных кубков) (Machnik, 1977, S. 212).

По мнению основного исследователя этой культуры в Польше Яна Махника, принесённые черты явно преобладают над местными, «эпигнуровое» население отличается от предшествующего «шнурового» даже антропологически (Ibid., S. 214). Точно такой же разрыв культурной преемственности при переходе от шнуровой к эпигнуровой культуре можно наблюдать и на Волыни, где эпигнуровые памятники появились на поздней ступени своего развития (следующий за горизонтом Хлопице–Веселе–Почап горизонт Нитра–Межановице–Стрижев). По мнению знатока прикарпатской археологии И.К. Свешникова: «Специфические черты стрижовской культуры, – вытянутое положение погребённых, особенности в формах и технологии керамики, отсутствующие в предшествующих культурах шнуровой керамики, – не позволяют рассматривать её как прямое продолжение развития предшествующей ей городокско-здолбицкой культуры» (Эпоха бронзы, с. 51).

Иными словами, культура Хлопице–Веселе и производная от неё культура Кишапоштаг возникли на стыке трёх крупных культурных комплексов: культуры колоколовидных кубков на западе, поздневучедольской культуры на юге и шнуровых керамик на севере. Ничего более точного сказать нельзя до тех пор, пока не будет выяснена природа и происхождение общеевропейской культуры колоколовидных кубков и его отношений с прочими культурными группами (Turek, 2006, 2012). Поскольку культура Кишапоштаг всё-таки пришла в Подунавье с севера, а не с запада, вытеснила в Западной Венгрии «южную культуру» Шомодьвар-Винковцы, а в Австрии поглотила группу культуры колоколовидных кубков Оггау-Лоретто, можно предположить, что в целом это явление имеет «северное» происхождение.

Точно такое «среднее положение», как и эпишнуровой комплекс, из которого ведёт своё происхождение культура Кишапоштаг ранней и культура паннонской инкрустированной керамики средней бронзы, занимает и праславянский язык. С одной стороны, по множеству признаков он объединяется с такими «северными» индоевропейскими языками, как германские и балтские. С другой стороны, он поддерживает тесные связи с юго-восточным блоком индоевропейских языков («греко-армяно-индоиранским») и с итальяскими языками.

Отождествление праславян с эпишнуровым культурным комплексом Прикарпатья и производными от него культурами Кишапоштаг ранней бронзы подтверждается также историей названий металлов. Самыми первыми металлами, знакомыми человеку ещё в каменном веке, были золото и серебро, использовавшиеся для изготовления украшений. Общие названия золота и серебра в славянских, балтских и германских языках свидетельствуют, что до наступления эпохи бронзы предки этих народов ещё не обособились друг от друга. В бронзовом веке славяно-балто-германское единство распалось: славяне, германцы и балты называют медь (бронзу) разными словами, при этом германское название меди (бронзы) совпадает с итальяским (латинским) *aes, aeris*. В железном веке общее название железа объединяет кельтов и германцев – с одной стороны, славян и балтов – с другой (Кузьменко, с. 110, 112; Трубачёв, 2003, с. 287).

Эта картина находит соответствие в археологии. Славяно-балто-германское единство в позднем каменном веке накануне перехода к бронзе могло существовать только в рамках культуры шнуровой керамики и боевых топоров, распространившейся от Рейна на западе до Волги на востоке (Эпоха бронзы, с. 36–37). На Рейне и верхнем Дунае западные группы культуры шнуровой керамики смешались с культурой колоколовидных кубков. Это смешанное население нужно считать предками кельтов, италиков и иллирийцев. Разнообразные культуры Среднего и Нижнего Подунавья, такие как поствучедольская и Глина III – Шнекенберг, образовавшиеся не без участия степных культур Северного Причерноморья, вместе с последними следует приписать «восточно-европейской» греко-армяно-арийской общности, о которой говорит И.М. Дьяконов (Дьяконов, 1982, с. 7). Предками хеттов были заняты в

это время Восточные Балканы и прилегающие к черноморским проливам области Анатолии, а предки тохаров в это же время достигли Енисея, где существовала европеоидная афанасьевская культура. Так выглядело разделение индоевропейцев накануне перехода к бронзовому веку в Центральной Европе.

При переходе к бронзовому веку взаимодействие индоевропейских языков претерпело некоторые изменения. Исследования О.Н. Трубачёва и В.В. Мартынова показали, что в бронзовом веке праславяне находились в тесном взаимодействии с предками италиков (Мартынов, 2004; Трубачёв, 2003, с. 25, 356). В то же самое время общее название бронзы объединило с праиталиками и прагерманцев. При этом германцы были связаны с италиками гораздо ближе, чем с балтами, а с балтами – чем со славянами. С другой стороны, связи праславян и прагерманцев – с одной стороны, и праиталиков с прабалтами – с другой практически отсутствуют. Если представить взаимодействие этих языков в бронзовом веке, мы получим четырёхугольник, в котором прагерманцы займут север, прабалты – восток, праславяне – юг, праиталики – запад. Этой картине соответствует размещение археологических культур раннего и среднего бронзового века.

Окончательный переход к бронзовому веку в Центральной Европе связан с возникновением унетичкой культуры (XVIII–XV века до н. э.), распространённой в Южной и Средней Германии, Чехии, на западе Польши. Она образовалась при смешении культур шнуровых керамик и боевых топоров с племенами колоколовидных кубков под влиянием из Подунавья (Монгайт, 1974, с. 50; Machnik, 1977, S. 211). Население культуры колоколовидных кубков связано с предками кельтов и италиков. К северу от унетичкой культуры распространялась прагерманская северная (нордийская) культура бронзового века. К юго-востоку лежали праславянская эпишнуровая культура Прикарпатья, представленная последовательными археологическими горизонтами Хлопице–Веселе–Почап и Нитра–Мержановице–Стрижев. В западной части Среднего Подунавья происходящая от эпишнуровых культур Прикарпатья культура Кишапоштаг превратилась в паннонскую культуру инкрустированной керамики, ранней ступенью которой её и принято считать (Kulturen, 1984, S. 257–258).

Распространение эписнуровых культур на восток за счёт поглощения и вытеснения местного «шнурового» населения можно считать отражением прабалто-славянского взаимодействия в бронзовом веке. Как известно, культуры шнуровой керамики и боевых топоров заняли во второй половине 3-го тысячелетия до н. э. огромное пространство от Рейна до Днепра. К началу бронзового века в Центральной Европе (XVIII век до н. э.) западная часть «шнурового ареала» была занята культурой колоколовидных кубков, а в центральной части несколько позднее возник эписнуровый комплекс. В первой половине 2-го тысячелетия до н. э. собственно шнуровые керамики уцелели только на северо-востоке: в Прибалтике, на Волыни и в Поднепровье, а также расширили свои пределы на восток, где в Волжско-Окском междуречье образовалась фатьяновская культура.

Поскольку в Прибалтике развитие шло без перерывов от времён местной культуры шнуровой керамики до исторических балтов, можно предположить, что носителями восточных культур шнуровых керамик и боевых топоров было прабалтское население, выделившееся из более раннего общеевропейского горизонта «шнуровых» культур, которое можно связать с не расчленённым «германо-балто-славянской» общностью. Лингвистическим признаком её является употребление форманта -m- при образовании форм дательного и творительного падежей множественного числа (Десницкая, с. 18). «Среди советских и зарубежных исследователей (археологов и лингвистов) распространено мнение о том, что племена культуры шнуровой керамики сыграли решающую роль в этногенезе славян, балтов и германцев в качестве общей подосновы» (Эпоха бронзы, с. 37).

В первой половине 2-го тысячелетия до н. э. в Восточной Европе (именно на Русской равнине и в Прибалтике) известно три культуры шнуровых керамик: ладьевидных топоров в Прибалтике, среднеднепровская и фатьяновская. Первую из них можно считать связующим звеном между прабалтами и прагерманцами, поскольку она распространена по обе стороны балтийского моря – в Скандинавии, Южной Финляндии и Швеции. Как уже говорилось, по мнению лингвистов, прагерманский язык тесно взаимодействовал с прабалтским, связи с праславянами были гораздо слабее (Кузьменко, с. 97). Фатьяновская

культура распространилась на восток, в Волго-Окское междуречье из Прибалтики (Эпоха бронзы, с. 72). Поэтому, скорее всего, фатьяновское население можно считать прабалтским, хотя имеется мнение о его тохарской языковой принадлежности (Клейн, 2000). Сложнее обстоит дело со среднеднепровской культурой и прилегающей к ней с востока городецко-здолбицкой (на Волыни) и подкарпатской культурами шнуровых керамик.

Эти расположенные южнее Припяти культуры следует считать связующим звеном между прабалтами и праславянами. На юге эти культуры соприкасались с культурами Трансильвании, Молдавии, нижнего Дуная и Восточных Балкан (Усатово, Фолтешти, Глина III – Шнекенберг). Эти культуры произошли из поздней трипольской культуры, подвергшейся сильнейшему влиянию идоевропейских культур, таких как ямная и шаровидных амфор. Образовавшееся на трипольской подоснове индоевропейское население можно связать с отдалёнными предками фракийцев. Выявленные О.Н. Трубочёвым древние восточнобалканско-балтские изоглоссы, такие как слово «песня»: литовское *dainà*, румынское *doinà* (Трубочёв, 2003, с. 22–24), вероятно, возникли в то время, когда восточные культуры шнуровой керамики непосредственно соприкасались с послетрипольскими культурами Восточных Карпат. Поскольку славяно-восточнобалканские (фракийские) связи выражены гораздо слабее, – праславяне взаимодействовали с праиталийским западом, а не с прафракийским югом, – шнуровые культуры Поднепровья и Правобережной Украины можно условно отнести к прабалтским. Более точно их следует описывать как окраинную область, на которой говорили на нерасчленённом «шнуровом» (праславяно-балто-германском) языке.

На протяжении 2-го тысячелетия до н. э. область, занятая «шнуровым» населением, неуклонно сокращается. На крайнем востоке фатьяновская культура уступает своё место культуре текстильной керамики, принадлежавшей финноязычному населению. На Правобережной Украине местные «шнуровые» культуры, городецко-здолбицкая и подкарпатская, постепенно вытесняются западными эпишнуровыми, распространившимися сюда из Южной Польши. Если на ранней ступени развития (горизонт Хлопице–Веселе–Почап, XVIII–XVII века до н. э.)

эпишнуровая почапская культура проникла только в верховья Западного Буга, то на поздней ступени (горизонт Нитра–Межановице–Стрижев, XVII–XVI века до н. э.) стрижевские памятники заняли Вольтинь (Бронзовый век, с. 42–51). Из «шнуровых» культур к середине 2-го тысячелетия до н. э. на Украине уцелела только среднеднепровская культура, но и она позднее уступила место (или вошла в состав) тшинецко-комаровской общности (XV–XIII века до н. э.).

Согласно теории Бориса Александровича Рыбакова, тшинецко-комаровскую культуру следует считать самой первой археологической культурой, которую можно связать с праславянами (Рыбаков, 1978). Долгое время её происхождение связывали с предшествующими культурами эпишнурового комплекса, в области которых располагалось ядро тшинецко-комаровской общности. В настоящее время польские археологи выводят эти древности из ивенской культуры в устье Вислы, которая развивалась одновременно с эпишнуровыми культурами Южной Польши, но в целом тянула к центральноевропейской унетицкой культуре ранней бронзы XVIII–XV веков до н. э. (Makarowicz, 1998). Трудно судить, насколько обоснованна такая перемена с точки зрения археологии. С точки зрения истории происхождение огромной тшинецко-комаровской общности из небольшой культурной группы на её северо-западной границе кажется маловероятным. Более обоснованной мне кажется традиционная точка зрения.

На польских землях тшинецко-комаровская культура сменилась лужицкой культурой, население которой, скорее всего, и принесло с собой первое из исторически засвидетельствованных названий славян – «венеты» (глава «Славяне и венеты»). Едва ли лужицкую культуру можно считать полностью праславянской. Как и культура полей погребений Среднего Подунавья, она образовалась после вторжения курганной культуры (Hügelgräberkultur) земли своих восточных соседей: «предлужицкая» курганная культура из бассейна Одры заняла бассейн Вислы. Носителями её, как и всей курганной культуры Центральной Европы, скорее всего были племена, говорившие на западных индоевропейских диалектах, – предки италиков, кельтов и иллирийцев.

Трудно сказать определённо, чей язык вышел победителем: «предлужицкий» или «тшинецко-комаровский». Во всяком случае, с началом

Прародина славян

железного века единство лужицкой культуры с западными соседями оказалось нарушено. Она не вошла в состав гальштатской общности, которая господствовала в Центральной Европе в раннем железном веке (VIII–V века до н. э.), сменив местные культуры полей погребальных урн (Urnfeldkulturen). Это позволяет предположить, что праславянское население тшинецко-комаровского происхождения преобладало в составе носителей лужицкой культуры и продолжало называться именем венетов. Последнее же с появлением гальштатской культуры исчезло из Центральной Европы, сохранившись только по окраинам гальштатского мира в Бретани, Уэльсе и Северо-Восточной Италии, в качестве названия незначительных племён.

Если западная часть тшинецко-комаровской культуры оказалась в составе центральноевропейской общности полей погребальных урн, то судьба её восточных групп оказалась иной. Здесь образуется ряд поздних памятников, из которых наиболее заметна белогрудовская культура, существовавшая в лесостепной части Днепро-Днестровского междуречья в XI–IX веках до н. э. Эта культура примечательна тем, что на её основе образовалась чернолесская культура предскифского (киммерийского) времени.

Чернолесская культура и праславяне

В 1979 году вышла книга Бориса Александровича Рыбакова «Геродотова Скифия». Он предложил считать предками славян лесостепные племена Скифии, которые он отличал от собственно скифов-кочевников, иранцев по языку. Своё мнение Рыбаков подтверждал совпадением ареала распространения древнейшей славянской гидронимии на Украине с ареалом распространения чернолесской культуры предскифского времени (Рыбаков, 2010, с. 204, карта). В скифское время произошли языковые заимствования из иранского в праславянский, такие как «бог», «топор», «собака», «ради» (Мартынов, 2004). Поэтому гипотеза Рыбакова о славянстве чернолесских и сложившихся на их основе лесостепных «скифоидных» групп получила поддержку.

Позднее украинский археолог С.С. Березанская (1988) высказала мнение, что чернолесская культура не может быть славянской, поскольку сложилась под сильным влиянием молдавских памятников X–IX веков до н. э., известных под названием группы Сахарна-Солончен, откуда делался вывод о фракийской принадлежности чернолесских племён (Березанская, 1985). Это мнение было поддержано крупнейшим отечественным специалистом по фракийским древностям Мелюковой и было закреплено в фундаментальном своде скифо-сарматских древностей (Степи, с. 26–27).

Между тем фракийская принадлежность группы Сахарна-Солончен сама по себе внушает большие сомнения. Происхождение этих древностей хорошо известно: они выводятся из румынских памятников типа Инсула Банялуй-Бабадаг, обнаруженных вокруг Железных Ворот на Дунае (Там же, с. 22), которые, в свою очередь, происходят от уже упомянутой группы Дубовац – Кырна – Жуто Брдо – Гырла Маре, первой культуры полей погребальных урн. Сама группа Дубовац–Кырна не имеет местных корней: она появилась вследствие вторжения племен паннонской инкрустированной керамики (Dumitrescu, 194–197; Praistorija, IV, с. 533; Тасић, 154–155). Эта культура была распространена в венгерском Задунавье (Дунантуле) в период средней бронзы (XVI–XIII века до н. э.) и ведёт своё происхождение от ранне-бронзовой культуры Кишапоштаг, которую можно связать (вместе с родственной группой Хлопице–Веселе–Почап) с выделившимися из состава славяно-балто-германской «шнуровой» общности праславянами.

Вторжение курганной культуры (Hügelgräberkultur) из Австрии и Южной Германии привело к переселению инкрустированной керамики вниз по Дунаю, в область расселения так-называемых «канфарных» культур Ватина, Вербичоара и Тей, получивших это имя по характерному для них типу керамики – двуручной чаше – «канфаре» (Bóna, 1975, S. 179). В раннем железном веке под воздействием переселенцев местные «канфарные» древности превращаются в культуру Басараби. Басарабская керамика отличается использованием S-видного орнамента и инкрустаций белой пастой, так что в известном своде Монгайта эта и родственные ей группы на нижнем Дунае обозначены как «культура

инкрустированной керамики» (Монгайт, 1974, карта на с. 59). Необходимо заметить, что, несмотря на совпадение названия, басарабская культура инкрустированной керамики не является потомком паннонской культуры с инкрустированной керамикой, а ведёт своё происхождение от местных «канфарных» культур бронзового века. Позднее из культуры Басараби вырастают древности «южных фракийцев» в Мисии и Фракии.

К северу от культуры Басараби, в Потисье и Трансильвании лежала так называемая «культура фракийского гальштата», известная в Венгрии под именем Гава, которую относят к «северным фракийцам», предкам исторических даков. Культура Гава сложилась на основе древностей среднего бронзового века Потисья и Трансильвании, главным образом культур Отомань (другое название Фюзешабонь – Дьюлаваршанд) и Витенберг (Археология Венгрии, 1986, с. 116).

Появление на нижнем Дунае переселенцев из Паннонии, оставивших памятники Дубовац – Кырна – Жуто Брдо – Гырла Маре, а затем Инсула Банулуй-Бабадаг, не смогло изменить этническую картину области: к VII веку эти памятники исчезают без следа. Вероятно, пришельцы из западной части Карпатской котловины полностью растворились в местном фракийском населении. Та же участь постигла и самое восточное ответвление племён потомков паннонской культуры инкрустированной керамики – группу Сахарна-Солончен в Молдавии. Она тоже бесследно исчезла, растворившись среди местных групп фракийского гальштата и культуры Басараби (Степи, с. 23). Единственным наследником инкрустированной керамики Паннонии осталась чернолесская культура предскифского времени в лесостепной Украине.

Как говорилось выше, после статьи С.С. Березанской (1985) чернолесскую культуру больше не считают праславянской, а относят к фракийцам. Этому противоречит происхождение этой культуры, корни которого уводят нас в венгерское Задунавье (Дунантуль). Хорошо известно, что со времён неолита западная и восточная части Карпатской котловины резко отличались друг от друга в культурном отношении. Подунавье (Дунантуль, Паннонию), с одной стороны, Потисье (Алфёльд) и Трансильванию – с другой занимали культуры чуждые друг другу по

происхождению (Титов, 1996, с. 11–14). Начало было положено ещё в 5-м тысячелетии до н. э., когда дунайской культуре линейно-ленточной керамики противостояла культура алфёльдской линейно-ленточной керамики. Вопреки названию «алфёльдская культура линейно-ленточной керамики» (Там же, с. 200, 258).

На смену этим культурам позднее пришли культуры Лендьель и Тиса, затем Балатон и Тисаполгар-Бодрогкерештур (Археология Венгрии, 1980). В энеолите вся Карпатская котловина оказалась объединена баденской культурой, но затем произошёл новый распад на культуры вучедольского круга на западе и Глина III – Шнекенберг на востоке, который продолжался тысячелетиями вплоть до середины VI века, когда аварам впервые удалось прочно объединить всю Карпатскую котловину под одной властью. Впоследствии почти тысячу лет внешнее единство поддерживали венгры, но основополагающий разлом всё равно дал о себе знать, и в настоящее время основная часть Карпатской котловины вновь разделена на запад и восток, принадлежащие соответственно Венгрии и Румынии, являющимся как бы наследниками римских провинций Паннонии и Дакии.

Следует заметить, что граница между западной и восточной частями Карпатской котловины продолжается к югу и северу. На юге она точно таким же образом делит Балканский полуостров на западную и восточную части, принадлежавшие в античное время иллирийским и фракийским племенам, а с 395 года Западной и Восточной Римской империям. На севере, в Польше, граница идёт примерно по Висле, которую Тацит считали границей Германии (Свебии) и Сарматии. Явным отражением этой невидимой черты, рассекающей Европу от устья Вислы на Балтике до Которского залива на Адриатике, являются древние названия Дуная, который к западу от этой границы назывался собственно Дунаем или Данубием, а к востоку менял своё имя на Истр. Иоанн Лидиец (VI век) пишет по этому поводу: «[Истр], попадая в теснины поблизости от Фракии, утрачивает у местных жителей своё название и зовётся Данубием» (Черняк, 1990, с. 134).

Древние источники связывают фракийцев именно с нижним Дунаем – Истром, к северу от которого жили гето-дакийские, а к югу –

Прародина славян

фракийско-мисийские племена. Несмотря на это, живущие на их месте румыны и болгары не являются родственниками, их языки входят в балканский языковой союз (румынский, болгарский, албанский и греческий языки), охватывающий восточную часть Балкан и появление которого объясняют наличием общей фракийской подосновы. При этом надо отметить, что родственный болгарскому сербский язык лежит за рамками этого союза. Объяснением этому следует считать то обстоятельство, что сербы расселились в западной, «иллирийской» части полуострова.

Таким образом, мы должны решительно отвергнуть фракийское происхождение племён чернолесской культуры, которая в конечном счёте ведёт своё происхождение из западной части Карпатской котловины, или будущей Паннонии. Далёкие предки чернолесских племён жили на берегах Данубия, но отнюдь не Истра, куда они вторглись как пришельцы. По этой причине фракийская принадлежность чернолесской культуры исключена. Нельзя считать чернолесцев и иллирийцами, поскольку последние образовались за пределами общности культур полей погребальных урн. Иными словами, из всех живших в Карпатской котловине до прихода кельтов племён в качестве прародителей чернолесского населения у нас останется только одно имя – паннонцы.

Б.Р. Рыбаков считал чернолесские племена славянами, потому что область их расселения совпадает с областью распространения древнейшей славянской гидронимии (Рыбаков, 1979). Открыватель последней, О.Н. Трубочёв, неоднократно подчёркивал, что древнейшие славянские названия вод не связаны с «прародиной славян», а указывают на область древней славянской колонизации (Трубочёв, 2003, с. 18). Чернолесская культура возникла из смешения местной белогородовской и пришлой сахарно-солонченской культур. В главе «Славяне, норрики, паннонцы» мы доказывали, что коренное население Паннонии говорило на праславянском языке.

Появление чернолесской культуры и древнейшей славянской гидронимии на одной и той же территории следует считать следствием одного и того же события – переселением на Правобережную Украину

племен молдавской группы Сахарна-Солончен, потомков культуры инкрустированной керамики Паннонии бронзового века, которых следует считать праславянами по языку. Белогородовская культура, как наследница тшинецко-комаровской, тоже должна считаться праславянской.

Как уже говорилось выше, все культурные группы в Нижнем Подунавье и Поднестровье, происходившие от паннонской культуры инкрустированной керамики XVI–XV веков и производной от неё культуры Гырла-Марэ-Кырна, такие как Инсула-Банулуй или Сахарна-Солончен, исчезли без следа, растворились в «культуре фракийского гальштата». Исключение составляет только чернолесская культура. Причину этого мы видим в том, что сахарна-солонченское население попало в родственную (праславянскую) языковую среду белогородовских племен.

В скифскую эпоху на чернолесской основе сложилось лесостепное земледельческое население Скифии. Вероятно, в это время были сделаны важные заимствования в славянский язык из скифо-иранского, в первую очередь слово «бог». Вероятно, русское название великанов «исполинами» происходит от славянского имени скифов (ср. западно- и южнославянское обр «великан, авар» и немецкое *Nüne* «великан, гунн»). Иордан сообщает, что пришедшие на свою родину готы разбили местные племена «спалов». Прокопий говорит, что древним именем «славян» и антов было «споры». Очевидно, что речь идёт об одном и том же народе. Скорее всего, праславянское население Скифии называло себя именем господствующего кочевого племени, подобно тому как много столетий спустя случилось с болгарами.

Прародина славян

Соединение в рамках чернолесской культуры двух разных племен праславянского происхождения заставляет нас вновь вернуться к проблеме прародины славян. Обе составные части чернолесской культуры – белогородовская и сахарна-солонченская в конечном счёте восходят к одному источнику – эпишнуровому комплексу Хлопице–Веселе–Почап и культуре Кишапоштаг. Последняя появилась вслед-

ствии «эпишнурового вторжения» в Подунавье в начале бронзового века.

Согласно нашему представлению, славянство едва ли не искони делилось на два относительно изолированных крыла, северное и южное, границей между которыми были Карпаты. Так, собственно, обстоит дело и сейчас. Уже тысячу лет южные славяне отрезаны от своих северных (западных и восточных славян) сородичей. В начале VI века, когда славяне появляются на страницах источников, они делятся собственно на «славян» и антов. Полутысячелетием раньше, во времена Тацита, праславяне делились на паннонцев и венетов. Различия в материальной культуре и внешнем облике могли быть разительными. Что общего кроме языка и веры было у русского мужика и черногорца в XIX веке? Чем кроме языка и религии (и то не всегда) тот же черногорец отличался от соседа-албанца?

Поэтому нас не должно удивлять видимое различие между культурой инкрустированной керамики на среднем Дунае и тшинецко-комаровской культурой в Прикарпатье в среднем бронзовом веке. Язык сильнее материальной культуры, выявляемой археологами. Если попытаться указать границы прародины славян, то можно уверенно очертить довольно замысловатую область, охватывающую, с одной стороны, западную часть Карпатской котловины между Дунаем и Восточными Альпами и Южную Польшу – с другой. Связь между этими двумя областями осуществлялась через легкопроходимые Моравские Ворота, через которые проникли на север, в частности, первые земледельцы племён «нотной» керамики (Титов, 1996, с. 243).

Столь замысловатые очертания прародины славян или, точнее, родины праславян ни в коей мере не являются плодом досужей фантазии. Именно так выглядел ареал целого ряда неолитических «дунайских» культур на протяжении почти 2 тысяч лет. Речь идёт о первой и второй дунайской культурах Гордона Чайлда, известных сейчас как культуры линейно-ленточной керамики (а именно её группы с «нотной» керамикой), и Лендзел (Маккау, карта; Гимбутас, с. 64, рис. 3–1). Как уже говорилось выше, Карпатская котловина в то время делилась на две резко отличных природных страны: лесное Задунавье (венгерский Дунантуль) и степная равнина по обе стороны Тисы (Алфёльд, Пушта).

Пожалуй, вплоть до прихода венгров их всегда занимали этнически чуждые друг другу племена. Заросшая лесом Паннония (его начали рубить только в конце III века) была естественным продолжением северо-европейского лесного пояса, и единство ландшафта способствовало культурному единству проживавшего здесь населения. Разумеется, ни линейно-ленточные, ни лендзельские племена не были праславянами. Едва ли они были даже индоевропейцами. Однако занятая ими «страна» стала той колыбелью, поселившись в которой ветвь северных индоевропейцев («пробалто-германо-славян») превратилась в обособленный индоевропейский народ, который можно уже назвать праславянами. Археологически этот процесс прослеживается с рубежа энеолита – ранней бронзы (конец 3-го – начало 2-го тысячелетия до н. э. по некалиброванным датам), то есть после распада культуры Баден, которая всё 13-е тысячелетие до н. э. господствовала во всей Карпатской котловине. В бронзовом веке западная часть Среднего Подунавья обособится в праславянскую Паннонию. К северу же от Карпат праславяне начнут неуклонно расширять пределы своего обитания к востоку до тех пор, пока их прямые потомки не дойдут, спустя несколько тысяч лет, до Тихого океана.

Проникновение части ещё не расчленённого прабалто-германо-славянского населения («шнуровые курамыки») в область распространения прагреко-армяно-фригийского населения (поствучедольская общность) на рубеже бронзового и железного веков подтверждается средствами языкознания. По мнению О.Н. Трубочёва, славянское и балтское название металла железа происходит от названия животной железы. Общее название последней в славянском и армянском (*železa и geļj) указывает на то, что праславяне и праармяне взаимодействовали между собой в эпоху бронзы и прервали отношения с наступлением железного века (Трубочёв, 2003, 126, 163).

Как известно, Геродот считал армян потомками фригийцев (Геродот, VIII, 73). Самоназванием армян является слово *Наук*, которому соответствует название античного народа пеонов, жившего к северу от Македонии (Гиндин, 1993, с. 82–85; Трубочёв, 2003, с. 162). «Пеонов некоторые считают переселенцами из Фригии, другие же признают родоначальниками этого племени» (Страбон, VII, 48). Таким образом,

пеонов можно считать носителями праамянского языка. Первоначально они проживали гораздо севернее, на среднем Дунае, в Паннонии. Греческие писатели, такие как Аппиан и Дион Кассий, неизменно именуют паннонцев пеонами: «Пеоны – большой народ около Истра, населяющий всё пространство от япедов до дарданов; пеонами их называют эллины, а по-римски они – паннонии» (Аппиан, III, 14). Вытеснение праармян-пеонов и родственных им прагреков-данайцев (то есть «дунайцев») из Подунавья на Балканы следует связать с вторжением в Карпатскую котловину части «северных» индоевропейцев – общих предков балтов, германцев и славян. Археологически это выражается вытеснением на Балканы «южных» культур вучедольского круга (Шомодьвар-Винковцы и др.) культурой Кишапоштог и образованием на среднем Дунае культуры инкрустированной керамики, принадлежавшей праславянам – предкам античных паннонцев и более поздних собственно «славян».

Славяне и горы

В современном славяноведении принято считать, что древнейшие славяне жили вдалеке от гор вообще и от Карпат в частности. Это одна из причин, почему многие из числа славистов стремятся «утопить славян в Припятских болотах». Основой этому мнению служит двойственность славянского слова «гора», с которой столкнулся ещё Проспер Мериме при написании своего сборника «Гусли» (*La Guzla*), послужившего одним из источников пушкинских «Песен западных славян». Сербская («иллирийская») песня из описания путешествия по Далмации аббата Фортиса, начинавшаяся со строк «*Scto se bieli v gorje zelenoi*», была переведена последним как «*Che mai biancheggia nel verde bosco*» – «Что же там белеет в зелёном лесу». Сам Мериме, справившись у своего русского знакомого о значении слова «гора», перевёл *gorje* словом *colline* «холм» (Пушкин, II, с. 240).

В самом деле, в словацком, болгарском и частично сербо-хорватском языках слово «гора» означает лес (Черных I, с. 203). На этом основании давно высказывалось предположение, что первоначальное значение общеславянского *goga – «холм, возвышенность, покрытые

лесом». Когда славяне познакомились с настоящими горами, они применили к ним уже имевшееся у них слово *gora (ср. литовское gire, giria; латышское dzira «лес», древнепрусское garian «дерево»). В развёрнутом виде этот взгляд изложен в статье В.М. Иллича-Сви́тыча (1960).

Подчёркнутое противопоставление «настоящих гор» и «возвышенностей, покрытых лесом» выглядит каким-то недоразумением. Достаточно беглого взгляда на физическую карту Европы крупного масштаба, чтобы убедиться в этом. Вся Южная Германия покрыта горными хребтами, именующимися «лесами», крупнейшими из которых является Шварцвальд. Среди них можно упомянуть Чешский, Баварский, Тюрингский и даже самый восточный отрог Альп – знаменитый Венский лес. Высота их невелика, около 1000 метров над уровнем моря, и по сравнению с Альпами их можно считать «возвышенностями, покрытыми лесом», и тем не менее это настоящие горы, хотя и невысокие. К югу от Чешского леса лежит хребет Шумава с тремя вершинами до полутора тысяч метров. Слово «шума» по-сербски означает лес (Черных, I, с. 476).

Слово «гора» известно не только славянам: по-афгански (пуштунски) гора будет «гар», в древнеиндийском это слово звучало как гирих, в древнеиранском (авестийском) как гайриш (Черных, I, с. 203). Не нужно быть дипломированным лингвистом, чтобы увидеть этот корень в названии горного хребта Юра, которое носят не только горы высотой до 1800 метров, отделяющие Швейцарию от Франции, но и невысокие хребты Швабской и Франконской Юры (на картах во втором издании Большой советской энциклопедии), которые на современных картах обозначают как Швабский и Франконский Альп. Последние, между прочим, говорят о том, что нарицательные названия гор мало зависят от высоты. Альпами именуются и покрытые вечными снегами и льдами хребты, и такие вот «возвышенности» высотой до 700 метров.

Вполне возможно, что мышление древнего человека ещё не научилось отделять горную породу от покрывающих её деревьев. Это было свойственно не только индоевропейцам: древние жители Месопотамии называли прилегающие к ней с востока высочайшие, до 3–5 тысяч ме-

тров высотой, хребты Загроса «кипарисовым лесом» (Лелеков, с. 33). Представляется, что славянское, да и индоевропейское слово «гора» изначально обозначало не какие-то неопределённые «холмы» или «возвышенности, покрытые лесом», а именно порытые лесом горы, вблизи которых славяне и обитали.

Нет оснований считать, что существующее в балтийских языках значение слов *gire, giria, dzira* «лес» и *garian* «дерево» были первичными. Скорее напротив, очутившись в местности, где гор нет вообще, балты упростили первоначальное нерасчленённое значение слова «гора». В славянских языках развитие значения шло в прямо противоположном направлении. Расселившись в безлесных, снежных и скалистых, как Высокие Татры, либо покрытых альпийскими лугами (полонинами) горах, славяне дали им новые названия «верх» (словацкий) или «планина» (болгарский, от славянского *polnina). Слово «гора» стало означать в них лес, а точнее по-прежнему – горный лес, потому-то других лесов в этих краях просто нет. Подобным образом название лесистых гор – «гвоздей» стало в словенском и чешском просто обозначением дремучего леса: *gozd* «лес», *hvozd* «лес, лесистые горы» (Черных, I, с. 184).

Итак, мы видим, что в индоевропейских языках значение слова «гора» развивалось в направлении (заросшая лесом) гора – лес – деревья, а не наоборот. Своего крайнего развития оно достигло только в балтских языках. Это и неудивительно – балты, в отличие от славян, жили вдали от любых гор. Славяне сохранили слово «гора» в его исконном значении, поэтому их прародина не могла лежать вдали от «поросших лесом возвышенностей». В отличие от балтов славяне никогда не порывали соседства с горами, хотя совершенно очевидно, что они не жили в горах и не знали высоких гор наподобие Западных и Центральных Альп, покрытых снегом и льдом.

Средствами языкознания установлено, что праславяне жили в лесной и болотистой местности (Филин, с. 122), однако им были известны степи, о чём свидетельствует общеславянское название степной птицы – дрофы (Трубачёв, 2003, с. 447–448). Стык степи, болот и лесистых гор в Европе встречается только в одном месте – на среднем Дунае. Великая река отделяет покрытое некогда дремучими лесами Задунавье, посреди

которого лежит огромное «болото» – озеро Балатон и ещё в VIII веке водились громадные зубры (Колосовская, с. 18–19; Павел Дьякон, II, 8; с. 71), от степного Алфёльда, большую часть которого занимает венгерская «пустыня» – пушта.

Здесь лежит прародина славян, и здесь проникшая через Моравские Ворота часть северных индоевропейцев – общих предков германцев, балтов и славян начала свою обособленную «праславянскую» жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя славян возникло гораздо позже образования славянских языков и первоначально являлось обозначением отдельного славянского «племени». Возникло оно на среднем Дунае на землях римских провинций Норик, Паннония и Дакия в качестве самоназвания местного нероманизованного населения в эпоху «кризиса III века». Носителями его были исторические паннонцы, легко выделяемые из массы прочих римских подданных по своеобразным погребальным памятникам – так называемым норико-паннонским курганам, распространённым от Альп на западе до Карпат на востоке, где они известны под названием трансильванских и карпатских курганов.

Причиной появления имени славян, то есть «ясно говорящих» людей, стало противостояние собственно римских граждан – потомков завоевателей, говоривших на латыни, и местного покорённого населения, не имевшего никаких гражданских прав и говоривших на своём собственном языке. Точно таким же образом возникли самоназвания басков и албанцев, которые имеют то же самое значение «говорящих по-своему» и типологически точно соответствуют имени славян. Питательной и защитной средой для зародившегося «славянского» самосознания стала так называемая «иллирийская армия» – одна из трёх легионных группировок, набравшаяся со времён Септимия Севера исключительно из местного населения и находившаяся в течение III столетия в состоянии непрерывного мятежа против римского правительства.

Вывод войск и романизованного городского населения из Дакии в конце III века превратил её в чисто славянскую страну, поскольку масса сельских жителей состояла из норико-паннонских переселенцев, которые заселили опустевшую после избиения даков провинцию. К этому времени относится возникновение мощнейшего слоя славянских речных названий, которые до сих пор составляют основу гидронимии Румынии и Трансильвании. В середине III века часть славянского (но-

рико-паннонского) населения Дакии переселяется к северу от Карпат, принеся с собой неизвестные здесь ранее обряд трупосожжения под курганом, ставший позднее господствующим среди славян, и «эксклюзивное» славянское жилище – квадратную полуземлянку с печью-каменкой, представлявшей собой упрощённый вариант римской кирпичной печи, возникший при отсутствии на новом месте «промышленного» кирпичного производства.

Славянское население Дакии, в IV–V столетиях находившееся под властью готов и гуннов, к началу VI века спустилось на Левобережье нижнего Дуная, в историческую Валахию. Эта область лежала за пределами власти гепидского королевства в Трансильвании, и именно на нижнем Дунае славяне впервые выступают в качестве самостоятельной военной и политической силы, что проявилось в появлении их самоназвания в письменных источниках. Этим дакийским славянам, потомкам населения римской Дакии, принадлежала культура Ипотешти-Киндешти, для которой характерно сочетание славянской полуземлянки с печью-каменкой и гончарной посуды провинциально-римского облика. Наречие этих славян легло в основу современного болгарского, македонского и, вероятно, «штокавского» (сербского) языка.

В отличие от дакийских славян, оказавшихся к началу VI века полными хозяевами на левом берегу нижнего Дуная, славяне Норика и Паннонии долгое время не могли создать независимой «Славинии». Западные римляне удерживали Среднее Подунавье вплоть до создания гуннской державы, а затем вплоть до 539 года страна подчинялась готам. Кратковременное пребывание лангобардов, которых византийцы в 548 году разместили на отвоёванных у готов землях, сменилось в 568 году продолжительным господством авар. Не будучи самостоятельной политической силой, местное население не могло появиться на страницах памятников эпохи под своим собственным именем. Источник называет их «дунайцами», противопоставляя мирное и крещёное население Норика и Паннонии нижнедунайским «славянам», воинственным и закосневшим в язычестве, поскольку Дакия была потеряна Римом за несколько десятилетий до миланского эдикта Константина Великого.

Заключение

Славянское предание именует среднедунайских «славян» именем «дулебов», восходящим к тюркскому названию покорённого земледельческого населения «таты», которое в виде слова «тоты» использовалось в венгерском языке для обозначения дунайских славян: словаков, словенцев и славонцев. Самостоятельной силой местные славяне стали во второй четверти VII века, когда под руководством Само они уничтожили Первый Аварский каганат (568–630) и нанесли сокрушительное поражение франкам, и оставались таковой вплоть до 658–663 годов, пока разгром Западного Тюркского каганата китайцами не двинул на запад новую волну кочевников, следствием чего явилось создание Второго Аварского каганата и Первого Болгарского царства.

Упадок римской цивилизации на среднем Дунае не был таким глубоким, как в Дакии, поэтому культура славян-дулебов несколько отличалась от культуры Ипотешти-Киндешти. Как и там, жилищами служили квадратные полуземлянки с печками-каменками (поселение Дунауйварош), но мёртвые погребались уже по христианскому обряду в могилах головой на запад, а керамика дунайского типа обжигалась до серого цвета по провинциально-римской технологии, утраченной на нижнем Дунае, где в V–VII веках господствовала красная посуда. Самым ярким памятником паннонских славян были так называемые кестхельские древности, найденные в богатых погребениях к югу от Балатона, там, где в IX веке лежала столица славянских князей Прибины и Коцела, а в VII веке – *castellum* Само, именуемые во франкских источниках соответственно Мозапурхом и Вогастисбургом. Предметы кестхельского типа распространились из Паннонии на юг – в западную часть Балкан и на восток – в Среднее Поднепровье, где они известны соответственно под названием мартыновских, что отражает расселение дунайских славян в эпоху Первого Аварского каганата.

С другой стороны, серая дунайская керамика проникла к северу и западу – в Чехию, Южную Польшу, междуречье Эльбы и Заале, верхнее течение Майна, обозначив пределы влияния государства Само. Наречие паннонских славян-«дулебов» легло в основу словенского, словенского и «кайкавского» хорватского языков, его воздействие стало причиной

сложения западнославянской языковой группы к северу и «неболгарской» (сербо-хорватской) части южнославянских языков – к югу от среднего Дуная. Крайним представителем этого паннонского наречия стал язык новгородских берестяных грамот – племенной говор ильменских «славян».

Собственно «славяне», о которых шла речь, первоначально представляли собой только южную ветвь раннего славянства, проживавшую в Подунавье под римской властью. Жившие к северу от Карпат славянские племена долгое время не считали себя «славянами». Римские писатели называли их венетами, византийские – антами, славянский вариант их имени сохранился в названии летописного племени вятичей. В современном русском произношении северную ветвь раннего славянства следовало бы именовать «вятской», в отличие от южной – собственно «славянской».

«Вятская» ветвь делилась на ряд отдельных племён, каждое – со своим собственным именем, которые в ходе переселений VI–VII веков оказались разбросаны по разным концам славянского мира. По летописному списку славянских племён их можно разделить на две группы, которые заканчиваются соответственно на «-яне» и «-ичи». В археологическом смысле им соответствуют классическая пражская культура V–VII веков и ряд одновременных ей культурных групп – пеньковской (уличи), колочинской (радимичи), тушемлинской (дреговичи), длинных курганов (кривичи) и имениковской (вятичи), – образовавшихся на основе киевской культуры III–V веков.

Археология и этнонимия свидетельствуют, что расселение «вятской» ветви славян шло в разных направлениях. Носители классической пражской культуры («-яне») хлынули в V–VI веках с Правобережной Украины на запад – Польшу, Чехию, Германию. Носители киевской культуры («-ичи») уже в III–V веках заняли Верхнее Поднепровье, а в VI–VII столетиях заняли украинскую лесостепь (пеньковская культура) и земли позднейшего Казанского царства (имениковская культура). Представители этой части «вятских» (антских) племён в VI–VII веках вместе со «славянами» вторгались на византийские земли: дреговичи дошли до Македонии, кривичи – до Пелопоннеса. При этом, как свидетельствуют источники, «славяне» не жаловали своих «вятских»

Заключение

родственников – между обоими племенами шла ожесточённая борьба, в которой, по крайней мере в первой половине VI века, анты имели перевес.

«Славянизации» антов способствовал целый ряд обстоятельств. В отличие от «славян», которые вместе с аварами сражались против византийцев, анты были союзниками последних. Авары обрушились на антов, едва появившись в Северном Причерноморье в середине VI века, а в начале VII столетия авары, по сообщению источника, послали войско с целью «истребить народ антов». Подвластные аварам «славяне» едва ли остались от этого в стороне. Свидетельством этого являются «славянские» древности, появившиеся в коренных «вятских» землях в VII веке: пальчатые фибулы, звёздчатые серьги, трапециевидные подвески и прочие предметы кестхельского (мартыновского) типа, имеющие очевидное среднедунайское происхождение.

В VII–VIII веках и позднее западная часть «вятского» мира находилась под мощным культурным воздействием Среднего Подунавья (распространение гончарной посуды дунайского типа, височных колец с эсовидным концом и пр.), что отражало воздействие державы Само, Второго Аварского каганата и Великой Моравии. Имел место и мощный поток переселения собственно «славян» на север, достигший в VIII веке польского Поморья (словинцы) и Приильменя (летописные словѣне). Всё это привело к вытеснению «вятского» самосознания «славянским» и распространению имени славян на потомков антов.

Слабые следы изначального деления славянства на две ветви остались только в смутном делении летописных племён на происходящих «от славян» и происходящих «от ляхов» да в двоичном разделении славянской лексики. Лучше всего это исследовано пока на примере словацкого языка, но может быть распространено на прочие славянские языки. Так, южным, «славянским» словам рожь, бор, слепка, пряслице, чело в северных, «вятских» языках соответствуют – жито, сосна, кура, кудель, лоб.

Разделение славян на две ветви, севернее и южнее Карпат, восходит ещё к праславянскому времени. По совокупности археологических и лингвистических сведений можно утверждать, что праславяне выдели-

лись в качестве самостоятельного индоевропейского народа на рубеже каменного и бронзового веков. Археологическим соответствием праславянской общности была поздняя ступень культуры шнуrowой керамики и боевых топоров Южной Польши, известная под названием «эпишнуrowого комплекса» Хлопице–Веселе–Почап. Часть этого населения, проникшего в западную часть Среднего Подунавья, стала известна здесь под названием культуры Кишапоштаг. Переход от энеолита к бронзе в Центральной Европе датируется (в некалиброванных датах) рубежом 3–2-го тысячелетий до н. э., это время и следует считать началом славян как особой группы индоевропейцев.

В дальнейшем развитие праславян к северу и югу от Карпат шло несколько обособленно. На севере эпишнуrowые культуры Хлопице–Веселе–Почап и следующая за ней Стрижев–Межановице–Нитра продвигаются всё далее на восток, а во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. сложившаяся на их основе тшинецко-комаровская область достигает среднего Днепра. В Среднем Подунавье на основе культуры Кишапоштаг складывается паннонская культура инкрустированной керамики. Переход к поздней бронзе был отмечен нашествием центральноевропейской культуры курганных погребений. При смешении её с праславянским населением по обе стороны Карпат сложилась культура полей погребений, которую можно связать с историческими венетами.

Это имя было усвоено в качестве самоназвания также праславянским населением, сохранившись вплоть до VII века в качестве самоназвания у северной ветви славянских («вятских») племен – антов, а в качестве племенного имени вятичей – до XII века. Раннее исчезновение дунайской культуры полей погребений привело к утрате местным праславянским населением имени венетов. В историческое время оно стало известно под именем паннонцев или пеонов. Как уже говорилось выше, паннонцы первыми усвоили появившееся в III веке н. э. имя славян, то есть «не римлян, не граждан, не говорящих по латыни» в качестве самоназвания.

Прародиной славян нужно считать пространство, где произошло обособление праславянского языка от родственных индоевропейских наречий. Это земли задунайской части Карпатской котловины (антич-

Заключение

ная Паннония) и Южная Польша, соединённые Моравскими Воротами. Территория славянской прародины точно совпадает с ареалами неолитических культур «нотной керамики», лендзельской и баденской. Их население не было праславянским, но оно послужило подосновой для образования праславян в начале эпохи бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
2. Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Славянские хроники / Пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской. М., 2011.
3. Акимова О.А. Развитие этнического самосознания хорватов в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 130–151.
4. Акимова О.А. Этническое и культурное самосознание хорватов в XV веке // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 138–156.
5. Алексеев С.В. Праславяне. Опыт историко-культурной реконструкции. М., 2015.
6. Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражение М.В. Грацианскому) // Византийский временник. 2014. Т. 73 (93).
7. Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998.
8. Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.
9. Археология Венгрии, конец II тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э. М., 1986.
10. Балинт Ч. Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994. С. 38–87.
11. Банников А.В. Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб., 2013.
12. Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб., 2015.
13. Баран В.Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 5–48.

Список литературы

14. Баран В.Д. Давні слов'яни. Київ, 1998.
15. «Баварский географ» («Описание городов и областей к северу от Дуная») (вторая половина IX в.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. М., 2010. С. 25–30.
16. Белых С.К., Напольских В.В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1994. Т. 30. № 4. Р. 278–288.
17. Березанская С.С. Об этнической принадлежности племён чернолесской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 1. С. 12–18.
18. Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации*. М., 1988.
19. Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Этнокультурные процессы в Карпатском бассейне и Подунавье в период раннего средневековья (V–VII вв.) // *Славяне и Русь: (В зарубежной историографии)*. Киев, 1990. С. 79–98.
20. Вакуленко Л.В. Українські Карпати в пізньоримський час (етнокультурні та соціально-економічні процеси). Київ, 2010.
21. Васильев М.А. Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // *Славяноведение*. 1992. № 2.
22. Васильев М.А. Этногенетические и раннеисторические процессы в славяноязычном мире в позднеимское и раннесредневековое время: анты и словене // *Славяно-германские исследования*. Т. 1–2. М., 2000. С. 412–435.
23. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. с лат. Л.В. Поповой. М., 1987.
24. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.
25. Вернер Й. К происхождению и распространению антов и склавенов // *Советская археология*. 1972. № 4. С. 102–115.
26. Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Пер. с лат. Г.Э. Санчука. М., 1975.

27. Виноградова А.И., Мельников Г.И., Шушарин В.П. К проблеме становления этнического самоназвания словаков // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 233–244.
28. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011.
29. Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. М., 2002.
30. Габовштяк А. Проблема происхождения славянского языка с точки зрения лексики // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 61–76.
31. Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Этногенез и этиокультурные контакты славян. М., 1997. С. 39–52.
32. Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 7–25.
33. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурноисторическим данным // Вестник древней истории. 1980. № 3.
34. Гельмольд. Славянская хроника // Славянские хроники / Пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской. М., 2011.
35. Геродиан. История императорской власти после Марка. М., 1996.
36. Геродот. История в девяти книгах / Пер. с греч. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
37. Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря // Этнографический сборник издаваемый императорским русским географическим обществом. СПб., 1862. Вып. V. С. 1–189.
38. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М.; СПб., 2013.
39. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы / Пер. с англ. М., 2006.
40. Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации Балканского полуострова // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52–96.

Список литературы

41. Гиндин Л.А. Население Гомеровской Трои. М., 1993.
42. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. 2-е изд. Ижевск, 2004.
43. Грацианская Н.Н. Проблемы раннесредневековой этнической истории словаков // Романия и Барбария. М., 1989.
44. Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. 2012. Т. 71 (96). С. 27–39.
45. Гумилёв Л.Н. Гунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. СПб., 1994.
46. Дайм Ф. История и археология авар // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 273–284.
47. Десницкая А. Проблема диалектного членения индоевропейской языковой общности в исследовании Порцига // Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 5–26.
48. Дмитров А.Д. Движение скамаров // Византийский временник. 1952. Т. 5. С. 3–14.
49. Древние германцы: Сборник документов. М., 1937.
50. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. Античные источники. М., 2009.
51. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М., 2009.
52. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. V. Древнескандинавские источники. М., 2009.
53. Дуриданов И. Выступление // IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Языкознание. Киев, 1983.
54. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // Вестник древней истории. 1982. № 3.
55. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1993.
56. Житие святого Северина (С прил. ориг. лат. текста) / Пер. с лат. А.И. Донченко. СПб., 1998.
57. Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36–153.

58. Зализняк А.А. О новгородских берестяных грамотах с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986.
59. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международнй съезд славистов. М., 1988.
60. Зализняк Л.Л. Стародавня історія України. Київ, 2012.
61. Зализняк Л.Л. Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных // genofond_article83391.
62. Золтан А. О старинном венгерском названии славян *tót* // LDK kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos. V tarptautinės konferencijos pranešimų tezės. 2008 m. lapkričio 12–14 d. Vilnius–Seinai. Tezių rinkinį sudarė Marina Čistiakova. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. S. 108–110.
63. Иванов Вяч.Вс. Латынь и славянские языки: проблемы взаимодействия // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 25–33.
64. Иванов Вяч.Вс., Ронин В.К. Проблемы этнического самосознания словенцев // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 165–181.
65. Иванов Вяч.Вс., Ронин В.К. Проблемы этнического самосознания полабских славян XI–XIV веков // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 297–316.
66. Иванов С.А. Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 35–53.
67. Иванов С.А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 3–13.
68. Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд, 1986.
69. Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Известия отдела литературы и языка. 1960. Т. XII. Вып. 3. С. 222–232.
70. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Текст, пер. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2013.

Список литературы

71. Исланова И.В. Славянское расселение на Валдае и Верхней Волге (история решения вопроса) // Восточная Европа в средневековье. М., 2004.
72. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988.
73. История Румынии. М., 2005.
74. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
75. К истории появления скандинавских соционимов в Древней Руси (<http://samlib.ru/editors/c/chingachguk/veringjar.shtml>).
76. Кланица З., Тршежик Д. Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // Раннефеодальные государства и народности: (Южные и западные славяне, VI–XII вв.). М., 1991. С. 7–26.
77. Клейн Л.С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2.
78. Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.
79. Клейнберг И. О топониме Gercike в источниках XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. IV. Л., 1972.
80. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
81. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.
82. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.
83. Козьма Пражский. Чешская хроника. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Рязань, 2009.
84. Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973.
85. Конецкий В.Я. Славянская колонизация северо-запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и новгородская земля. Вып. 12. Новгород, 1998.
86. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
87. Королюк В.Д. Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
88. Крысько В.Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.

89. Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
90. Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
91. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времён до 1618 г. Книга 1. М., 2003.
92. Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Люблина, 1992.
93. Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
94. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 4 (26). С. 223–298.
95. Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 105–115.
96. Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 31–37.
97. Лелеков Л.А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия: историко-культурные связи. М., 1982. С. 148–164.
98. Лемхенас Х. Русско-литовский словарь. 1949.
99. Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий С.В. Алексеева. СПб., 2015.
100. Лециевич Л. Летописные Поморяне // Древности славяне и Руси. М., 1989.
101. Литаврин Г.Г. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй половины X до конца XIV века // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 36–69.
102. Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
103. Литаврин Г.Г. Славинии VII–IX вв. – социально-политические организации славян // Литаврин, 1999. С. 518–526.

Список литературы

104. Литаврин Г.Г. О двух Хилбудях Прокопия Кесарийского // Литаврин, 1999. С. 548–556.
105. Литаврин Г.Г. Менандр Протиктор о взаимоотношении аваров и славян // Литаврин, 1999. С. 557–567.
106. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках. М., 2007.
107. Люшкевич Ф.Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // Советская этнография. 1971. № 3. С. 27–29.
108. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародины славян). Минск, 1963.
109. Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян. 2-е изд. М., 2004.
110. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье IV–VII вв. Именьковская культура. Самара, 2003.
111. Матузова В.И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарий). М., 1979.
112. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тыс. н. э. (по письменным источникам) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. София, 1981. С. 31–52.
113. Мачинский Д.А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 120–130.
114. Мельников Г.П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 205–216.
115. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
116. Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
117. Монгайт А.Л. Археология западной Европы. Каменный век. М., 1973.
118. Монгайт А.Л. Археология западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.

119. Мурьянов М.Ф. У истоков христианства у славян // Славяноведение. 1992. № 2. С. 44–53.
120. Мурьянов М.Ф. Гимнография Древней Руси. М., 2003.
121. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996.
122. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.
123. Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3–19.
124. Народы Поволжья и Приуралья. М., 1985.
125. Наследкова Р.А. Македонские славяне IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты // Византийский временник. 1956. XI. С. 82–97.
126. Наумов Е.П. Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии (по материалам Хроники Малалы) // Этногенез народов Балкан и Сев. Причерноморья. М., 1984. С. 203–210.
127. Наумов Е.П. Процессы развития этнического самосознания в Сербии и Боснии в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 94–116.
128. Нидерле Л. Славянские древности. М., 2013.
129. Новгородская первая летопись по софийскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 3.
130. Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина. СПб., 2008.
131. Патканов К. Из нового списка «Географии», приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1883. С. 226.
132. Пачкова С.П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев, 2006.
133. Пеняк С.И. К вопросу о времени заселения славянами Карпатского бассейна // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 68–77.

Список литературы

134. Петрухин О.М., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
135. Плетнёва С.А. Половцы. М., 1990.
136. ПВЛ – Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950.
137. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей).
138. Польша. Общегеографическая карта 1:1 250 000. Роскартография, 1994.
139. Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973.
140. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. 2-е изд., испр. М., 2003.
141. Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
142. Приск Панийский. История // Вестник древней истории. 1948. № 4.
143. Приходнюк О.М. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья / Опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996. С. 64–79.
144. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.
145. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чкаловой. 2-е изд. М., 1998.
146. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981.
147. Рабинович Р.А. «Волки» русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима «уличи») // Stratum plus. СПб., 1997.
148. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
149. Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985.
150. Рассадин С.Е. Первые славяне. Славяногенез. Минск, 2008.
151. Рафалович И.А. К вопросу о времени появления первых политических образований романизованного населения на землях к северу от Дуная // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинёв, 1975. С. 35–41.

152. Ременников А.М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римской империей в III веке // Причерноморье в античную эпоху. М., 1954.
153. Ренфрю К. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // Вестник древней истории. 1998. № 3. С. 112–122.
154. Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
155. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын – славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984.
156. Русанова И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Исследования и материалы. М., 1990.
157. Рыбаков Б.А. Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
158. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.
159. Саксон Анналист. Хроника. 741–1139 / Перевод с лат. и коммент. И.В. Дьяконова. М., 2012.
160. Салмина М.А. Время Бусово // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 1. СПб., 1995.
161. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
162. Свод древнейших письменных известий о славянах. I–VI вв. М., 1994.
163. Свод древнейших письменных известий о славянах. VII–IX вв. М., 1995.
164. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
165. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
166. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
167. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
168. Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.

Список литературы

169. Сергиевский М. Румынский язык // Большая советская энциклопедия. М., 1941. Т. 49. Робер до ручная. С. 583–584.
170. Симонова Е.Н. Материальная культура славянского населения Северо-Восточной Венгрии VII–XI веков. М., 2008.
171. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
172. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993.
173. Славяне на Дунае: обретение Родины // Stratum plus. 2015. № 5 целиком.
174. Слово о полку Игореве / Вступит. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева; сост. и коммент. Л. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1985.
175. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы этногенеза волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962.
176. Смирнов Л.Н. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 245–255.
177. Соловьёва Г.Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь. М., 1968.
178. Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именинковой культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20–30.
179. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1987.
180. Страбон. География / Пер. с греч., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л., 1964.
181. Тасић Н. Југословенско Подунавље от индоевропске сеобе до продора скита. Нови Сад, 1983.
182. Тацит Корнелий. Сочинения: В 2 т. М., 1969.
183. Титмар Мерзебургский. Хроника / Пер. с лат. И.В. Дьяконова. М., 2005.
184. Титов В.С. Неолит Карпатского бассейна. М., 1996.
185. Толстой Н.И. Сербохорватская лексика на общеславянском фоне // Избранные труды. Т. 1. 1997. С. 261–270.
186. Толстой Н.И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Избранные труды. Т. III. 1999. С. 10–30.

187. Толстой Н.И. Этническое и культурное самосознание хорватов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 152–164.
188. Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
189. Тржештик Д. Славянские этногенетические легенды // Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1981. С. 35–42.
190. Трубочёв О.Н. О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
191. Трубочёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
192. Трубочёв О.Н. Древние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974.
193. Трубочёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.
194. Трубочёв О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка. М., 1999.
195. Трубочёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование. 2-е изд. М., 2003.
196. Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
197. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. М., 1986.
198. Фёдоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973.
199. Феофилакт Симокатта. История / Пер. с греч. проф. С.И. Кондратьева. М., 1957.
200. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
201. Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.
202. Фурасьев А.Г. О роли миграций в этногенезе славян // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009.

Список литературы

203. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.
204. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.
205. Херрманн И. Ruzzi. Forsderen liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX века) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 163–169.
206. Хождение на Флорентийский собор неизвестного Суздальца // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 137–151.
207. Хроника Фредегара. М., 2015.
208. Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб., 2015.
209. Цоль-Адамикова Х. Наземные погребения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников // Российская археология. 1998. № 1. С. 84–90.
210. Чаплыгина Н.Л. Население днестровско-карпатских земель и Рим в I – начале III в. н. э. Кишинёв: Штиница, 1990.
211. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. 2-е изд. М., 1994.
212. Черняк А.Б. Византийские свидетельства о романском (романизированном) населении Балкан V–VII вв. // Византийский временник. 1990. Т. 51. С. 132–152.
213. Шаги К. Остроготы (остготы) в окрестностях оз. Балатона // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 50–63.
214. Шапошников А.К. Славянский этногенез. Саарбрюккен, 2014.
215. Шафарик П.И. Славянские древности от Геродота до падения гуннской и римской держав. М., 2015.
216. Шервуд Е.А. Предпосылки формирования итальянского этноса (Социально-экономический аспект в V–VI вв.) // Романия и Барбария. М., 1989. С. 25–47.
217. Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М., 1989.

218. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
219. Штаерман Е.М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // Вестник древней истории. 1949. № 3.
220. Штаерман Е.М. К вопросу о *deditiis* в Эдикте Каракаллы // Вестник древней истории. 1952. № 2.
221. Шустер-Шевц Х. К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6.
222. Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрия об этническом составе населения Восточного Прикарпатья в первой половине XIII вв. // История СССР. 1978. № 2.
223. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997.
224. Щапов А.Н., Лимонов Ю.А. История Руси в западно-украинской хронографической компиляции XVI века // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976.
225. Щукин М.Б. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 56–62.
226. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
227. Щукин М.Б. Рождение славян // *Stratum plus*: структуры и катастрофы. 1997. С. 110–147.
228. Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.
229. Эйнгард. Жизнь Карла Великого // Левандовский А. Карл Великий. М., 1995.
230. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1. *а – *besǫdъlivъ. М., 1974. – Вып. 40. *ǫbogъ – *rakъla. М., 2016.
231. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
232. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.

Список литературы

233. Bialekova D. Zur Frage der grauen Keramik aus Gräberfeldern der Awarenzeit im KarpatenBecken // *Slovenska Archeologia*. XVI. 1968.
234. Bóna I. VII.századi avar települések és árpád-kori Magyar falu Dunaujvárosban. Budapest, 1973.
235. Bóna I. Die mittlere Bronzezeit Ungarns. Budapest, 1975.
236. Bosworth J. A literal translation of King Alfred's Anglo-Saxon Version of the Compendious history of the World by Orosius. London, 1855.
237. Curta F. The Making of the Slavs: History and Archeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge, 2001.
238. Curta F. The Slavic lingua franca (Linguistic notes of an archeologist turned historian) // *East Central Europe*. 2004. 31. № 1. P. 124–148.
239. Curta 2005: F. Curta, Before Cyril and Methodius: Christianity and Barbarians beyond the Sixth- and Seventh-Century Danube // *East Central and Eastern Europe in the Middle Ages*. Ann Arbor, 2005. P. 181–219.
240. Čilinská Z. Zur Frage des zweiten awarischen Kaganats // *Slovenská Archeologia*. 1967. XV-2. S. 447–454.
241. Doruľa J. Linguistisch-historischer Beitrag zur Frage der Selbstbenennung von Slowaken im Rahmen der ihren Ethnogenese // *Central Europe in 8th – 10th Centuries*. Bratislava, 1997.
242. Dumitrescu V., Bolomey A., Mogoşanu F. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. Bucarest, 1983.
243. Eible M. Untersuchungen zu den norisch-pannonischen Hügelgräbern. Graz, 2014.
244. Enchert S. Zu Christentum und Heidentum im slawischen Karantanien // *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe Archaeological and Historical Evidence*. Vol. 1. Kraków; Leipzig, 2012. S. 489–502.
245. *Encyclopoedia Britannica*. Vol. 3. Chicago etc., 1946.
246. *Encyclopaedia of Islam*, 1913–38. Vol. 8. Reprint. Leiden, 1987.
247. Fokt K. Śladami etnicznej stratygrafii, czyli u źródeł zachodniej połowy słowiańszczyzny // *Wędrownica i etnogeneza w starożytności i średniowieczu*. Kraków, 2010.
248. Gabsch J. Die Norisch-pannonische Frauentracht im 1. und 2. Jahrhundert. München, 1965.

249. Gavazzi M. Zapadni-panonski slavenski pojas u davnini (Prolegomena) // Etnografia polska. III. Wrocław, 1960.
250. Godłowski K. Perwotne siedziby Słowian. Wybór pism pod redakcją M. Parczewskiego. Kraków, 2000.
251. History of Transilvania. Vol. 1. From the Beginnings to 1606. New York, 2001 (<http://mek.oszk.hu/03400/03407/html/1.html>).
252. Illyés E. Ethnic continuity in the carhato-danubian area. East European Monographs CCXLIX, 1988.
253. Jażdżewski K. Pradzieje Europy Środkowej. Wrocław, 1984.
254. Kesthely // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Band 16. Berlin; New York. S. 468–474.
255. Krajčovič R. Kontinuität in der Entwicklung der Sprache der alten Slovėnen im 5. – 10. Jahrhundert im Karpatenbecken // Central Europe in 8th – 10 th Centuries. Bratislava, 1997.
256. Kučerová K. Zur Frage der ethnischen und politischen Namengebung der Slowaken // Ethnologia Slavica 1990. T. XXII. S. 205–214.
257. Kulturen der Frühbronzezeit des Karpatenbeckens und Nordbalkans. Beograd, 1984.
258. Kurnatowska Z. Słowiańszczyzna południowa. Wrocław, 1977.
259. Lichardus J., Vladár J. Frühe und Mittlere Bronzezeit in der Südwest-slowakei // Slovenská Archeologia, 1997, XLV-2.
260. Macháček J. Keramika středodunajské kulturní tradice. Příspěvek k diskusi o terminologii raného středověku // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. Brno, 1995. S. 40.
261. Macháček J. Studie zur Keramik der mitteldanubischen Kulturtradition // Slovenská Archeologia. 1997. XLV. S. 353–418.
262. Machnik J. Frubronzezeit Polens (Übersicht uber die Kulturen und Kulturgruppen). Wrocław, 1977.
263. Machnik J. Kultury z przelomu eneolitu i epoki brązu w strefie Karpackiej. Wrocław etc., 1987.
264. Magnae Moraviae fontes historici. Vol. I–V. Brno, 1967–1976.
265. Makarowicz P. Rola społeczeństi kultury iweńskiej w genezie trzcinieckiego kręgu kulturowego (2000–1600 BC). Poznań, 1998.

Список литературы

266. Makkay J. The Lineal Pottery and the Early Indo-Europeans // Proto-Indo-European Archeology of a Linguistic Problem. Studies in Honor of Maria Gimbutas. 1987. P. 165–184.
267. Marcellini v. c. comitis chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a/ DXXXIV. Additamentum ad a. DXLVII // Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum tomi XI pars I. Chronica minora saec. IV.V. VI. VII. Berolini MDCCCXCIII. P. 37–108.
268. Müller R. Die Umgebung des Zala Flusses im 8.-10. Jahrhundert // Central Europe in 8th – 10th Centuries. Bratislava, 1997.
269. Orel W. Albanian etymologic dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
270. Paliga S., Todor E. Linguistica și arheologia slavilor timpurii: o altă vedere de la Dunărea de Jos. Cetatea de Scaun, 2009.
271. Pelliot P. Tokharien et Koutcheen // Journal Asiatique, 1934, I.
272. Praistoria Jugoslovenskih zemalja. I–V. Sarajevo, 1987.
273. Praveké dějiny Čech. Praha, 1965.
274. Ruttkay A. Die Slawen im Mitteldonauraum als interdisziplinärisch Forschungsprogramm // Central Europe in 8th – 10th Centuries. Bratislava, 1997. P. 190–195.
275. Sacellariou M. Les Proto-grecs. Athen, 1980.
276. Schuster-Šewc H. Die späterslawischen Innovationen und ihre Widerspiegelung in der Iso-glossenstruktur des Sorbischen (Ein Beitrag zur Dialektologie der Späterslawischen) // Lětopis, 1998. Bd. 45. № 1. S. 31–50.
277. Stadler P. Quantitative Studien zur Archäologie der Awaren. 1. Wien, 2005.
278. Szőke B.M. Zur Geschichte der Awaren und Slawen in Südwestungarn // Zalai Múzeum. 1991. 3. S. 9–17.
279. Szőke B.M. Mosaburg / Zalavár // Great Moravia and the Beginnings of OF Christianity. Brno, 2014. P. 262–267.
280. Szymanski W., Dabrowska E. Awarzy. Wiegry. Wroclaw, 1979.
281. Teodor E.S. An Update for «Ipotesti-Candesti» Culture // Zbornik na počest Dariny Bialekovej. Nitra, 2004.
282. Történelmi világtlasz. Budapest, 1991.

Список литературы

283. Toynbee J.M.C. Death and burial in the Roman world. N.Y., 1971.
284. Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Praha, 2010.
285. Turek J. Období zvoncovitých pohárů v Evropě // Archeologie ve středních Čechách. 2006. № 10. S. 275–368.
286. Turek J. Origin of the Bell Beaker phenomenon. The Moroccan connection // Background to Beakers. Inquiries into regional cultural backgrounds of the Bell Beaker complex. Leiden, 2012. P. 191–203.
287. Vida T. Local or foreign Romans? The problem of the late antique population of the 6th – 7th centuries AD in Pannonia // Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility. Mainz, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН	4
Глава 2. РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЁН.....	14
Славянские племена в «Повести временных лет» и у Константина Багрянородного	14
Славянские племена в «Великопольской хронике».....	20
Славянские племена в Орозии короля Альфреда.....	25
Племенные названия и потоки славянских переселений.....	30
Поляне	30
Древляне	31
Волыняне	31
Хорваты	32
Сербы.....	33
Северяне.....	34
Дреговичи	34
Кривичи.....	35
Стороране	35
Суслы	36
Мильчане	36
Смоляне.....	36
Радимичи	37
Уличи.....	38
Ободриты	39
Две группы славянских племён	42
Глава 3. СОБСТВЕННО «СЛАВЯНЕ»	44
Словаки	46
Словенцы и хорваты кайкавского наречия.....	49
Собственно «славяне» в Венгрии («тоты»)	52

Дулебы	55
Собственно «славяне» на Балканском полуострове	58
Нижнелужицкие сербы	61
Поморские словинцы	62
Ильменские «словѣне»	67
«Славянские» наречия на общеславянском фоне.....	71
Глава 4. АНТЫ, ВЯТИЧИ, ВЕНЕТЫ.....	75
Славяне и анты.....	75
Анты и венеты	79
Анты и вятичи	82
Глава 5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ	93
Глава 6. СЛАВЯНЕ, НОРИКИ, ПАННОНЦЫ	108
Славяне и «нарци»	108
Скоморохи, скамары и всадники-геты.....	110
Rannonica lingua и славянский язык.....	116
Языкъ словѣньскъ и lingua Latina	119
Славяне и норико-паннонские курганы	122
Глава 7. СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ.....	128
Переселение славян на Дунай (миф или реальность).....	128
Пражская культура и дунайская керамика	130
«Антская миграция».....	134
Славяне и авары	137
Собственно «славяне» и дунайская керамика	145
Славяне и кестхельские древности	147
Государство Само и расселение «славян»	156
«Славиния» на нижнем Дунае	165
Глава 8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯН	177
Типология славянского имени.....	177
«Иллирийская армия» III века как колыбель «славян»	183
«Славяне» на нижнем и среднем Дунае.....	190
Модель славянского глоттогенеза.....	197
Возникновение славян.....	199

Содержание

Глава 9. СЛАВЯНЕ И ВЕНЕТЫ	204
Венеты и киевская культура	204
Зарубинецкая культура и венеты	208
Имя венетов на карте Европы	213
Венеты и культуры полей погребений бронзового века.....	215
Венеты в Восточной Европе.....	218
Венеты – древнее имя славян	223
Глава 10. ПРАРОДИНА СЛАВЯН	225
Два пути поиска происхождения индоевропейцев.....	225
Местоположение праславянского языка	228
Место и время появления праславян	230
Чернолесская культура и праславяне	239
Прародина славян.....	244
Славяне и горы	247
Заключение	251
Список литературы	258

Научное издание

Сергей Владимирович Назин

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН:
реконструкция этнонима, прародины
и древнейших миграций**

Без возрастных ограничений

Редактор *С.В. Назин*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Оригинал-макет *В.В. Павловой*

Оформление *К.В. Тихомировой*

Подписано в печать 23.01.2017 г.

Формат 70×100/16

Тираж 300 экз. Заказ №

Грифон

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38, офис 522

Тел.: 8-499-740-45-62

www.grifon-m.ru